

СЕМЬЯ И ШКОЛА

5 / 1970

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*Каждый юный человек
должен испытать счастье
прикосновения к подвигу...*

Боевая колесница

Дружим с пограничниками

Май начинается
 с праздников.
 Первомай — богатое слово.
 Оно звучит
 и торжественно
 и сердечно.
 В нем крепость
 рабочего братства,
 призыв к дружбе
 трудящихся всего мира.
 В нем и ликование весны!
 Девятое мая —
 День Победы,
 день торжества
 нашей великой Родины,
 отстоявшей свою свободу
 и независимость.
 Праздники украшают
 цветы и дети.
 Цветы земли
 и цветы сада человеческого.
 Пусть
 вдоволь им будет
 солнца и счастья!

содержание

1945—1970	
л. иванова ● урок великой любви	2
в. адушкина ● мы тебя слышим!	4
в. краснов ● прикосновение к подвигу	7
н. хрулев ● главная роль	8
г. могилевская ● шесть шиленковых	12
комсомольцы в школе	15
н. халатов ● в руки взяв газеты номер ...	16
и. печерникова ● тысяча дипломов	18
а. фролов ● дневник отца	19
письма. ответы. комментарии	22
приглашаем на педсовет	24
говорят дети	26
путь и профессии	
в. рыбаков ● слагаемые выбора	27
из педагогического наследия	
к. д. ушинский ● родное слово	30
природа	
и. любимов ● земля	36
п. смолин ● только в мае	39
м. халфина ● по закону	40
книги	
шла война; т. бангерская ● человек и его родина;	46
перечитаем вместе: а. турков ● „какое оно, море?“	49
диафильмы	
с. печуро ● волшебный фонарь	52
кино	
л. кабо ● была на земле деревня ...	54
радио	
м. константиновский ● кооп. „репортаж о событиях невероятных“	56
и. дямин ● лесные трофеи	60
на 64 клетках	62
с. глязер ● бадминтон	63
история одной картины	
л. осипова ● „идучи сим новым путем ...“	64

На 2-й странице обложки фото б. романова; на 2-й странице вкладки фото н. свиридовой; на 4-й странице обложки фото б. раскина.

семья и школа

ежемесячный журнал для родителей
 Академии педагогических наук СССР
 май 1970 года № 5 25-й год издания

урок великой любви

Двадцать пять лет назад полным разгромом фашистских войск закончилась Великая Отечественная война советского народа.

Мы отмечаем двадцать пятый День Победы.

Это ведь много — четверть века. Мальчики, выросшие без отцов, сами стали отцами. Поднялось целое поколение, для которого война — страница истории.

Города растут еще быстрее, чем люди. Заново отстроено все, что было разрушено.

Мы радуемся, когда исчезают на земле следы войны. Но мы свято храним в своей памяти всё пережитое.

Нашу бережную память питает живая любовь к погибшим близким и бесконечная благодарность ко всем, кто, не щадя себя, бился с врагами.

Любовная, почтительная память — наш человеческий долг перед теми, кто отдал свою жизнь за Родину.

Но у нас есть долг и перед теми, чья жизнь еще только начинается.

Все больше становится людей, которые не помнят войны. И очень важно, чтобы они знали, чем была эта война с фашизмом и каких усилий, какого максимального напряжения стоила нашему народу победа в этой справедливой войне.

Мы вспоминаем войну с чувством гордости за свой народ. За единство его в беззаветной преданности Коммунистической

партии, за самоотверженность в боях и труде, за стойкость и благородство, с которыми шел он сквозь испытания, за неукротимое стремление к победе.

Велик пример поколения военных лет для всех последующих поколений.

И надо, надо для счастья детей и внуков, чтобы они понимали нравственные истоки подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Чтобы мысли их о будущем были связаны с будущим родной страны. И чтобы во всех ее победных торжествах они принимали участие как прямые творцы общего дела.

Наша молодежь получает хорошее гражданское воспитание. Отцы и матери благодарны школе, которая преподает достаточно широкий объем общественных наук, позволяющий полно представить историю Родины, ее прогрессивную роль в современном мире. Комсомол и пионерская организация заслужили всеобщее уважение своей патриотической деятельностью. Ветераны войны и служащие Советской Армии охотно встречаются с молодежью, помогают проводить экспедиции по следам сражений, создавать музеи боевой славы. У нас есть богатая литература о войне, книги о ее героях стали любимым чтением детей и юношества.

Коллективные формы этой многогранной и благородной воспитательной работы должны найти свое продолжение и поддержку в семье.

Кровное родство с народом-героем должно звучать для юного человека не общим выражением, а ощущаться им буквально, наследоваться так, как наследуются родительские, фамильные черты, входит в его характер, как естественно входит весь семейный уклад.

...На обложке нашего журнала помещена фотография. На ней почти бытовая сцена: дед рассказывает внуку какой-то фронтовой случай. Но взгляните в лицо ребенка. В нем отразилась не одна воз-

1945-1970

растная увлеченность сюжетной стороной сражения. Он и поражен и задумчив, этот ребенок, прикоснувшийся сейчас к боевой молодости деда. И пусть старый солдат, понимая, что рассказывает маленькому, несколько даже добродушен, все равно мы чувствуем, чему тут становимся свидетелями: происходит великое таинство наследования мужества.

Чем старше становятся наши сыновья и дочери, тем важнее для них оказывается наш жизненный опыт. Он необходим как подробное раскрытие того обобщенного опыта страны и народа, который дает им школа. Чем старше они становятся, тем сложнее и глубже их раздумья о природе убеждений и тех внутренних качеств человека, которые делают его способным к преодолению слабостей, выковывают в нем силу и решимость выполнять свой долг.

И важно им иметь перед собой образец ясного и бескомпромиссного решения этих вопросов. И важно показать им, что несгибаемым стержнем, укрепляющим волевые качества характера, является любовь к советской Родине и развитое общественное самочувствие, которое заставляет людей мерить свои поступки общенародными интересами.

Пишет мать о девушке-дочери. Не нравятся матери беззаботность, с которой дочь относится и к учению, и к домашним делам. «...А скажешь ей, что я в ее годы в войну дома за старшую была и работала, она только фыркает, что война совсем другое дело». Кажется, что здесь не о возвышенном речь, а о совсем личном, но мать права, видя, как не хватает дочери именно внутренней закалки, трудовой совестливости и сознания долга даже перед семьей. Для выявления черт личности не другое дело война, недаром же она помнится людям не одним горем и лишениями, но и тем сознанием собственной силы,

которое каждый вложил в преодоление этих горестей и лишений, в достижение победы.

Мы не хотим войны, и все усилия нашего государства направлены на то, чтобы сохранить мир. И воля, и чувство долга, и трудолюбие, и совесть, и смелость, и честность — все лучшие качества, какие только мы хотим видеть в наших детях, мы надеемся, послужат дальнейшему расцвету Советской страны и их собственному счастью. Но надо знать девочкам и мальчикам, юношам и девушкам, откуда эти качества берутся и какую играют роль в судьбе, какой бы стороной она ни обернулась к человеку.

Вот на страницах «Комсомольской правды» беседует с молодежью писатель-солдат Константин Симонов: «Момент, когда по сигналу командира из окопов и укрытий поднимается в атаку на противника рота... В этот момент общественный долг каждого солдата — встать и идти вперед. Но у человека есть личный интерес — быть живым. Для того чтобы остаться живым, нужно остаться в укрытии. Но человек это преодолевает, в его личности, внутри, есть нечто и это нечто заставляет его подняться и идти в атаку и выполнять общественный долг. Что в нем сильнее — стремление выполнить долг при сознании, что это может принести ему смерть, или стремление остаться в живых, отказавшись от выполнения общественного долга? Вот наиболее драматическая постановка вопроса. Он в данном случае связан не только с физической жизнью человека, он связан, скажем, с пониманием чувства долга и по отношению к стране, и по отношению к товарищам, которые в данный момент рядом. Все ли десять человек, лежащие в этом окопе, поднимутся в бой или девять пойдут, а один останется?»

Я привел пример войны. Но и в мирное время, сейчас, этот вопрос необыкновенно

важен. Как человек смотрит на жизнь? Считает ли он необходимым для себя делать то дело, которое он может с наибольшей пользой для общества выполнять? Или он ищет такую работу, при которой ему будет удобней, которая даст ему наибольшие материальные блага, спокойную жизнь? Эта моральная проблема очень остра, потому что есть в нашем обществе люди и те, и другие...».

Это ваш сын или ваша дочь могли прочесть в газете, могли поразмыслить над такими сложными проблемами. И у них, очевидно, возникла потребность подробнее поговорить об этом. Но разговор с автором статьи, книги всегда односторонен. Не у всех есть возможность поспорить и с создателями кинофильма. Словом, нет для молодого ума важнее личного общения, согретого чувством родственной доверительности.

Пусть же все старшие ощущают себя учителями школы семейного патриотического воспитания.

Расскажите о солдатском братстве, взаимной выручке, о суровости и нежности, о святой мести врагу и о любви, которая удесятерит силы. Расскажите, как сладка победа, которой увенчана битва за правое дело.

Расскажите, как бесконечно дорога нам сбереженная родная земля и что нет выше чести, чем защита ее.

Военная доблесть деда и отца тут так же важна, как трудовая самоотверженность бабушки и матери. И на основе союза кровного пусть еще прочнее укрепляется наш духовный союз с детьми, союз граждан-единомышленников.

Л. ИВАНОВА

мы тебя слышим!

Мой отец погиб в боях под Сталинградом в сентябре 1942 года. «На переправе, в районе «Красного Октября», — так обозначил это место его однополчанин.

И вот я приехала сюда. К отцу.

Сегодня это тихий песчаный обрыв к Волге, солнце, желтый песок, синяя лента реки — покой, мир...

Но на самой круче — обелиск. В память солдат, державших оборону переправы.

Меня охватило волнение, когда я коснулась нагретого солнцем обелиска. Лепестки цветка, положенного кем-то, были как пятна крови на теплом камне.

А тишина тут стоит такая, что отчетливо слышится сухой треск кузнечиков. Будто затем тут такая тишина, чтобы слышно было нам, как кричит молчаливый камень: «Ни шагу назад! Стоять насмерть!»

Мой отец стоял здесь насмерть...

Я нашла на обрыве осколок снаряда, держу на ладони согретый солнцем кусочек металла. Время окалило его ржавчиной. И все-таки он страшен, этот бесформенный кусок, оборвавший не одну жизнь.

Может быть, и отцовскую?..

Я держу на ладони осколок и ощущаю свою сопричастность со всем, что здесь происходило. Я могу потрогать эту землю, на которую упал отец. Могу погладить рукой вянущую траву. Наверное, такие же вянувшие былинки ловил его угасающий взгляд. И они напоминали ему мирную, такую далекую жизнь: поле, луг, реку. И жену, и дочь.

...В первый год войны я только переступила порог школы. Но я хорошо знаю отца. Потому что он живет в воспоминаниях матери, в его письмах, сохранных у меня.

1945-1970

Эти письма регулярно приходили в Уфу, куда нас забросила война. Маме и мне — отдельно. На фронте отец находил время, чтобы поговорить со своей дочерью. Он выводил крупные буквы, чтобы я читала письма сама...

12 декабря 1941 года

Дочка моя золотая! Ты, наверное, отличница, я в этом уверен. Из последних писем я увидел, что почерк у тебя совсем как у взрослой. Пиши мне чаще, твои и мамы письма для меня большой праздник.

Впереди у нас еще много трудностей: враг слишком коварен. Но славная Красная Армия уже наносит сокрушительные удары, очищая родную землю от подлых убийц.

В одной операции, которой мне пришлось руководить, мы окружили большую группу немцев. Они пытались ускользнуть, но им не удалось. Мы открыли ураганный огонь и заставили фрицев пролежать 30 минут. А на дворе мороз с ветром. Так что через полчаса мы брали врагов, как рыбу, которая долго пролежала на берегу без воды.

И вот я увидел зимнюю фашистскую форму: у одного солдата поверх пилотки розовые рейтузы, другой под френч поддел детское пальтишко, которое расплзлось по швам. Почти у всех ноги обмотаны полотенцами. Это бандиты, к которым не может быть жалости, которым нет пощады.

Девочка моя! В эти тяжелые для нашего Отечества дни твой отец отдаст все свои силы для скорейшего разгрома врага. Я горд тем, что участвую в этой Великой войне. Тебе, моя доченька, не придется краснеть за отца.

Учись отлично, слушайся маму, береги себя от болезней, чтоб наша встреча, в которую я очень верю, не была бы ничем омрачена. Крепче переноси лишения. Это временно. Будет рядом отец — снова станет все хорошо...

5 февраля 1942 года

...Сейчас час ночи. На улице мороз более 30 градусов с ветром. Метет и воет, а я сижу в хате у коптилки, пишу тебе весточку. Хотя ты и далеко от меня, я охраняю тебя, говорю с тобой мысленно. У меня есть большая цель в моей борьбе с проклятым врагом — это счастье детей, это твоё счастье. Сколько бесчинства, сколько невероятных жестокостей творит враг! Иной раз при виде всех этих злодейств невольно думаешь: неужели способен на это человек? Ведь это даже в уме не укладывается, что хочет враг, к чему стремится, на что надеется: уничтожить всех нас! Где бывал фашист, там кровь, горе, обгоревшие трупы, море слез... И при виде беспредельного горя наших людей сердце сжимается. Несмотря на то что за время этой войны оно очерствело. Но придет время расплаты. И чем крепче мы будем, тем скорее уничтожим фашистов. А сколько нам в будущем предстоит работать! Ведь для того, чтобы снова вернуть все к старому, такому счастливому, потребуется очень много труда. Но с какой радостью и гордостью мы будем все делать!

13 февраля 1942 года

...Моя дорогая, любимая дочка! Твой папа жив и здоров и тебе не советует больше болеть. Я горжусь тем, что моя дочка отличница. Радуюсь, получая от тебя письма, красиво и грамотно написанные.

26 мая 1942 года

...Получил сразу 3 письма и открытку в одном из них. Спасибо, родненькая. Очень опечален, что не дошла твоя фотокарточка. А мне так хочется видеть свою дочку, какая она? Наверное, стала большая — длинная, вся в папу. Желая тебе здоровья самого крепкого и успеха в учебе. Береги маму. Пока нет меня, ты ее первая помощница, ты ее опора.

Печально мне, девочка, что я не могу

сделать тебе подарок, но после войны я сполна расплачусь.

Шлю тебе вишневые цветы с твоей родины. Ветки вишни склонились надо мной и так хорошо пахнут! Все кругом в цвету. Погода чудная. И так дорог мне свой край, своя родина, так больно смотреть на то, что сделали с ней фашисты. Еще безжалостней становишься к врагу, глядя на эти потери.

4 июня 1942 года

...У нас лето в полном разгаре. Ночами поют соловьи, оглушая своим пением и создавая непреодолимую грусть по вас. Почти год нахожусь я на фронте. Не было еще ни одного дня, когда я бы не испытывал непосредственного соприкосновения с противником. Но это не значит, что я устал, что хочу тишины. Наоборот, многое во мне изменилось: я привык к смерти, и у меня появилась исключительная ненависть, непримиримость к заклятому врагу, которого, твердо верю, мы уничтожим, сотрем с лица земли. И еще: я счастлив, что вся моя жизнь прошла для государства, во имя которого я дерусь с проклятым врагом и во имя которого отдам жизнь, если потребуется.

Дочка моя дорогая! Моя взрослая, любимая девочка! В минуты тяжелые, в минуты опасные я всегда вспоминаю тебя и ты всегда со мной. Вот год, как твой отец честно дерется с врагом. Пройдет война, тогда я буду жить для вас, мои родные.

24 июня 1942 года

Рад, что у тебя четыре подруги и ты, наверное, не ссорись с ними, как бывало раньше.

У тебя, дочка, подруги, а у меня — много друзей, хороших, верных. И все мы тоже любим друг друга, и у всех нас одна мысль — как бы скорее разгромить и уничтожить врага. Очень важно, чтобы друзей связывало что-то общее: цели, идеи, мысли.

Твою карточку я берегу очень и очень.

30 августа 1942 года

Я живу по-старому — боевыми буднями. Думаю о тебе, моя дорогая девочка, и вот сегодня ночью увидел тебя во сне.

Хорошо, что вы работаете в колхозе. Постарайтесь запасти продукты на зиму.

Напиши мне, дочка, какие ты читаешь книги, что тебе особенно понравилось? Побольше читай — это очень важно. На этих днях высылаю тебе денег на учебники и книжки.

Сейчас пишу, а кукушка, моя любимая птичка, отсчитывает годы моей жизни — их еще очень много, она в этом не ошибается...

...Через месяц отец погиб.

В зале воинской славы на Мамаевом кургане, где увековечена память защитников Сталинграда, люди вглядываются в имена, начертанные на мраморе. Два дня вчитывалась в надписи и я. И нашла: Кучковский А. П. Моего отца звали Владимир Павлович. Может, это однофамилец? А может, ошибка в инициалах?

Я кладу цветы и говорю про себя: «Я выросла. Я пришла. Спасибо тебе».

Подумать только: сейчас мы ровесники. И я не только сердцем, но и разумом понимаю, что значил все эти годы для меня отец, его письма. Хороший, добрый отец, умный советчик и товарищ.

И обещаю привезти сюда его внуков, моих сына и дочь: «Они много знают о своем дедушке, они читали твои письма и уважают тебя, гордятся тобой. Еще раз спасибо тебе: ты и сейчас помогаешь мне учить их любить нашу Родину больше самой жизни...»

А люди все шли и шли, оставляя цветы под траурными знаменами. В знак признательности тем, кто стоял насмерть в схватке с врагом, в знак вечной памяти о них.

И о моем отце тоже.

В. АДУШКИНА

1945-1970

прикосновение к подвигу

Пионерские дружины с гордостью носят имена героев гражданской и Великой Отечественной войн... Тимуровцы заботятся о семьях погибших, ухаживают за могилами воинов... Создаются школьные музеи боевой славы...

Центральный музей Вооруженных Сил СССР считает своим долгом помогать школьникам в их патриотических начинаниях. Ребят из Алма-Аты заинтересовала история прославленной Панфиловской дивизии, сформированной в их городе. Мы помогли им побывать под Москвой, встретиться с бывшими панфиловцами. А иногда нужен бывает наш совет — как правильно сохранить с таким трудом найденную боевую реликвию, как лучше оформить военный стенд, где проверять добытые сведения... Проходят у нас и конференции актива школьных музеев боевой славы.

Зал Победы музея стал местом, где ребята принимают в пионеры, в комсомол.

Торжественно прошел ритуал посвящения пионеров в знаменосцы. Перед школьниками выступил Василий Митрофанович Шатилов, генерал-полковник, Герой Советского Союза, командир 150-й дивизии, воины которой штурмовали рейхстаг и водрузили знамя Победы.

А сколько нового узнали ребята на встрече с бывшим кремлевским курсантом, ныне генерал-майором Иваном Алексеевичем Суслопаровым! Как зачарованные слушали они рассказ прославленного летчика Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Алексеевича Лакеева. Встречались пионеры с Героем Советского Союза генерал-полковником Иваном Ильичом Людниковым, генерал-лейтенантом бронетанковых войск Дмитрием Ивановичем Заевым и многими другими.

Давняя наша традиция — тематические вечера: «В. И. Ленин — почетный красноармеец», «От тачанки до ракеты», «Нас водела молодость в сабельный поход» и другие. И на них вы всегда встретите школьников.

В марте 1942 года разведчики 7-й бригады морской пехоты повстречали в селе Нижний Чоргун под Севастополем тринадцатилетнего мальчика Валерика Волкова и взяли его с собой. Как сложилась судьба сына полка?

Ребятам (а в поиске участвовали пионеры 23 экспедиционных отрядов страны) удалось узнать, что Валерик участвовал в боях, ходил в разведку, а в минуты затишья выпускал рукописную газету. В сохранившемся листке мы читаем сейчас: «Нет силы в мире, которая победит нас, Советское государство, потому что мы сами хозяева, нами руководит партия коммунистов...» 1 июля 1942 года группа бойцов заняла оборону в самом узком месте Ушаковой балки, на окраине Севастополя. Когда на шоссе появились три вражеских танка, Валерик выскочил вперед и метнул связку гранат в головную машину. Танк завертелся и стал поперек дороги. Бойцы подожгли и остальные машины. Фашисты не смогли прорваться к порту, где в это время шла эвакуация раненых. В этом бою Валерик был смертельно ранен. Его боевая награда — орден Отечественной войны I степени — хранится теперь в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

В зале «Разгром Колчака» есть знамя партизан. Его прислали школьники, которые вместе с дочерью легендарного Лазо, Адой Сергеевной, прошли партизанскими тропами, встретились с участниками боев и получили этот бесценный дар.

Знакомство с историей Советской Армии и Военно-Морского Флота, встречи с ветеранами, походы по местам, где прошла война, дружба с воинами — неоценимая школа мужества. Видишь сегодняшних наших школьников — и думаешь: хорошая растет смена.

**Полковник В. КРАСНОВ,
начальник Центрального музея
Вооруженных Сил СССР**

Мы накануне премьеры.

Трудно описать эти последние два дня. Суетня, беготня, распоряжения, хлопоты, ссоры, и все в своей кульминационной точке.

Сейчас еще продолжалась работа по оформлению, еще всюду валялись доски, стружки, обрезки бумаги, на подоконниках — банки с гвоздями, с клеем, ящики с инструментами.

У меня были списки — что еще принести, куда послать, с кем переговорить. Приходили одни с исполненным поручением, посылались другие. «Штат» нашего театра все разбухал. Все учителя и все комсомольцы добровольно отдали себя в наше распоряжение. Как я им благодарен! И какая кругом прекрасная музыка молодой деятельности!

— Что ты, не видишь, что ли? — кричит электроустановщик на мальчугана, запутавшегося в разбросанных на полу проводах.

— А ты в стороне делай: ишь разбросал по всему залу.

— Эй, у кого клей?

— Братцы, нет ли гвоздика подлиннее?

В дверях заглядывающие, с усмешкой:

— Эй, Ванек! Кого играешь?

Ванек интригует:

— Отгадай: первая буква Д — последняя К.

— Дур-р-р-ак! — кричит со смехом отгадчик.

Ванек, играющий дворника, бросает картон, ножницы и несет за обидчиком.

— Лестницу доделали! Н. Н., посмотрите: не качается?

Чтобы похвалить, я должен пройти по лестнице и нарочито потопать.

В коридорчике громкие протяжные удары о чугунные плиты.

— Ребята, бросьте, мало вам шума!

— Это мы в колокольном звоне упражняемся!

— Да уж научились! Чего же еще баловаться?

— Мы повторяем. Роль трудная! — Смеются.

— Н. Н., вас к телефону.

Иду. В телефоне пискливый голос: «А листочки сейчас приносить?»

— Да, да, если готовы, сейчас.

Бегу снова в зал.

— Н. Н., стульев старинных нет. Все неподходящие.

Пу вот, как же без стульев? На современные не посадишь.

Директор школы Елизавета Федоровна Борисова очень расположена к общей суетне и всегда находит выход из трудного положения. Старинные стулья? Постойте, у нее есть одна знакомая семья...

Кто-то из маленьких с плачем вваливается в зал. В руках прутики с листочками.

— Кто тебя?

— Я влезаю по лестнице, а какой-то мальчишка — с лестницы... бегом... толкнул и сломал самую хорошую ветку.

— Ну, мы сейчас все исправим, даже крепче будет.

Ваня сидит на лавке и тянет: «А рубашки у меня нет... а рубашку я не достал...» Я знаю — с его именем связана лень-матушка, рубашку он не искал, никуда не ходил, ждет, чтобы ему принесли.

— Н. Н., что я без рубашки, что ли, буду?

Мне не хочется даже отвечать.

Я же знаю, когда надо ругать, когда успокоить. Иногда рубашка ищется, а иногда ждут, чтобы она была подана. Слышу разговор Маринки с ним:

— А у соседей был? У них двое.

— Мы с Ленкой деремся. Не дадут.

— А у верхних?

Н. ХРУЛЕВ

РОЛЬ

3. премьеры

ГЛАВНАЯ

Окончание. Начало в № 3 и 4.

— Меня тетя Люба не любит и не пускает.

А ведь при такой обстановке действительно трудно разыскать рубашку, подумал я и не вытерпел:

— Идем, есть одна.

Принесли стулья... Вот это то, что нужно! Митя ударил молотком по пальцу. Его тут же прогнали в учительскую на перевязку.

...Все сойдутся к 4 часам. Генеральная репетиция. Но сначала полная приборка в зале. Собираем разбросанные бумаги, гвозди, проволоку. Подметаем, чистим подоконники. Особенно зорко смотрим, не торчит ли где гвоздь, кнопка, не валяется ли осколок.

Генеральной репетиции, настоящей генеральной, у нас быть не может. До последнего часа, даже за полчаса до впуска публики — у нас еще будет стук молотка и установка вещей. Конечно, это минус, и большой. И это все же не неорганизованность, а вся та сумма трудностей, что несет школьный спектакль с массой участников.

На этой последней репетиции участник просто пройдет по сцене, остановится на своем месте. Здесь худо ли, хорошо ли — но сцена, а на репетициях было полкласса, парты, столы, шкаф. Там действовало воображение, тут приходится привыкать к «реальности».

Самое главное — расставить участников массовой сцены, чтобы не было толкучки, чтобы все поместились и чтобы не заслоняли друг друга. Сейчас мы даже не повторяем длинные диалоги, хотя я за них ой как не спокоен. Всем режиссерам кажется, что, если бы еще недельку, все было бы в порядке. Всегда видится — вот тут недоделано, всегда приходит новая мысль — творчество безгранично. Но надо и уметь остановиться, не дергать ребят, дать им уяснить определенные требования.

Каждый спектакль мы ставим четыре раза, и первый раз всегда для начальной школы. Маленькие менее взыскательны.

Я этим не хочу сказать, что допустима какая-либо небрежность. Нет. Ни в коем случае! Но все же так и получается, что первый спектакль есть как бы генеральная репетиция, где, собственно, впервые наши исполнители в costume приобщаются к зрителям, чувствуют ту сцепку с залом, без которой немислим спектакль.

Последние указания: принести с собой чистую тряпочку, вату, вазелин. Распределяю, в какой комнате кто будет одеваться, кто получит парик. Парики из театрального возьмем только завтра (лишний день — лишние деньги).

Я прошу завтра всех явиться к 4 часам и при входе за кулисы отметить у дежурного о своем прибытии, чтобы знали, что все в сборе. Указываю, кого будет гримировать приглашенный гример (только историческое лицо и характерное), остальных гримируют старшие ребята. Прошу тех, кто выходит с вещами, запомнить, где они лежат, и вещи никому перекладывать не разрешается, а то в нужную минуту эту вещь и не найдешь. Ожидающим выхода за кулисами строжайший приказ — не шептаться и не выглядывать.

Еще я говорю:

— Стоя за кулисами, сосредоточьтесь. Забудьте, что вы ученики: помните, кого вы играете. Вот эта сосредоточенность и поможет войти в роль, в образ. И тогда весь ты — и лицо, и руки, и поступь, — весь ты будешь правдив, весь твой голос и все твоё поведение. Тесно за кулисами? Ну, как-нибудь прижмитесь, но чтобы ни шестаста на сцене не слышно было...

Так я всегда говорил участникам. Старшие понимали меня, другое дело — удастся ли им войти в роль. А младшие запоминали по-своему: не болтай за кулисами, не прозевай выхода и не забудь слова, слушай...

Наконец приступаю к раздаче пригласительных билетов и программ. Увидеть белый, напечатанный, как в

настоящем театре, листочек и в нем разыскать себя, свое имя, — это ли не радость?! Но не грешим ли мы, воспитывая этими программами тщеславие? Думаю, что нет.

Ведь это раз в год. Раз в год почувствовать себя в творческом коллективе и оставить зримый след своего труда — нет, это не страшно. У многих, я знаю, бережно хранятся такие программы. И будучи уже взрослыми, люди, глядя на них, вспоминают о наших спектаклях.

А сейчас, когда я пишу об этом, живо вижу сияющие глаза ребят-участников; все о них напечатано — имя, фамилия, класс и кого играют. Сколько бы ни было — все упомянуто. Это важно.

— Эх, как много! Я и не думал, что так много.

— Н. Н., а почему у некоторых классы не поставлены?

— А это уже не ученик. Был когда-то. Кончил. Теперь студент. А из нашего театра не ушел.

— Вон мы как называемся — мальчишки с соседних дворов!

Да, участвующих много. Много ролей, иногда те-ряться даже, как назвать...

Получившим не хочется уходить: всё перечитывают программы. Даже первоклассники заняты этим. Март месяц — читать уже умеют.

— Ванек, ты что же программу не взял, забыл?

— А на что мне она? Я посмотрел...

Я молча положил ему в карман свернутую программу и грустно подумал: нет, этого я еще не разбудил...

И сразу почувствовал усталость. Завтра последний день, что еще надо доделать? Умолк шум. В соседней комнате учительница, которая по пьесе поет за кулисами, повторяет мелодию. Приятный задушевный голос, красивая музыка так кстати сейчас. Это отдых. Это светлое настроение. Это мысль о том, что вся жизнь в сущности — труд, творчество, беспокойство и радость.

...Я пишу часто диалоги между детьми. В их разговоре, по-моему, скорее определишь и мысль, и настроение, и интерес, и стремление. Я в свое время прислушивался к нему, запоминал, записывал, старался глубже понять, расшифровать... Пройти мимо, не вдуматься — значит упустить возможность понять мир подростка. А не узнав, какое же можешь оказать на него воздействие?

Не смотрите на детские реплики как на случайность. В них видны уже и крепнущий характер, и воля, и зарождающееся мироощущение, а при вашем зорком наблюдении за лицом, жестом вы добьетесь более правильного понимания детской души. Мне без того, о чем я сказал, не обойтись.

...А теперь воспоминание с улыбкой.

Нас 8 человек. Мы отправляемся в театр за вещами, сделать которые сами не можем. Нам нужно обойти многих лиц: директора — он напишет заведующему постановочной частью, тот распорядится по цехам. Наконец всё получили. Идем по улице. Несем. Шествие изумительное. Впереди с канделябрами Слава, за ним Валерий с опрокинутым креслом на голове; кто-то идет третьим, кто — не узнаю — весь окутан синей дерюжной занавесью. Один шагает с телефоном в руках, трубка у уха; на ходу происходит импровизация разговора: «Я слушаю. Что? Да, спектакль... Где? Конечно, в школе № 8. Что идет? Приходите, узнаете. Запасайтесь билетами!» Встречаются знакомые, кивают головой, улыбаются. Мне немного неловко, а ребятам весело.

...Собрание рабочих сцены проводится, конечно, в зале, чтобы видна была сцена. Это не те, что строили, а те, которые во время спектаклей помогают в переноске декораций. Говорить с ними непременно надо.

Это они после картины за две минуты в полумраке двигают декорации, переставляют мебель. Краткое содержание картины и ее обстановку я передаю сейчас, назначаю, что каждый убирает, что приносит и в какой последовательности. Когда мы раньше этого назначения не делали, у нас в полумраке двое-трое хватались за одну вещь, четвертый метался, не зная, за что взяться. Теперь этого уже нет. Мы точно распределяем всю работу. Володя убирает сундучок и приносит кресло, и уже никто не должен браться ни за кресло, ни за сундук. Я особенно подчеркиваю огромное значение работы, говорю, что чистота хода спектакля зависит от них. Малейшая недоглядка может испортить все дело. Исполнителю нужна вещь, а вы ее не вынесли. Где она? Что делать актеру? Стоит, бедный, не знает, что предпринять. В программе тоже ваши имена. Вы для публики незаметны, но она чувствует ваше присутствие, вашу руку.

Тут же сидят и трое наших электротехников. Во время спектакля они за столиком, столик с кнопками, рычажками, от которых идут провода. С ними связано не только освещение, но и все прочие эффекты: пожар, луна, радио. С ними легче мне общаться: их столик в зале слева, и во время спектакля я сижу в публике рядом с ними. Рабочие же на сцене. Мне до них далеко, и поправить их оплошность несравненно труднее. Впрочем, недоразумений не должно быть, и на спектакле я — зритель. Пусть делают все сами. «Помрежей» у нас никаких нет, нет и суфлеров. Школьники действуют теперь сами во всем. Этим собранием я как бы сдаю свое правление и только там, как говорят, внутри, оставляю за собой право мучиться, волноваться, досадовать и радоваться.

Я успокаиваю себя: велась подготовка целых пять месяцев, подготовка серьезная, добросовестная. Это, пожалуй, в общем педагогическом процессе куда важнее самого спектакля. Но люди смотрят не подготовку, а итог — показ. А разве можно быть вполне спокойным за сотню детей?

Приходишь домой, даешь себе слово не думать о завтрашнем дне, переключить себя на что-нибудь другое, пойти к кому-нибудь. Но что я буду там делать, о чем говорить? Все равно о постановке и думать только о ней...

Настал день первого спектакля.

«Артисты» в сборе. Мимо меня проходит томное существо, обмахиваясь веером.

— Не узнаю. Аня? Ну, совсем светская дама!

Заулыбалась, засияла.

Батюшки мои, опять мажут друг друга! Именно мажут. Я предупреждаю, пытаюсь даже отобрать вазелин и грим.

— Зачем у тебя усы? — говорю я раздраженно. — Никаких усов!

Вовка с неудовольствием стирает усы и, мне показалось, глядит на меня с лукавством. Эге, тут надо смотреть и смотреть, как бы он в последнюю минуту не провел у себя черным под носом.

Начинают пускать в зал публику.

Сегодня зрители — малынькие. Эти не опаздывают, но не идут, а бегут по лестнице. За ними еле успевают мамы, папы и бабушки. Ребятишки наряженные, с бантами, с носовыми платочками, сегодня даже приколотыми, чтобы не потерялись. Места не указаны. Каждый занимает где хочет. На стульях разложены программки.

Я специально еще раз сходил посмотреть на Вовку: все благополучно — усы не подкрашены.

Две минуты до шести. Собираю всех участников в одну комнату и говорю:

— Поздравляю вас, ребята, с днем рождения спектакля. Всего вам хорошего!

Я обнял и поцеловал малыша, стоящего возле меня: «Это я целую всех. В добрый час! Идите на сцену. Давайте третий звонок».

Спускаюсь в коридор, прохожу в зал. Зрители захлопали. Все знают, что, если Н. Н. садится в зале на свое место, это значит, что представление начинается.

Вы, конечно, заметили, что я описываю не постановку какого-нибудь одного спектакля. Моей задачей является передача типичнейших моментов нашей работы, нашего творчества. Поэтому я не передаю здесь развивающееся действие, не анализирую какую-либо одну постановку. Скажу только, что каждая сцена, каждое новое появившееся лицо на сцене вызвали активную реакцию зала. Детское, непосредственное восприятие доводило все до ощущения полной правды. Недаром на спектакле «Хижина дяди Тома» второклассники в антрактах сговорились после спектакля побить Вадима, игравшего работаровца, но этому что-то помешало. А когда Володя Ульянов будто бы выпустил за сценой из клетки птичку, то зал скользнул взглядом по всему потолку, ища эту птичку.

Но мне-то хорошо видна публика, а перед моими артистами темный зал, мрак, а в нем отдельные очертания фигур, голов, они знают, что зал полон, и слышат его дыхание. Сидишь и боишься за каждого: вовремя ли выйдет, не забудет ли со страха текст... Получается, как бы сам затаил дыхание и боишься, чтобы оно не разрушило сценическое действие.

Вот почему, когда наступает антракт, можно сказать, бегу к ним за кулисы. И они все ко мне:

— Ну, как?! Плохо? Не подкачали?!

— Что вы! Что вы! — успокаиваю я.

Это не значит, что я не заметил некоторых недочетов (режиссер всегда заметит), но я их скажу после, осторожно, чтобы не огорчить, да они так мелки, что почти теряются в общем действии. А в целом — чисто, с настроением и правдиво.

Я уверен, что искусство детей может быть проникновенным и трогательным. Детям свойствен и юмор. Вот та массовая сцена, которой начинается второе действие, не лишена этого юмора. Я сильно беспокоюсь, чтобы не переборщили в игре. На сцене шестьдесят человек, и всегда найдутся такие, которым захочется разойтись, показать свою удаль. Во время репетиций ни на кого не мог пожаловаться, но в каком состоянии они сейчас?

Снова три звонка. И снова выхожу в зал.

Как следит за сценой маленькая публика! А когда на сцене происходит что-то смешное, зал взрывается безудержным смехом, топает и хлопает в ладоши. И не знаю, кто кого подогревал: актеры ли зрителей или наоборот. А может, обоюдное? Тогда не есть ли это в конечном итоге то, чего так усиленно добиваются профессионалы, — контакт с публикой? Говорят, в театре для детей этого достигнуть куда легче, публика неприхотлива, легковерна, всегда всем довольна. Что тут сказать? Разве то, что дети лишь платят искренностью за искренность...

— Ну, ребята, завтра публика — не малыши, а старшие классы. Как-то они нас примут?

Начинался второй спектакль. Я, скажу откровенно, судил всегда о спектакле по этому второму вечеру, по этой почти взрослой публике, и если уже при ней рождались заставшая тишина и бурная реакция на события, то, значит, действие доходило и до нее. Эта публика умеет иронизировать, умеет и ценить; и заслужить ее внимание — дело нелегкое.

Третий спектакль для общественности и для родителей участвующих.

Я заметил, как беспокойно чувствую себя некоторые ребята в присутствии матерей. Почему так? Понятно. Кто же больше всех волнуется за сына или дочь?

Конечно, мама. Сейчас сын на виду перед всеми, все дают ему оценку. Кому же, как не матери, болеть за каждое слово сына и о сыне. Попробуйте обычный экзамен провести при папе или маме. Поверьте, ничего не выйдет. Стушется паренек сейчас же. А здесь тоже своеобразный, да к тому же публичный экзамен. И маме интересно, она пришла, но она как бы прижалась, съежилась. Ты играешь, а у нее слезы. И слезы не из-за того, что на сцене происходит что-то трогательное или плохо играешь, а просто потому, что играешь ты — ее сын или дочь и все слушают тебя. К тому же ты какой-то другой, в другой странной одежде, в гриме. И мама здесь становится тоже какой-то другой. Ее обычные семейные заботы забылись, их заслонила торжественность и праздничность дня, где в центре ее сын. Ну как тут не быть слезам радости. Ох, эти мамы! И дома мама все еще возбуждена и сын видит, что единственное лицо, которое особенно живет прошедшим, — это его мама. Стоит ли говорить, что приход мамы на спектакль — момент необычный. Ведь после могут быть суждения и неприятного свойства. Как воспримет все мама?

Наблюдая эти детские и родительские волнения, я мечтаю: если бы чувства матери чаще сливались с творческими интересами сына, у них было бы настоящее счастье!

...А четвертый спектакль для учащихся пятых, sixth и седьмых классов. И в этом спектакле есть своя особенность. Он последний, прощальный. Ребята как бы прощаются с ним. С одной стороны, в них чувствуется сожаление, грусть, с другой — желание так сыграть, чтобы навсегда осталось впечатление, сыграть лучше, чем вчера. И очень часто действительно этот спектакль бывал лучшим. Лучшим не потому, что укрепились от трех раз все мизансцены, что не страшен уже был и первый выход, что вполне был усвоен текст роли, а потому, что какой-то порыв рождался на этом последнем выступлении.

Вот и этот спектакль кончился. Спектакли кончились. Спускают на веревках через окно доски от сломанных подмостков, уносят до будущего года декорации в сарай.

— Знаете, Н. Н., вот мост или дом построишь, он пользу принесет, автомобиль сделаешь, будут ездить... А спектакль? Пока он идет — всем интересно, а потом — нет ничего.

— Ты хочешь сказать, пользы никакой не оставил? Ошибаешься. Давно доказано, что кропотливая умственная и физическая работа, ну, хотя бы как наша при подготовке спектакля, развивает человека. Он становится умнее, более чутким, лучше понимает людей и жизнь, лучше разбирается в искусстве...

— И я?

— И ты...

Подходит ко мне Таня, выпускница:

— Скажите, как я сыграла?

— Я уже, помнится, говорил, что вполне удачно.

— А стоит мне идти в театральное?

Всегда боюсь этого вопроса. Не люблю его. Но Таня ждет.

— Видите ли... это риск огромный. А вдруг что-нибудь не заладится? Я советовал бы вам сначала кончить вуз, заручиться на всякий случай профессией. Участвуйте где-нибудь в кружке, играйте в народном театре. Если же тяга к театру будет так велика, то не страшна и попытка поступить на профессиональную сцену. Не выйдет — без куска хлеба, как говорится, не останетесь.

Мы говорили долго. Таня — девушка умная. Мне кажется, она поняла меня.

Осталось сказать о последнем деле, связанном со спектаклем. Это обсуждение постановки. Приходят

исполнители, учителя и все, кто пожелает. Сначала больше говорят об оплошностях, своей забывчивости, невнимательности, беспрерывно раздается смех, правда, никого не обижающий. На наших обсуждениях ни разу не было такого случая, чтобы кого-нибудь критиковали за то, что плохо играл. Точное внутреннее чувство подсказывает им, что ругать за невнимательность можно и нужно, а за плохую игру из-за отсутствия способностей и навыка ни в коем случае нельзя. Да и к тому же всякому отважившемуся на это тут же ответили бы: «Ну, а ты? Думаешь, уж очень хорошо сыграл?!»

Некоторые факты к тому же порою трудно оценить. Например, как вы относитесь к такому эпизоду? Второклассник Саша играл Митю в спектакле «Володя Ульянов». В сцене обеда, съев свою порцию киселя, вопреки тексту и репетициям, он подает Марии Александровне тарелку и просит положить ему еще. Когда этот случай разбирали, все дружно и тепло смеялись. Но Саша не смутился. Он встал и сказал: «Да, я попросил... А что же? Кисель мне очень понравился. Когда я дома съем что-нибудь вкусное, я прошу еще и мне подкладывают. Н. Н. говорил, что играть надо как в жизни... вот я и попросил еще и никому не мешал».

Ничего не оставалось делать, как смеяться.

В свое время, вспоминая, было и вполне искреннее раскаяние Гавроша. Его костюм: оборванная одежда, тапочки на босу ногу. На сцене прохладно. До выхода надел свои ботинки. Зазевался и чуть не прозевал свой выход. Подтолкнули. Выскочил. Оборванный, но в новых ботинках. Осознание было настолько искреннее, что распространяться по этому поводу не приходилось.

Какие правильные мысли рождались на обсуждении. Ведь это признак в какой-то степени их зрелости. Понять, что такое творческая дисциплина, и не смешать с обычным послушанием, делать попытки сосредоточиваться перед выходом, ставить вопросы о помощи партнеру, говорить о творческом вдохновении, о развитии человека через спектакль — все это поднимает детей в моих глазах.

...Итак, мы расстаемся. Впрочем, о чем я говорю? Ведь мы же в одной школе. Завтра и они и я придем сюда на уроки. А театр снова оживет осенью. Наш самый яркий, самый любимый урок!

ШЕСТЬ ШИЛЕНКОВЫХ

Они сразу предложили: «Хотите, мы вам покажем наши кинофильмы?» — «Конечно, хочу», — сказала я, и Никита взялся устанавливать проектор, Варя вешала экран, а Женя подбирал кассеты. Взрослых я не застала дома, но это оказалось даже к лучшему. Ребята стали моими первыми гидами в кинопутешествиях по горным тропкам, которые сами они прошли с рюкзаками за спиной.

Фильмы можно было смотреть на выбор: шестидневный поход по Кавказу — от Красной Поляны до озера Рица, однодневные и трехдневные походы по Крыму. Но как выбрать? И мы смотрели их все — один за другим.

— Рано-рано выходим мы в поход на Карадаг. Впереди — Олег. Он маленький, и на него все равняются. А когда Олег устает или нужно топиться, папа сажает его на свой рюкзак. Но теперь это случается реже...

Лучшим комментатором оказалась одиннадцатилетняя Варя. Она хорошо знает маршруты, помнит много названий, охотно отвечает на вопросы.

— Это ночевка на берегу у санатория Крымское Приморье. Карадаг в тумане... — объясняет Варя. — Вот все вместе ставим палатку. Мы теперь останавливаемся пораньше. А то один раз на Кавказе торопились, в темноте веревку плохо завязали, и палатка ночью рухнула. Мама испугалась, думала, на нас медведь напал... Правда, мы тогда еще не наловчились...

...Горы и море. Причудливые скалы и живописные поляны. И турист-

ская группа из шести человек — от пяти лет (Олег) до сорока пяти (папа). С рюкзаками весом от полутора килограммов до двадцати. Группа на марше и на привале. Достигли перевала. «Кричали женщины — ура! — и в воздух чепчики бросали», — декламирует немного ироничный Никита, на минуту оторвавшись от проектора. Никита вообще человек не гуманитарного склада, хотя и любит поэтическую строку. Его стихия — точные науки, а главное, уже восьмилетней давности увлечение — авиамоделирование. И даже астрономическая студия и участие в научной астрономической экспедиции не поколебали мечту стать авиаконструктором.

Впрочем, об этом я узнала позже. А в те первые часы мы говорили об общесемейном увлечении Шиленковых — о туризме. Ребята с родителями обошли и объездили почти весь Крым. Побывали в Большом Каньоне, в Красных пещерах, в Долине Привидений, где горы, иссеченные ветрами, кажутся причудливыми видениями башен и народных толп, зверей и деревьев. Какой простор для фантазии, особенно детской! Они карабкались на крутую и скользкую гору Святую, пробивались узкой тропой вдоль горы Сокол. В Судак осматривали старинную Генуэзскую крепость, в Старом Крыму — армянский монастырь XIV века. В дом-музее Грина познакомились с женой писателя Ниной Николаевной. Олег был ужасно счастлив, когда хозяйка дома разрешила померить бескозырку, подаренную матросами.

Больше всего ребята гордятся многодневным походом по маршруту Красная Поляна — озеро Рица.

Это был настоящий, зарегистрированный поход, за него они получили значки «Турист СССР» и «Юный турист». Каждый заработал значок честно, включая Олега.

Все было заранее рассчитано. Взрослые, организованные туристы проходят маршрут за четыре дня. Разновозрастная и «дикая» группа Шиленковых распределила его на неделю. Семью в походе приветствовали встречные, а потом оборачивались и долго махали вслед. Правда, кое-кто жалел детей, а родителям выражал неодобрение: «Что детей мучают!» Но «мученики» были счастливы...

На третий день пути Олег шел без рюкзака. Не потому, что устал, а в честь знаменательной даты — своего дня рождения. Встречные, узнавая об этом, награждали именинника шоколадками и выражали ему сочувствие: остался без именинного пирога! Но какой мальчишка не согласился бы променять пирог и кучу гостей на такой вот день рождения среди Кавказских гор?

В походе человека ждут не только радости. Олег, например, обжег на костре руку. Грустный кадр: мама перевязывает руку, малыш плачет. А вот уже забыл о больной руке — рассматривает жука. Жук крупным планом: ярко-желтый, бархатный. А этот синий, как сапфир. На него Никита потратил уйму пленки, но на такого красавца и не жалко...

Озеро Кардывач...

— Знаете, — вдруг оживляется Женя, — какая в нем прозрачная вода? За сто метров видно дно. А цвет особенный — голубовато-серебри-

стый. А вот Рига синее и какое-то маслянистое на вид...

Реплика эта не случайна. Потом узнаю — Женя хорошо рисует, лепит. Сочиняет стихи.

Впрочем, за удовольствие полюбоваться озером Кардывач путешественникам пришлось расплатиться. Неожиданно налетела туча, полил дождь. А палатка и все имущество остались у приюта Азымач, в пяти километрах от озера. Олега папа сразу завернул в полиэтиленовую пленку и взял на плечи. Остальные бежали налегке. Это был настоящий кросс! Ручейки разлились в бурные речки, переправы стали трудными. Когда достигли приюта, дождь перестал так же неожиданно, как разразился. Ребята переоделись в сухое, растерлись борным спиртом и легли.

А родители еще долго сушили одежду над костром. Зато назавтра, когда вышли из палатки, кругом чудесное сияние... Решили устроить дневку, и мама принялась печь на костре лепешки.

Ребята давно усвоили: в походе не только любят природу и переживают приключения. В походе обязательно трудятся. Вот кадры: выжидают старую листву, очищают от клещей место для палатки. Варя и Олег запасаются фляжками с водой. Женя собирает дрова. Мама готовит завтрак. В семейной группе у каждого своя специальность: мама — главный кашевар, папа и Никита — палаточники, Женя — костровый, Варя и Олег — «разнорабочие».

Итак, коллективный семейный портрет: четверо детей — пятнадцать, тринадцать, одиннадцать и шесть лет. Атмосфера дружелюбия и взаимного уважения. Разнообразные и устойчивые интересы — техника, искусство, биология, спорт, туризм. Школьные отметки хотя и не выдающиеся, но весьма приличные. И главное, с изрядным запасом прочности: за те полгода, что мама уезжала в экспедицию, в табелях появились лишь

две тройки. Учителя отзываются о детях: активны и любознательны, развиты и добросовестны. Родители много работают. Отец — кандидат технических наук, мать — кандидат биологических наук. Узнаю от ребят: мама еще занимается спортом и английским языком, шьет и вяжет. Ко всему — очень вкусно готовит. И при всем при том — ни нянь, ни бабушек. Что же это? Необычный запас энергии? Особое мастерство воспитания? Чудо хорошо налаженной семейной жизни?

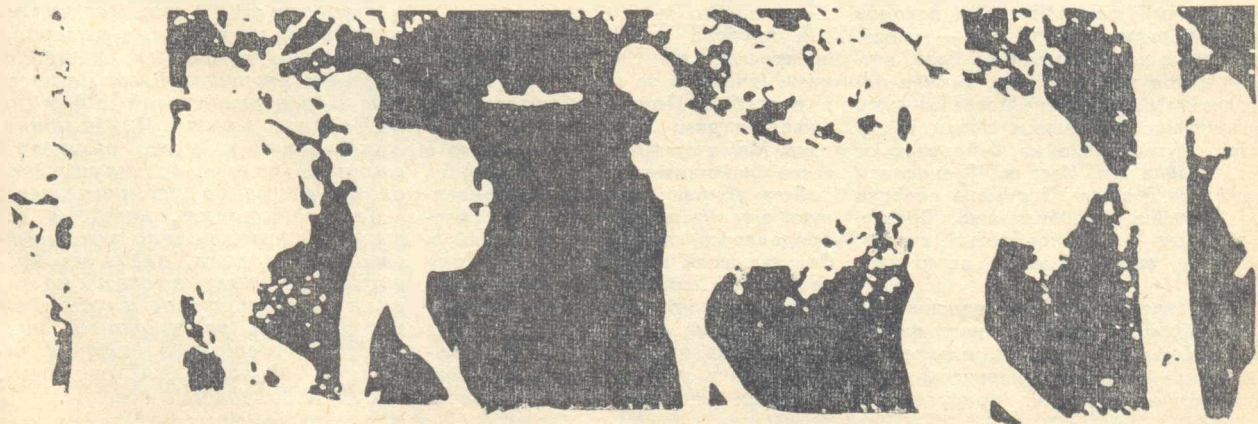
Наш затянувшийся за полночь разговор с Виктором Никандровичем и Анной Кузьминичной сначала касался организационно-технических вопросов семейного туризма.

— Прежде всего, — говорит Виктор Никандрович, — все должно быть тщательно продумано: список вещей, расходы, маршрут. Разумеется, нужна палатка. Мы пока обходимся одной двухместной. У нас четыре спальных мешка: одинарных три и один поролоновый на троих, сделанный на заказ по нашему эскизу. Кеды берем лишь как запасную обувь, для ходьбы признаем только туристские ботинки. Обязательно свитера, штормовки, по две пары носков, шерстяных и нитяных, по смене белья. Каждый раз сразу после похода осматриваем и чиним свое снаряжение. За день-два до похода — еще один осмотр. Очень удобна полиэтиленовая пленка — в случае нужды ею можно накрыть всех сразу, в нее можно завернуть малыша, можно подложить под палатки от сырости. Костер зажигаем не три, а два раза в день. Один раз кипятим чай на маленькой походной плитке (источник нагревания — сухой спирт). Запас продуктов предпочитаем иметь на весь, даже семидневный поход. Это обеспечивает независимость... Расходы из расчета 7 рублей в день на семью: банка тушенки, банка сгущенного молока, буханка хлеба, полкило суха-

рей, полкило сахара. Желательно не много шоколада — быстро восстанавливает силы, а в случае нужды поднимает настроение. От круп в основном отказались и перешли на концентраты. Удобны в пакетах супы и каши в брикетах. Категорически запрещена и детям и взрослым сырая вода. Как правило, на переходах не пьют, но во фляжках всегда кипяченая вода. Разумеется, аптечка. Как-то в походе пришлось поставить малышу горчичники. А борным спиртом растираем ребят каждый раз, как попадут под дождь или промокнут в тумане. В походе никто ни разу не расхворался.

На ночевки лучше останавливаться поодаль от туристских приютов. У костровищ все равно тесно, а с дровами здесь труднее. Да и не так это интересно. Туристам с детьми вообще не стоит присоединяться к взрослым организованным группам. У ребят совсем иной ритм. Они быстрее устают, но и быстрее отдыхают. Им надо то полюбоваться красивой бабочкой, то набрать букет цветов. Это не значит, что поход с детьми можно превратить в непринужденную прогулку без ритма, порядка, плана. Но все здесь должно быть более гибким. Взрослому достаточно скомандовать «Привали!» — сядет, объявить «Подъем!» — пойдет. А ребенок может сказать «Я еще не устал» или «Я еще не отдохнул». И нужно это учитывать...

По правде сказать, я ехала к Шилленковым, имея в воображении некую готовую модель — четверо загорелых крепышей, вполне годных для рекламы семейного туризма. А жизнь, как это часто бывает, схеме опровергла. Не крепыши. Никита в детстве часто болел тяжелыми ангинами с осложнением на печень. У Вари был диатез, у Олега — хроническая пневмония. «Вот тебе и «туризм — залог здоровья!» — воскликнут иные скептики. — Нет уж, благодарим покорно...» Многие по-

думают: «Маленького ребенка, хроника — в палатку, в многодневный поход, навстречу превратностям стихии. Легкомыслие или фанатизм?»

Ни то, ни другое. Шиленковы не ухари-родители, которым море по колено, и не самодеятельные сторонники спартанских обычаев. Они меньше всего рассчитывают на то, что «авось обойдется», и отнюдь не пренебрегают медициной. Были и больницы, и санатории, и консилиумы. Из Караганды ежегодно возили детей к морю и на воды. А потом по совету врачей переехали на юг, оставив налаженный быт, устойчивое положение и на неизвестное время отложив защиту докторской диссертации. В иные времена им было не до многодневных походов. Но и в самые трудные годы детей не замыкали в унылом кругу медицинских осмотров и лечебных процедур. Недолгие — два-три часа, — но походы, осмотр достопримечательностей. В Феодосии — картинная галерея, в Керчи — памятник героям войны на горе Митридат...

Пришло время, и врачи сказали: больше нет надобности в санаторном лечении. Общий укрепляющий режим, свежий воздух. Вот тогда появились проекты первых солидных походов. А потом разработали перспективный план больших походов на пятилетие. Часть его — зимние каникулы на горнолыжной базе, летний поход к озеру Рица, зимняя поездка «Театральная Москва» — уже выполнена. Нынешним летом предстоит путешествие на байдарках от Волгограда до Каспия. Тренировки начались с весны. Задумана поездка в Карелию, в Молдавию. Велика, прекрасна и разнообразна страна, и у них еще так много всего впереди...

— С детьми, даже маленькими, можно далеко ходить, много ездить и вообще жить полной, интересной жизнью, — говорят Шиленковы. — Но при одном условии: предусматри-

тельность, внимание, бодрствующий родительский дух.

«Бодрствующий» — это вовсе не бессонные ночи над корытом или кастрюлями, но постоянная и живая человеческая связь с детьми, постоянные мысли, которыми, как писал Корчак, родители «трудолюбиво их окутывают». Честно всмотримся в себя: не сводим ли мы часто свою родительскую мысль к нудным нотациям? Не прикрываем ли свою творческую бездеятельность привычными шаблонами «семейного воспитания»?

Бодрствующий родительский дух — вот что определяет жизнь семьи Шиленковых.

Этой семье «повезло» с родителями: отец и мать равно одарены чувством ответственности и деятельной любви к детям. Это чувство свободно от жертвенности и от насилия над собой. Здесь, в семье, нет «обязанных» и «вольных». Здесь трудятся вместе и на равных. В насыщенности семейной жизни отсутствует напряженность лихорадочной, задыхающейся спешки. Анна Кузьминична, правда, любит выражение «в темпе» («В темпе ужинаем, моем посуду и едем на велосипедах к морю», «В темпе выстирала», «В темпе собрались»), и ни разу от нее не услышишь жалобно-раздраженное: «Не знаю, за что хвататься».

Я провела у Шиленковых целый воскресный день. С утра вместе с ними (впервые за много лет) играла в волейбол. Потом наблюдала, как живет их дом. За продуктами ушел папа. Мама приготовила жаренную в тесте (действительно отличную) рыбу. Ребята убрали каждый определенную ему часть квартиры. Все распределялось легко, естественно и без излишней педантичности. Никита позже всех пришел с занятий авиамодельного кружка. Виктор Никандрович сказал: «Я знал, что тебе будет некогда, и сам пыль вытер. Только вымой у себя пол». И даже меня поделили «по-братски» — разговари-

вали со мной по очереди. Делали уроки, занимались музыкой, купались. Виктор Никандрович разобрал с Женей задачу. Анна Кузьминична позанималась с Варей английским. И еще осталось время посмотреть «Клуб кинопутешествий».

Но как хорошо ни организовать время, пределы суток ограничены. В будние дни встречи с детьми поневоле коротки, львиная доля внимания уходит на то, чтобы посмотреть дневники, спросить уроки, проверить, как выполнены обязанности по дому. А им, взрослым и детям, нужно большое и деятельное общение, когда всё сообща — труд и отдых, холодок опасности и радость победы над ней, увлекательный разговор и песни у вечернего костра. Это не просто разрядка и не просто закалка. Это и активное познание самих себя, друг друга, мира вокруг. И все это дает семейный поход.

Некоторые родители не представляют, как это с детьми можно отдыхать. Шиленковы, наоборот, думают: отдых без детей лишен содержания и радости. Они любят быть вместе, всегда и везде. И когда им предложили определить Олега в круглосуточный детский сад, против этого восстали все: «Пусть Олег живет дома!»

Нерационально? Может быть. Но у них каждый нужен каждому...

Г. МОГИЛЕВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»
г. Керчь — Москва

Учитывая пожелания трудящихся об организации семейного отдыха, Президиум Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов принял постановление о приеме на туристские маршруты родителей с детьми в возрасте от 12 лет. Центральный совет по туризму утвердил около 80 автобусных, железнодорожных и пешеходных маршрутов для путешествий с детьми по Кавказу, Крыму, Прибалтике, Закарпатья и другим областям страны. Число таких маршрутов будет ежегодно увеличиваться.

Тем родителям, которые хотят самостоятельно путешествовать с детьми, следует обращаться в местные советы по туризму и туристские клубы. Там им помогут разработать маршруты с учетом возраста и состояния здоровья членов семьи, дадут необходимые советы.

КОМСОМОЛЬЦЫ В ШКОЛЕ

В мае будет проходить XVI съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Наш корреспондент В. Панферова беседовала с секретарем ЦК ВЛКСМ Тамарой Алексеевной КУЦЕНКО, которая рассказывает:

— Обсуждение проблем школьного комсомола будет одной из важнейших задач XVI съезда. Центральный Комитет ВЛКСМ уделял особое внимание работе школьных комсомольских организаций. Школа играет огромную роль в нашем обществе: она призвана не только давать учащимся прочные знания наук, но и формировать у них высокую сознательность, воспитывать людей, преданных Родине и делу Коммунистической партии, идейно убежденных, общественно активных. Большую ответственность за такое воспитание несет и комсомол.

Научить мыслить, а не просто запоминать, зажечь желанием непрестанно учиться — вот в чем должны помочь комсомольские организации школе. Как добиться этого? Нужно увлечь ребят, заинтересовать их — для комсомола тут широчайшие возможности: организовать кружки, ученические научные и технические общества, побудить к участию в олимпиадах, конкурсах, смотрах. Во многих городах созданы ученические научные объединения — «малые академии наук». Так, в Иркутске уже несколько лет успешно работает и пользуется огромной популярностью ученическое общество «Знание». Секции общества занимаются на базе вузовских кафедр, научно-исследовательских институтов, заводских лабораторий. Участие в научных объединениях доступно не только городским школьникам. Богатую возможность заниматься исследовательской работой дают сельским ребятам ученические опытнические бригады. Всегда интересно там, где школьные комсомольские организации действительно помогают учителям связать учебу с жизнью.

В борьбе за знания есть и еще одна сторона. Мало только увлечь, нужно повысить требовательность, воспитать чувство ответственности за свое главное дело — учение. Стране не безразлично, кем станет молодой человек: пассивным и равнодушным исполнителем или творцом и искателем. Этот вопрос должен быть поставлен перед каждым. Ответственность следует понимать в самом широком смысле. «Я отвечаю за все» — вот что формирует гражданина. И парта, и березка, посаженная возле школы, и улица, по которой я хожу, и город — это мое и наше, и это надо беречь.

Хочется сказать и о повышении авторитета комсомольской организации в школе. Педагогический коллектив должен увидеть в комсомольцах союзников. Только тогда можно говорить о формировании гражданина, хозяина, активного члена общества. Учителям и комсомольцам необходимо тесное творческое содружество, только при этом условии они смогут решать сложные и важные вопросы воспитания.

Подводятся итоги Ленинского зачета, который сыграл исключительную важную роль в приобщении молодежи к наследию Ильича, в коммунистическом воспитании ее, в повышении общественной активности. Нужно добиться только, чтобы эти итоги не стали заключением, ибо речь идет не о мероприятии, не о кампании, а о постоянном совершенствовании идейной подготовки молодежи.

Почетная обязанность каждого гражданина — защита социалистической Родины. Готовить к этому нужно уже в школе. Оправдали себя такие формы деятельности школьного комсомола, как походы по местам революционной и боевой славы, встречи с участниками гражданской и Великой Отечественной войн, поиск героев.

И еще на одном важном вопросе нужно остановиться — воспитании любви к труду, помощи

в выборе профессии. Здесь открывается широкое поле деятельности для школьного комсомола. Это организация ученических научных обществ, кружков. Это ученические производственные бригады, трудовые комсомольские лагеря. Не просто теоретическое знакомство с профессией, но и познание ее через конкретное дело. Почти все хотят стать физиками, врачами, биологами, но стране нужны токари и комбайнеры, повара и шахтеры. Раскрыть красоту и благородство массовых рабочих профессий, научить видеть перспективы любой из них — над этим должны задуматься в комсомольской организации.

Одна из обязанностей комсомола — руководство пионерской организацией. Комсомольцы-школьники ближе всего стоят к пионерам, служат для них примером выполнения учебных и общественных обязанностей. Дружба — добрая, открывающая, но в то же время требовательная дружба старших с младшими — вот что мы хотим видеть в школе.

В постановлении ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» четко определены кардинальные проблемы деятельности комсомола, в том числе и его школьных организаций. Комитеты ВЛКСМ, педагоги, воспитатели должны стремиться к тому, чтобы жизнь каждого школьного коллектива — комсомольской организации, пионерской дружины, любого класса, группы, отряда — была идейно насыщенной, увлекательной и разнообразной, полнее учитывала психологические особенности и интересы детей и воспитывала в них главное качество — стойкое, осознанное стремление к труду.

Работу комсомола следует ценить высоко лишь тогда, когда ни один комсомолец, ни один школьник не остается в пассиве, в стороне. Именно это определяет авторитет школьного комсомола.

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК. Я зави-
дую ребятишкам — читателям «Юно-
го ленинца». Я знаю, с каким
нетерпением ждут они очередную
среду. В среду к ним приходит га-
зета. Конечно, многие из них читают
и «Пионерскую правду» и «Зирку» —
пионерскую газету на украинском
языке. Но «Юный ленинец»... Неда-
ром же тираж «Юного ленинца» —
почти полтора миллиона экземпля-
ров...

В. Г. Белинский писал: «Есть лю-
ди, которые любят детское общество
и умеют занять его и рассказом, и
разговором, и даже игрою, приняв
в ней участие: дети, с своей сторо-
ны, встречают этих людей с шумною
радостью, слушают их со вниманием
и смотрят на них с откровенной до-
верчивостью, как на своих друзей.
Про всякого из таких у нас, на Руси,
говорят: «это детский праздник». Вот
таких-то «детских праздников» нуж-
но и для детской литературы».

Я видел, как читают мальчишки и
девчонки свою газету. Я слышал,
как разговаривают в редакции
с детьми. Наблюдал, как готовят
очередной номер газеты. И эти сло-
ва великого критика все время при-
ходили мне на память.

ОНИ ЭТО ЛЮБЯТ. Ребята лю-
бят играть, и «Юный ленинец» не-
мыслим без игры. Вернее, без игр.
И каких игр! То это игра-путе-
шество с завлекательным назва-
нием «Через годы, через рассто-
яния...», посвященная 50-летию ленин-
ского комсомола. То «Экспедиция на
Землю удивительных открытий». То
конкурс на юного волшебника (со
специальными дипломами, удостове-
ряющими, что победители — действи-
тельно юные волшебники!). То рес-
публиканская «операция» «Белый
щит». То комическая лотерея «Весе-
лые ребята». То футбольный «Малый
чемпионат УССР»...

Сейчас завершается конкурс-вик-
торина «Хоровод». Читателям пред-
лагалось ответить на вопросы, свя-
занные с жизнью всех республик на-
шей Родины, с местами, где жил и
работал Ильич. Эту викторину
«Юный ленинец» проводит совместно
с редакциями газет братских рес-
публик.

И конечно, победителей ждут при-
зы. Так уж заведено в «Юном ле-
нинце», что победители игр получа-
ют специальные значки, медали, дип-
ломы, сувениры. Победители конкур-
са-лотереи «Веселые ребята» полу-
чили, например, яркие косынки. На
косынках — смеющиеся рожицы и
два слова: «Веселые ребята». Вы ду-
маете, косынкам обрадовались лишь
девочки? О нет! Мальчишкам они
еще более пришлись по вкусу. Сча-
стливцы до сих пор щеголяют в этих

В руки взяв газеты номер...

ярких косынках, повязанных на шеях
«по-кубински».

— Они это любят! — говорит мне
Инна Лысенко, художник «Юного
ленинца», по эскизам которой сде-
ланы почти все сувениры. И косын-
ки, и веселые редакционные конвер-
ты, и всевозможные рекламы газе-
ты — полны затейливой выдумки,
вкуса и доброго озорства.

Нет, я не спорю. Дети любят ве-
сельные сюрпризы. Но в «Юном ленин-
це» взрослые любят их ничуть не
меньше. Любят создавать радость и
бескорыстно дарить ее.

ЛЮБОПЫТНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ.
Некоторое время назад в редакции
появились постоянные герои. Это
прежде всего юнкор Газетка, Май-
ка Знайка — заведующая справоч-
ным бюро, профессор Смекал-
ка — великий специалист по всем
наукам, робот Кибернетка — знаток
современной техники, мяч Поско-
киш — энтузиаст спорта.

В эту работающую компанию во-
шел и Максим Бескозырка — «еще
один нештатный корреспондент», как
представили свой подарок «Юному
ленинцу» москвичи-правдисты. Но тут
нужно маленькое пояснение.

Дело в том, что у «Юного ленин-
ца» есть тезка. Турбоход «Юный ле-
нинец», построенный из металла, со-
бранного читателями газеты. Так
вот, Максим Бескозырка как бы пред-
ставляет в газете экипаж турбохода.

Все перечисленные герои-куклы
живут в кабинете главного редак-
тора. За стеклянной дверцей боль-
шого книжного шкафа. Судя по
всему, население этого шкафа скоро
пополнится еще одним жителем —
Мудрой совой. Она уже начала вы-
ступать на страницах газеты как за-
щитница и покровительница приро-
ды... Теперь эту Мудрую сову остает-
ся только смастерить.

УЧИСЬ ДУМАТЬ. Есть в газете
такая рубрика — «Для вожатых ок-
тябрят»... Однажды сотрудница газе-
ты Л. Биденко побывала в Терно-
польской области и привезла оттуда
материал о малолетней чинуше-пио-
нерке, заморившей скукой своих
малышей. «Вожатый, прежде чем
научить думать другого, должен
крепко-крепко обо всем подумать
сам», — советует газета.

Задорно славит газета все жи-
вое, остроумное, неожиданное. Вот
коротенький отрывок из очерка
Я. Махлина «В отряде только де-
вочки»: «Мальчиков в него не берут,
только девочек... Эти девочки — ба-
рабанщицы. Инструменты у них са-
мые обыкновенные. Такие барабаны
в каждой дружине есть. Но барабан-
ная дробь, оказывается, бывает раз-
ная. Девочки играют фанфарный,
морской, гвардейский, артековский
марш. А еще в их репертуаре свой
интернатовский марш. А еще они
могут сыграть пьесу под названием
«Позорная». Но... пьеса эта только
для внутриинтернатовского употребле-
ния. Ее очень не любят слушать лен-
тия и двоечники».

«Юный ленинец» не уклоняется и
от трудных тем. Подряд в трех но-
мерах печатал он очерк И. Росохо-
ватского о мальчишке с искалечен-
ной душой — «Семь футов под ки-
лем»: «В школе Мише говорили од-
но, а дома он видел другое... И на
уроках, и на пионерских сборах ему
говорили, что надо быть честным,
правдивым, а дома он видел, как
мать что-то приносит тайком, под по-
лой, из магазина, где она работала
продавцом... В такие минуты Миша
убеждал себя, что полностью честных
людей не существует...» К счастью,
хорошие люди не дали мальчишке
заблудиться. Выпрямили ему душу.

Думайте, думайте, думайте, при-
зывает читателей газета. И читатели
откликаются. Сергей Кульчицкий из
Винницкой области прислал, напри-
мер, такую зарисовку: «На терри-
тории нашей городской мебельной
фабрики лежала гора дощечек, об-

резков фанеры и прочих отходов. Увидел их Ваня Жданов и сказал:

— Дали бы мне пескочко брусочков, я бы такую клюшку сделал! Как у Бориса Майорова!

Увидел отходы кто-то из заводоуправления и приказал:

— Сжечь!

Так и сделали.

Вот и вся зарисовка. А мыслей она рождает много. И воспитывает в человеке хозяина жизни.

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ. Это самый трудный, самый ответственный раздел. Здесь, как нигде, связывается в единое целое личное и общественное.

«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» — так писал Аркадий Гайдар. Сам он честно жил, много трудился, любил свою землю и отдал за нее жизнь.

«Юный ленинец» обратился к ребятам с призывом создать гайдаровский фонд. И открыть в Каневе, на берегу Днепра, где могила Гайдара, библиотеку-музей его имени.

*Мечтой пионерской
И дружным трудом
Гайдаровский дом
У Днепра возведен.*

Библиотека-музей имени Гайдара работает.

Газета учит ребят любить свою Родину, учит честно жить и хорошо трудиться. Потому что без этого невозможно счастье.

Но счастье — это борьба. И «Юный ленинец», отвечая школьникам, пришедшим в редакцию вопрос «Что такое борьба? И как пионер должен бороться за дело Коммунистической партии?», отводит ответу целый разворот. Школьникам отвечают их ровесники и взрослые.

«Передовая линия борьбы есть всюду. Она проходит и через парту ученика, и через станок рабочего на заводе, и через стартовые площадки космодрома Байконур», — пишет секретарь Дарницкого райкома КПУ Л. И. Калиничева.

1 января 1970 года газета напечатала срочную телеграмму с борта турбохода «Юный ленинец». В ней, в частности, говорится: «ПРЕОДОЛЕВАЯ ШТОРЫ УРАГАНЫ МОЛЯКИ УСПЕШНО ВЫПОЛНЯЮТ НАКАЗ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ ГОР-

ДО НЕСУТ ФЛАГ СТРАНЫ СОВЕТОВ МОРЯМ ОКЕАНАМ». Заканчивается новогодняя телеграмма традиционным пожеланием здоровья, успехов, счастья.

И какое же юное сердце не забьется сильнее от этих строк! Это ведь так понятно и возвышенно. Это ведь и есть настоящее счастье — преодолевать ураганы и гордо нести флаг Родины!

ЗЕМЛЯ ОТКРЫТИЙ. Уже три года ведется в «Юном ленинце» «Экспедиция на Землю удивительных открытий»... Только присмотришься повнимательней, и тебе обеспечены открытия. Даже обыкновенный ядовитый мухомор окажется загадочным лосиным лекарством... А сколько полезного ты сможешь сделать, если захочешь! Вот хотя бы рыба. «Спасайте мальков», «открывайте рыбы столовые», «делайте гнезда для нереста рыбы», — призывает ребят газета.

Газета постоянно дает ребятам задания. Одни собирают в степи коллекцию деревьев Украины. Другие, у которых поблизости есть специальные питомники, подбирают коллекции экзотических деревьев. Общее дело — озеленение пришкольных участков. Газета рассказывает, как сделать дорожки, куртины, альпийские горки, беседки с вьющимися растениями.

С успехом прошел конкурс на лучший рассказ, стихотворение, рисунок, фотоснимок, посвященные красе родной природы. В нем приняли участие более тысячи ребят.

Кстати, альбом «Юного ленинца» находится в Москве на Выставке достижений народного хозяйства, в павильоне охраны природы...

СМЕХОМ ПО ПОМЕХАМ. Как читают книги? Обычно — с начала до конца. То есть с первой страницы и до последней. А как читают газеты? Специально проверяли и убедились: ребята читают с последней и до первой. Почему? Да потому, что последняя страница обычно самая веселая.

В «Юном ленинце», естественно, любят и понимают юмор. Иногда юмору отводят целую страницу. Ее так и называют — «Веселая страница». Чего-чего на ней только нет. И нелепые строчки из писем в редакцию — под рубрикой «С бухты-барахты» («Мы помогаем двоюшникам, которых скоро ликвидируем»). И микробасня В. Орлова «Мел»:

*— Как мелки люди! —
Взвизгнул мел
И от обиды
Побелел.
— Мои заслуги
Забывают!
Мои работы
Затирают!*

И анекдотический диалог:

«— Интересно учиться в шестом классе, — заявил Миша Медов. — Так интересно, что я вот уже второй год в нем...»

— И не ослабевает интерес?

— Ни капельки, — убежденно ответил Миша.

Стоило «Юному ленинцу» объявить условия конкурса на лучшее веселое произведение — рассказ, стихотворение, карикатуру, — и в редакцию пришло почти 20 000 писем! Триста ребят были премированы...

НОВОСТИ, НОВОСТИ, НОВОСТИ. Ребенок входит в большой мир, а большой мир входит в ребенка. Они стремятся друг к другу. Первая газета растущего человека — это первое ощущение своей гражданской самостоятельности. Своего приобщения к миру взрослых. В каждой пионерской газете есть все важнейшие новости. Политические события в нашей стране и за рубежом. Новости культуры, искусства, спорта. Роль пионерской газеты как воспитателя и организатора невозможно переоценить. Даже развлечения и самоделки, предлагаемые газетой, определенным образом формируют растущего гражданина.

Но как трудно делать газеты для детей!

В рекламе «Юного ленинца» говорится:

*За билет в трамвае платит
Три копейки пассажир.
А тебе копейки хватит,
Чтоб объехать целый мир.
В руки взял газеты номер,
Ты летишь на всех парах —
Ты уже на космодроме,
В джунглях, в Арктике, в горах!
Будет легче труд с газетой.
Будет весел твой досуг.
Пионер, запомни это:
«Юный ленинец» — твой друг!*

Вести любознательных, пытливых читателей на космодром и в джунгли, в горы и Арктику, организовывать детский труд и детский досуг (и еще многое-многое другое!) — тут есть над чем поломать голову...

Это ведь тонкое умение — разговаривать с детьми. Писать обо всем ярко, коротко, толково, занимательно. Расскажите ребенку о чем-то важном неинтересно, скучно, и вы вызовете в детской душе не только к вашим малоудачным словам, но и к самому предмету открывшую скуку.

Тут у детских журналистов и детских писателей совершенно одинаковые заботы, но совсем разные условия работы. Писатель может неторопливо, обстоятельно обдумать ка-

ждое свое слово, взвесить и оценить каждый свой образ и прием.

Детский журналист лишен этого. И поражаешься мастерству сотрудников «Юного ленинца». Они не позволяют себе работать вполсилы. Недаром материалы «Юного ленинца» выдерживают проверку временем. Они собираются в книжки, которые не залеживаются на прилавке.

ДРУЗЬЯ. Прочитаны подшивки газет. Расспрошены сотрудники. И я задаю главному редактору газеты Галине Архиповне Литвиновой свой последний — традиционный! — вопрос. О планах.

— А может быть, не обязательно о планах? Сюрпризы должны быть сюрпризами! Лучше я расскажу о наших помощниках...

И я записываю, записываю, записываю. А сам думаю: как же мне быть? Ведь я не смогу рассказать обо всех взрослых и юных авторах газеты, а обижать никого не хочется. Так что прошу поверить мне на слово: у этой газеты многоз-множество добрых друзей — и академики, и герои, и мореплаватели, и плотники.

А планы (по секрету!) такие: волею всех-всех читателей в общее дело. Сейчас задания газеты выполнят примерно двести тысяч ребят. А будут — полтора миллиона! И еще родители — они тоже не забыты...

*Н. ХАЛАТОВ,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»
г. Киев — Москва*

педагогический всеобуч

ТЫСЯЧА ДИПЛОМОВ

Народный университет педагогических знаний при Президиуме Академии педагогических наук СССР отмечает свое пятнадцатилетие. Состоялось около трехсот занятий. Более тысячи выпускников получили дипломы об окончании университета. Они знакомились с психофизиологическими особенностями детей разных возрастов, с содержанием и методами коммунистического воспитания детей.

У нас читали лекции министр просвещения СССР М. А. Прокофьев, президент АПН СССР В. М. Хаостов, вице-президенты АПН СССР А. И. Маркушевич и А. Г. Хрипкова, руководители отдела школ Московского городского комитета КПСС Г. Я. Перова и Н. С. Овсянникова, заместитель министра просвещения РСФСР Л. И. Баянская, работники ЦК ВЛКСМ, директора школ В. Н. Маляхов, Е. А. Рукавишникова и многие другие.

Мы старались развить у наших слушателей стремление к постоянному самообразованию, желание обращаться к произведениям классиков марксизма-ленинизма, великих русских и советских педагогов, следить за специальной литературой, привычку осмысливать и использовать все, что помогает убеждать и правильно воспитывать.

Слушатели анализировали работу школ с родителями, обсуждали проект Закона о браке и семье, участвовали в обсуждении проекта положения о родительском комитете, о комиссиях содействия школе и семье, об общественных советах при ЖЭКах. Все слушатели получили проект программы-минимум педагогических знаний для самообразования и обсуждали его в семьях и на классных родительских собраниях.

Слушатели принимали непосредственное участие и в научной работе академии. Так, например, им докладывалось по главам содержания пособия для родителей учащихся разных возрастов. Они выступали с критикой, обогащали авторов мыслями и фактическим материалом. Наконец, некоторые слушатели сами пытались обобщить и проанализировать свой опыт, сделать из него обоснованные выводы. Например, инженер Чернявский написал работу о развитии технического творчества подростков в условиях семьи, выступил с ней на Всероссийских «Педагогических чтениях» и был премирован.

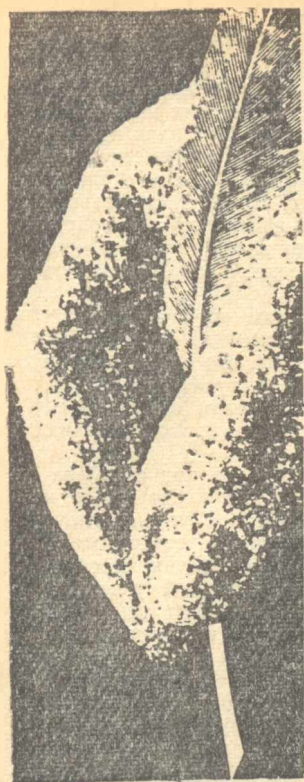
Мы всегда были уверены в том, что люди, которые являются членами педагогических советов в школах и организаторами внеклассной работы с детьми в детских клубах, во дворах, должны иметь широкий кругозор, из первых уст узнавать о новостях из области техники, искусства, жизни народов разных стран. Увлечательно рассказывал нам о космической технике Герой Советского Союза летчик-космонавт Павел Беляев. Очень обогатили наших слушателей живые беседы народных артистов СССР Веры Марецкой, Елены Гоголевой, Клавдии Еланской, народной артистки РСФСР Елизаветы Солодовой, исполнявшей в ряде кинофильмов роль матери Владимира Ильича — Марии Александровны Ульяновой. О своей работе рассказывали создатель документальных фильмов четырежды лауреат Государственной премии Роман Кармен, а также Леонид Махнач, режиссер кинофильма «Подвиг» (о Феликсе Дзержинском). Заместитель министра просвещения СССР М. И. Корданов долго пробыл в Индии, директор школы В. П. Ильин близко познакомился со школами и учителями Швеции. Они поделились своими впечатлениями.

У нас было три факультета: председателей и членов родительских комитетов школ, членов комиссий содействия школе и семье при предприятиях и учреждениях и членов общественных советов при ЖЭКах. На факультетах проводились практические занятия по методике работы с детьми. Слушатели обменивались опытом, часто бывали в городском Дворце пионеров, в лучших школах, в лучших дворовых клубах.

Некоторые наши слушатели награждены значком «Отличник народного просвещения».

Сейчас в нашем университете проходят подготовку лекторы из числа учителей и родительского актива, которые выступают в школах и на предприятиях.

*И. ПЕЧЕРНИКОВА,
ректор университета,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник
Института общей педагогики*

Дневник отца

А. ФРОЛОВ

1—4 января 1969 года. Вале 7 лет и 3 месяца.

«От Деда Мороза» мать принесла Вале и Вере подарок (один на двоих): елку-малютку с набором миниатюрных елочных игрушек. «Это чтобы вы дружили лучше, не ссорились, вместе играли». Они довольны, играют дружно. Конечно, много значат и слова матери. Но ведь это не просто слова: игрушка одна на двоих, вот и приходится детям к этому «приспосабливаться».

Через день характерный случай: Валя смотрит у соседей детскую телепередачу, а я зову ее посидеть с Верой, мне некогда. Валя сразу бежит, хоть ей и не хочется. Потом ворчит на Веру: «Уж не могла одна поиграть...» Вообще она сейчас у нас за няньку: остается с Верой, когда мы уходим на работу.

Валя впервые убирала на кухне совершенно самостоятельно: помыла посуду, подмела пол. Повлияло, может быть, то, что я разболелся, лежу в постели. Так частенько бывает: обстоятельства заставляют быть сознательным.

6—10 января

Все девочки с азартом и удивлением снова и снова повторяют «открытие»: проговаривают стишок, отмечая стихотворные ударения палочкой, — и у них всегда получается 16 палочек! А стих такой:

*Я пишу, пишу, пишу,
шестнадцать палок напишу.
Если вы не верите,
то про-верь-те!*

У некоторых, правда, получается почему-то 17 палочек. Интересно, что дети здесь отмечают не слоги, а стихотворный ритм, хотя сам термин им, конечно, неизвестен. Вероятно, в воспитании немало случаев, когда новый ребенок усваивает в какой-то особой форме, без названия.

Валины вопросы: Луна — как наша Земля? Какую сторону Луны не видно — она какая? Как это получается: сначала месяц, потом пол-Луны, потом Луна? Что, ее тучи закрывают? (Последние вопросы навеяны книгой «Приключения Незнайки на Луне»). Когда сказал, что так бывает из-за освещенности Луны Солнцем, Валя возразила: «Но ведь Луна к нам только одной стороной поворачивается!» Она стремится понять все до тонкости — это хорошо. Но я-то растерялся: оказывается, я и сам толком не знаю...

Когда Валя читает вслух Вере или Алеше, у нее получается очень выразительно, естественно. Читает так, будто рассказывает: чувствуется отношение к тому или иному герою, она его стремится изобразить, передать интонацию. Но как только я начинаю «проверять» — так сразу естественности нет и в помине: Валя читает уже так, как будто отвечает урок.

Валя частенько обижается на Веру: «Вера — жадина, не умеет вместе играть!..» Из-за этого, бывает, тихо плачет. Тогда я велю Вере пожалеть сестренку. Малышка быстро соглашается, подходит, гладит Валины руки, плечи и иногда приговаривает: «Прости, я больше не буду, я маленькая, еще ничего не понимаю, ты меня больше учи!» Валя: «Я ее учу, учу, а она не понимает!» Я говорю: «Да, учить трудно, не сразу получается. Тебе надо тоже научиться, как обращаться с маленькими». Мир наступает быстро.

11—15 января

Меня всегда корбит зрелище выброшенных после праздника во двор новогодних елок. Совсем недавно им все радовались, наряжали их, и вот — валяются на снегу, жалкие. У меня всегда это ассоциируется с отношением к людям, которых почитали, пока они были нужны, а миновала нужда — и забыли. Мне кажется, что у детей такое ощущение даже отчетливее, чем у взрослых. И нельзя, чтобы это чувство умерло, чтобы в человеке утверждалась бесчувственность. Валя и ее подружки сами нашли разумный выход: они «сажают» елки в снег, друг к другу, и вот это уже лесок, где елочки снова стоят как растут.

17—19 января

Увидел у Вали тетрадь специально для пословиц. Это они в школе записывают такие пословицы: умел ошибиться — умей и исправиться; ум, совесть и честь — лучшее, что на свете есть; слава греет, позор жжет, и другие. Беседую: «А что такое честь?» — «Не знаю... Позор — это когда стыдно». — «А слава?» — «Это, например, слава героям. Совесть — она есть у трех учеников в нашем классе, и у меня. Анна Петровна сказала, потому что, как она на нас посмотрит, мы сразу знаем, что мы делаем неправильно, разговариваем или еще что-нибудь». (Матери об этом случае Валя, оказывается, рассказала с радостью, а мне не говорила. Стесняется?) Вот ведь как часто бывает в воспитании: слова одни, а представления — какие угодно. Попробовал объяснить: «Надо беречь свою честь — это значит надо стараться, чтобы о тебе говорили как о хорошем человеке, честном. А совесть — это вроде такого маленького человечка, который сидит в каждом и велит все делать правильно. Если кто делает неправильно, он заставляет этого человека беспокоиться, волноваться, не дает ему покоя. Поэтому говорят: делай так, как подсказывает совесть».

Продолжение. Начало в № 2 и 4.

Дневник Валя

20—26 января

Валя плачет: получила сразу три «тройки» (делает много исправлений). Поругал ее за то, что «разболталась», медленно готовит уроки, отвлекается, мало бывает на улице, плохо ест. Сказал, что надо теперь делать, велел повторить. Потом приласкал: «Я тебе буду помогать, подсказывать, чтобы быстрее избавиться от плохих привычек». Взяли за правило: учиться все делать быстро. И учу ее учиться: задание надо перечитывать вслух, не забывать про пересказ, «проговаривать» трудные арифметические действия. Тут мать как раз пришла с родительского собрания, мы вместе с Валею слушаем, что там говорили, какие сейчас требования к письму, арифметике, чтению, какой должен быть режим. Все трое разбираемся во всех этих педагогических вопросах. Я думаю, что ученик добьется гораздо большего, если будет знать, почему у него так или иначе получается, как можно изменить свое поведение, какое значение имеют те или иные его действия.

На другой день Валя соглашается повесить перед своим столиком лозунг: «Быстрой, лучшей!» Сама написала и спрашивает: «Можно, я разрисую?» Украсила лозунг рамкой, цветочками и дописала: «Кончил дело — гуляй смело!» Решила, что она все будет делать сама, не надо за ней смотреть. Но так у нее все же не получается. Говорю, что это от плохих привычек, они ведь не сразу пропадают, нам надо ей помогать, смотреть. Тогда согласилась. Так мы довольно быстро избавились от «троек». «Значит, правильно, — говорю, — Валя, мы с тобой взяли за дело!»

Теперь о кошке. Однажды Валя с девочками увидела в щелку, что под сарай забралась кошка и не может оттуда выбраться. Бегают то к Татьяне Ивановне, то к нам, суматоха: «Котенок забрел! Подойдет к щелке — и убежит, боится нас, глаза горят, а потом — выключаются!» Я посоветовал выманить его оттуда кусочком мяса. И вот Валя упрямится нас взять к себе эту кошку: «Она такая пушистая, серебристая, рыжая». И просит как-то по-особенному, серьезно. Согласился, но с условием, чтобы самой убирать за кошкой, ухаживать за ней, в комнату не пускать (пусть живет в коридоре). После школы девочки пришли посмотреть, как кошка устроилась. А она благодарит, трется об их ноги.

Когда кошка напачкает на пол, Валя сама берется убирать, заявляет: «Буду мыть теперь пол». И делала бы очень неприятную работу, если бы ей разрешили. Сама выносит жестянку, меняет в ней песок, и все это без напоминаний, без недовольства. Кончилось же все таким образом: однажды вечером понесла она кошку на улицу, погулять. Кошка прыгнула у нее с рук и убежала, исчезла. Вернулась Валя с плачем: «Теперь ее кто-нибудь поймает, будет ее дрзнить...» Успокоилась лишь после моих слов о том, что сейчас темно, никто ее не заметит, она убежала туда, где жила раньше.

27—31 января

Валя делает так, как ей говорили: при выполнении домашнего задания по чтению готовит пересказ; задания по письму, арифметике читает вслух. Достаточно было нам сообща поговорить — и эта работа сразу стала «сознательной».

Принес я ей книжку «Служу Советскому Союзу!», необычную по своему жанру. Здесь нет никакого сюжета, а книга все равно читается детьми с большим интересом. Она содержит справочный материал о Советской Армии. Валя читает мне вслух: «Пусть ярость благородная...» Хочет переписать в отдельную тетрадь все песни, какие там есть. Начала с «Катюши».

Делает и другие выписки, не из песен. Перерисовывает ордена, другие иллюстрации: воздушный десант, пистолет. Жаль, что мало еще таких вот книг для детей, обладающих двумя очень ценными свойствами: они, во-первых, серьезно рассказывают о серьезных вещах, и, во-вторых, они заставляют ребенка что-то делать (рисовать, делать выписки, вырезать, конструировать, разыгрывать).

Валя недавно пожаловалась, что после школы у нее бывает больно глазам. Решили, что она будет пить каждый день рыбий жир. Интересно, что сразу согласилась на эту неприятную процедуру. Раньше мало было сказать, разъяснить, надо было еще как-то подействовать, как-то заинтересовать. А сейчас нечто новое: слово действует «без посредников», от него прямой путь к действию.

Эта сила разума, конечно, появилась не просто от того, что девочка стала старше. (Ведь и старшие дети далеко не всегда руководствуются разумными доводами!) Все, что делалось до этого в воспитании девочки, было направлено к тому, чтобы разум был не только хозяином поведения, но и хорошим хозяином. То, что Валя сейчас совсем не доставляет нам хлопот, — это результат довольно высоких требований, которые еще до школы предъявляли к ней. Мы не боялись тогда «повоевать» с ребенком и сейчас видим, что делали правильно.

2—5 февраля

Учу ее самопроверке: «Читай и пересказывай вслух сама себе, пока не будешь довольна пересказом». Но решил спросить: «А знаешь, для чего это нужно — пересказывать?» Оказывается — не знает. «Так почему же ты не спрашиваешь, для чего это надо делать?!» Меня всегда выводит из равновесия привычка бездумно выполнять работу, не интересуясь ее смыслом. Ведь вот раньше Валя частенько спрашивала: «А какая от этого польза?» Сейчас же она делает, довольствуясь, вероятно, тем, что

дневник отца

за это ей поставят оценку. Объяснил: «Пересказывать надо, чтобы укреплять память, новые слова запоминать, учиться правильно говорить». — «Да, нам говорили: читайте больше — будете писать без ошибок. А для чего пересказывать, не говорили».

6—9 февраля

Валя всегда рассказывает, что было интересного в школе. Сообщает: «Какой класс будет всех лучше, о нем в газете напечатают. Кто не будет бегать. В раздевалке надо хорошо себя вести. Мы сказали, что не будем бегать... Очень интересно «Колбаса» на уроке разыгрывали. Мазин был медведем, грубо так говорил! А я от автора читала...»

Беседую с Валей: вот Алеша все время ее к себе зовет, а к нам не ходит, это нехорошо. Она сразу привела свой пример: «Настоящие друзья не так. Лариса к нам ходит, и я к ней хожу». Верочки сейчас с нами нет, она у бабушки. Прочитал однажды Вале бабушкино письмо, где она рассказывает о Вере, что она у них делает. Теперь всегда просит прочитать ей, как получаем письмо от бабушки.

10—15 февраля

Мы с матерью сейчас очень заняты на работе, поэтому Валя перешла на полную самостоятельность. Одна обедает, собирается в школу, сама закрывает дверь на ключ. Додумалась: ключ на шнурке, через шею, под платьем. Вечером мать смотрит с ней домашнее задание, выполняет его Валя на другой день самостоятельно и быстро, за час. Остается за хозяйку: одолжила соседке утюг, инспектору горгаза дала расписаться в паспорте на газовое оборудование. Все обходится благополучно. Только ест она плохо. Получает «5» и «4», уроки делает хорошо и быстро.

16—20 февраля

Валя сообщила: «К 23 февраля надо мальчикам в классе подарки сделать, принести что-нибудь в школу, книжку или открытку». — «Зачем?» — «Они нам к 8 Марта подарки делают». Опять утрата главной идеи. Может быть, это не так страшно (ведь малыши)? Нет, нельзя с самого начала превращать 23 февраля и 8 Марта в день мальчиков и день девочек, в день взаимных услуг. Я хочу поправить положение: «Нарисуй такую открытку, чтобы там была звезда или что-нибудь о Советской Армии...» Нет, она не хочет: «Не буду рисовать. Нам сказали, надо принести открытку или книгу. Не подарим мальчикам — они нам не подарят». Ничего не поделаешь, советую ей подобрать открытку на военную тему. Но главное-то, мотив, остается тем же: я — тебе, а ты — мне. А ведь в День Советской Армии надо, чтобы ребенок прежде всего узнал, почувствовал, чем жила и живет наша армия.

А 8 Марта — тут в самом празднике лежит мысль о женщине. Поэтому внимание к девочкам своего класса, к учительнице, к матери и бабушке вполне естественно. Но ведь не надо и о том забывать, что это праздник женщины-работницы, труженицы, не сбиваться на «чувствительность», жеманство, легковесность. И потом эти открытки, которые становятся стандартной, банальной формой внимания! Быстро, дешево, просто...

Дорого уважение практическое, деловое, подлинное. И в особенности — без долгих разговоров о внимании. От сердца идет то, что придумано и сделано самим, бескорыстно, без какого-либо расчета на «взаимность». Уроки благородства, гражданственности: патриотизма — вот что должны получить наши дети даже и в первом классе в дни 8 Марта и 23 февраля. И в семье тоже. Наша Валя третий вечер готовит подарок матери — подушечку для иголок и вышивку. Надо обязательно рассказать Вале об ее «уральской бабушке»: как она, рано лишившись мужа, воспитала восьмерых детей, а тогда была гражданская война, потом Великая Отечественная... Пусть сделает что-то и для бабушки.

21—27 февраля

О Дне Советской Армии Валя рассказывает так: «В других классах игра «Зарница» была, а у нас ничего. Попели — и все. В другом классе был ветеран, рассказывал. И кино смотрели о Котике, пионере-герое». Снова и снова возвращается к этой теме. Предлагаю: «А вы в другой раз попросите пионервожатую, Анну Петровну, и пионеры вам помогут организовать игру или что-нибудь другое сделать». — «Да, мы к 8 Марта будем делать стенгазету о Крупской. И деньги собрали, купили альбом, будем делать альбом о Ленине. Картинки, открытки я уже отдала».

Валя попросила записать ее в какую-нибудь библиотеку. Зашли мы в заводскую библиотеку, а вышли — Валя с плачем, а я в расстроенных чувствах. Оказывается, они дают книги только по списку для внеклассного чтения, по классам. Для I и II классов у них такого списка нет, а из списка III и IV классов книг нам не дали: не положено. И даже мораль мне прочитали, когда я пробовал возразить против такой регламентации: «Мы знаем, какие книги надо давать детям. А вам надо этому еще научиться». Валя вышла и заплакала: «Не записали... Я хотела читать о Ленине, Крупской, нам в классе говорили». Есть же такие «педагоги»! И такой у них апломб, такая самоуверенность, что тошно становится. Пришлось отправиться в книжный магазин.

(Окончание следует)

непослушные ноги

Прочитала в «Семье и школе» (№ 1) ответ кандидата педагогических наук Ф. Ипполитова на письмо читателя А. Артемьева — о дурной привычке болтать ногами. На своем опыте мы убедились, как важно создать «условия, препятствующие проявлению привычки». Может быть, семье Артемьевых будет интересно узнать, как мы этого добивались.

Мой сын в младенчестве перенес серьезное нервное заболевание. К трем годам, по выражению невропатолога, это был «комочек нервов», руки и ноги его не знали покоя. Чтобы не болтали ногами, его усаживали за низенький столик. Болтать ногами он не мог, зато стал снимать и надевать тапочки. И этим ноги его были заняты постоянно. Тогда ему сменили тапочки, устроив так, что их нельзя было снять без помощи рук.

Когда сын пошел в школу, ноги нашли себе новую работу. Сидя за партой, он все время переносил их с подставки на пол и обратно.

Дома, когда располагался за большим столом, крутил маленькую скамеечку ногами, при этом она невыносимо гремела. Пришлось подставить под ноги плотный, тяжелый валик. Ногам теперь нечего было делать.

Сейчас сын учится в третьем классе. Вот он сидит передо мной, читает, ноги его в покое.

А. СЕМЕНОВА
Ленинград

крайностей можно избежать

Прочла статью О. Чайковской «Котику-братiku» в 12-м номере журнала за прошлый год. Хоро-

шая статья, но, на мой взгляд, автор напрасно берет за исходную точку воспитание в какой-то мере «дистиллированное» и считает его неизбежным.

Попытаюсь додумать до конца мысли, которые возникли у меня в то время, когда дочь моя Люба, еще дошкольница, подолгу жила в деревне.

Люба была неизменной участницей всех бабушкиных забот: вместе доили корову, проводжали ее в стадо, ухаживали за другими домашними животными.

Замечу: у сельских жителей никогда не бывает одностороннего, потребительского отношения к животным. Получая пользу, люди, в свою очередь, вкладывают в них немало труда, а стало быть, и души. Хозяйка, например, называет корову кормилицей, знает немало ласковых слов для нее, собираясь в хлев, не забудет прихватить кусок хлеба и даже посыпать солью...

Такова и наша бабушка, добрая, заботливая. Дом у нее в отличном порядке, куры и корова накормлены, напоены, ухожены. Однако, когда надо сварить внучке куриный суп, она сама берет в кладовке топор...

Опасаясь за Любины нервы, бабушка, конечно же, не демонстрирует девочке, как отлетает куриная голова. Но от Любы не так-то просто спрятаться. И не раз внучка помогала бабушке оципывать и потрошить кур. Но это не мешало Любе по-прежнему с радостью кормить оставшихся в живых куриных сородичей, часами наблюдать наседкины хлопоты, любить всех собак, кошек и вообще все живое. Люба умеет беречь травинку, ей понятна боль растоптанного цветка. Она тоже до слез жалеет глупого Петуха из сказки «Котику-братiku». Что же охраняет ее душу при зрелище петушиной крови?

Мне кажется, перенимая любовь бабушки к животным, ребенок правильно воспринимает и необходимость «утилитарного» к ним отношения. Именно необходимости подчиняется бабушка, когда превращает курочку, о которой заботилась целое лето, в жаркое. А ребенок интуитивно доверяет опыту старшего.

Не знаю, насколько убедителен мой пример, но, мне кажется, все

же нужно приобщать детей к законам бытия, но так, чтобы оно прошло наиболее безболезненно и в то же время души не очерстило. Ребенок, надежно укрытый от всех неприятных зрелищ, сам по себе еще не станет добрым.

Поскольку речь идет о приобщении детей к биологическим законам бытия, расскажу о случае, который тоже далек от «ангельского» воспитания.

Корова Жданка должна была в скором времени отелиться и осторожно ходила по двору, тяжело неся свои огромные бока. Случилось так, что в самую критическую минуту дома оказались только мы с Любой. И выпала мне честь стать повивальной бабкой. Опытный глаз хозяйки с утра бы заметил близость этого события, и Жданка осталась бы в хлеву. Я же вывела ее во двор — был тихий зимний день, — а когда пришла навестить буренку, все уже началось. Панически забегала я по двору, таская охапки сена. Помчалась домой за мешковиной для телянка. Оборачиваюсь и вижу Любу за калиткой. Отправила ее в дом...

После, когда появилось время перевести дух, я не очень пожалела о том, что Люба хоть ненадолго, но все же стала свидетелем этого события. Она пережила ведь сострадание к Жданке, радость в связи с появлением «такого красивого» телянка, волнение за меня — дочери понятно было мое отчаяние, которое дало мне силы поднять телянка и унести с мороза.

Конечно, не так уж много Люба узнала, но почувствовала важное. И мне кажется, к открытию тайны рождения детей — в какой форме оно ни придет — девочка в какой-то степени уже подготовлена: заложена вера в естественность этого закона природы и уважение к нему.

Не поймите меня так, что я призываю водить детей на задние дворы. Для меня несомненно одно: готовя ребенка к восприятию трудной, порой противоречивой реальной жизни, можно избежать двух крайностей — легкой ранимости или ожесточенности детской души.

В. ПАНЧЕНКО
г. Рига

как тебя зовут?

До трех лет Димка не был твердо уверен, какое из его имен единственно правильное. Конечно, он понимал, что слова «солнышко», «чижик» и «лапушка» к имени отношения не имеют. Зато они точно означают, что мама любит и не сердится. Папа, приходя с работы, хватал Димку, подбрасывал к потолку, крича при этом: «Как дела, Дмитрий Сергеевич?» А старший брат упорно называл Димку Демьяном или Димычем.

Димкино трехлетие ознаменовалось двумя событиями. Первое было неприятное: чуть было не потерялась мама. Они пошли в «Детский мир» покупать ботинки, и, пока мама платила в кассу деньги, Димка быстренько побежал смотреть заводные машины. А когда посмотрелся и вернулся к кассе, мамы уже не было. Правда, она нашлась, как только Димка заревел, но очень испугалась. Потом дома Димка сто раз повторял вслед за папой и мамой, что фамилия его Окуневский, что живет он на улице Вишневого, дом двадцать, квартира семь.

— Если потеряешься, — нервно говорила мама, — сразу все это скажи! Ты понял?

— Тогда я найдусь? — спрашивал Димка.

— Обязательно! — заверила мама.

Второе событие было долгожданным: Димку приняли в детский сад.

— Меня зовут Вера Васильевна! А тебя как? — спросила воспитательница.

— Дима! — прошептал мальчик. К этому времени он уже разобрался в тонкостях официального представительства.

— Громче, громче! — сказала Вера Васильевна. — Значит, Дима. А дальше?

Димка оглянулся на маму, удостоверился, что она здесь, а следовательно, он не потерялся, и потупился.

— Димочка, назови свою фамилию! — подсказала мама. — Скажи: Окуневский! Ну!

— Мамочка, я хочу домой! — сказал Димка.

— Зачем же домой? — удивилась воспитательница. — Ты посмотри, сколько здесь мальчиков и девочек и какие у нас игрушки! Вон какой петух! Видишь?

Петух из папье-маше был красавец и великан, сивший всеми цветами радуги. Верхом на петухе сидел симпатичный мальчишка с челочкой. Он подсакивал и кричал тоненько и лихо: «Но-о! Но-о!»

— Владимир! — сказала Вера Васильевна. — Слезь с петуха. Пусть Окуневский покатается!

Против такого соблазна устоять было невозможно! Димка выпустил мамину руку и вскарабкался на петушину спину.

В общем, первый день в детском саду прошел неплохо, и на завтра Димка отправился туда без всяких возражений.

Но домой он вернулся хмурый.

Мама всполошилась:

— Ты не заболел, чижик?

— А почему меня зовут Окуневский, как будто я потерялся? Я не хочу!

— Солнышко мое, наверное, Вера Васильевна трудно запомнить все имена. Ребятток много.

— Все равно скажи им, что я Дима! Дима! Вот!

«...Сын отказывается ходить в детский сад, потому что там его, как, впрочем, и остальных детей, называют только по фамилии. Он к этому никак не может привыкнуть. Ведь он еще маленький. Но может быть, я не права? Может быть, так и полагается? Объясните, пожалуйста! Л. МИШИНА, мать двоих детей».

Так не полагается, уважаемая Л. А. Мишина (прошу прощения, называю вас по фамилии, но вынуждена, так как имени-отчества своего вы не сообщили). К сожалению, не могу указать параграф, где черным по белому было бы записано, что в яслях, в детском саду, в школе (да, да, и в школе, хотя бы в младших классах!) детей следует называть по именам, а не по фамилиям. Да мало ли что не записано в официальных бумагах! Например, нигде не значит-ся, что воспитатель должен быть

добрым и чутким. Что он обязан быть отзывчивым и справедливым. Что для ребенка детский сад — это продолжение его дома.

Зайдите в любое дошкольное учреждение, и вы обнаружите там мягкие тона, нарядность, уют. «Домашний» актер бережется старательно. А вот есть ли в этом доме тепло и радость — сразу не заметишь. Тут надо приглядываться к каждой мелочи. Мелочи?

Воспитательница зовет малыша по фамилии. Что это значит для ребенка? Одним только словом дают ему понять: ты здесь не дома (потому что дома его никто по фамилии не назовет); воспитательница тебе не мама и вообще не близкий человек (конечно! Как можно приласкаться к той, которая даже имени твоего не хочет произнести!); и ни на какие поблажки не рассчитывай. Получишь только то, что положено.

А человеку, знаете, иногда нужна поблажка. В том возрасте, о котором идет речь, законно хочется, чтобы и приласкали не по норме, и покормили с ложечки иногда (так устаешь все до конца доедать!), и подули на больное место...

— Вы с ними поостроже! Посуше! — учила меня заведующая, когда я впервые пришла работать в детский сад. — А то распустите, и сидят они вам на голову. Наплачетесь тогда!

Я вначале действительно «наплакалась», хотя старательно выполняла наказ заведующей, и убедилась на собственном опыте, что самые «официальные» отношения с детьми не способствуют послушанию. Они только мешают. Мешают воспитателю разглядеть и полюбить ребенка, мешают малышу чувствовать себя привычно и свободно. А ведь очень важно, чтобы ребята чувствовали себя именно так.

Не сомневаюсь, что воспитатели детских садов города Лиенаи, откуда пришло письмо, прекрасно понимают все это. И фамилии детей останутся лишь в официальных списках. А в садах будут заниматься, играть и улыбаться Димки, Ирочки, Толики, Леночки, Сашеньки.

Б. ЛЕОНИДОВА

приглашаем на педсовет

Уважаемые товарищи! Я мать ученика 6-го класса и пишу о нашей приисковой школе.

Был такой случай. Один мальчик несколько раз просил у учительницы разрешения выйти. Не получив его, он сам, не выдержав, пулей выскочил из класса. Дети рассмеялись. Смеялся и Игорь — мальчик полный, но милый и безобидный. Учительница отчитала детей: «Урок сорван, заниматься не будем, хохочите!» — и отдала Игорю: — А ты-то чего, свинья?» Ребята были приутихли, но тут расхохотались пуще прежнего. Вот я и спрашиваю: откуда недружелюбие к товарищу? Не потому ли, что сам учитель позволяет себе грубости?

На родительском собрании мы просили классную руководительницу поговорить с этой учительницей, так как случаи оскорбления детей с ее стороны не единичны. Классная руководительница заявила: «Да не могла же я сказать ребятам, что неправ учитель!» Но разве сами дети этого не видят? К тому же и педагогический коллектив не обсуждал эти факты.

На последнем родительском собрании перед нами выставили неуспевающих и потребовали от них обещания исправиться. Назначили срок неделю (а у ребят по 3—4 двойки за четверть).

Самым недопустимым была проработка тринадцатилетней Люды. Классная руководительница представила ее нам, родителям, как «невесту», «мнящую себя красавицей». Девочка стояла с пылающими щеками и глазами, полными слез, а ее одноклассница Таня по поручению учителя читала дневник девочки и записки от мальчика, с которым она дружит. Тут были и другие ученики. Таня «докладывала»: «Разбирали мы Люду в классе. Была ее мама, плакала, говорит, что дома они не знают, что делать с Людой». Классная руководительница добавила: «И мы не знаем, что с ней делать в школе. Учится плохо, лентяйка, а за углами с парнем встречается. Что посоветуете вы?»

Я прежде всего попросила, чтобы все дети вместе с Людой вышли из класса. Потом спросила, не считают ли педагоги, что так «влиять» на детей вредно. Мне ответили: «Все уже испробовали! Теперь обратимся на производство по месту работы отца».

У меня такие методы воспитания вызывают большое сомнение.

Л. БУТАЕВА
Усть-Янский район
Якутской АССР

ОТ РЕДАКЦИИ.

Письмо Л. Бутаевой привело нас на педагогический совет в одну московскую школу. Не удивляйтесь этому. Просто мы знали, что совет педагогов 379-й школы — это всегда содержательный, взаимно полезный разговор. А на этот раз вопрос, поставленный на обсуждение, имел прямое касательство к беспокойству матери. Его можно сформулировать так: о справедливости и самокритичности учителя, о такте во взаимоотношениях с учащимися.

Мы подумали, что разговор этот многое подскажет

не только далекой приисковой школе, но будет интересен и для всех читателей журнала.

Две школы — периферийная и столичная. Можно ли их сравнить? Можно и нужно. Потому что речь идет о самом главном педагогическом правиле, в соблюдении которого никаких скидок на разные условия быть не может: об уважении к человеческому достоинству воспитанника.

Но вот что надо непременно добавить: в школе № 379 нет ничего подобного описанному в якутском письме. И все-таки к проблемам такта здесь относятся с самым пристальным вниманием. И может быть, именно поэтому совершенно исключены из педагогического арсенала грубые окрики, брань, наказание публичным стыдом. Правильный стиль обращения с учащимися невозможно ввести в порядке приказа. Его можно лишь воспитать. И наверное, не единжды надо доказывать, что учителю, как, впрочем, и всякому воспитателю, выгоднее работать с учениками на основе уважительной требовательности, ибо взрослый, озлобленно воюющий с детьми, будет вызывать противодействие и ответную грубость.

Послушаем же, о чем говорили учителя.

...Странное отчуждение возникло между 10-м классом и преподавательницей математики. Класс считался сильным, и соответственно строилось преподавание. Но у учительницы было ощущение: что-то не получается. Ученики не задавали никаких вопросов, сами же отвечали плохо. Конечно, можно было стать на формальный путь: не знаешь — двойка! Но опытный педагог понимал: это не выход, надо докопаться до сути. Устроили собрание.

— Объясните мне честно, ребята, почему у вас не ладится с моим предметом? — прямо спросила математичка.

После некоторого молчания один из учеников сказал: — Вы слишком быстро ведете урок. Мы не успеваем за вами.

И тут заговорили другие. Выяснилось, что взятый темп занятий действительно труден многим. А переспросить, признаться, что не понял, казалось неудобным — класс ведь считался сильным. И сама учительница, увлекшись, переоценила его возможности.

— Я все поняла, — сказала она. — Это дело поправимое. Спасибо вам!

«Что ценят дети в нас, учителях?» — продолжала свой рассказ преподавательница математики С. Бененсон. — Младшие ценят ласку, доброту. Старшие — знания, такт, культуру. А если возникло недоразумение, то откровенность с ребятами — лучшее средство разрядить обстановку. Ошибку легче исправить, если честно и открыто в ней признаешься. Ведь учащиеся сами все видят и все понимают».

...Был в 7-м классе такой случай. Один ученик, заядлый футболист, не успевал по математике. Учительница рассердилась: «Это тебе не ногами работать. Тут головой надо соображать!» Сказала и сама сразу ощутила: нехорошо! Ученик обиделся, помрачнел. Учительница вызывает к доске — не идет. Оставила его после урока и сказала: «Я была бестактна, Леня, прости меня. Попрошу извинения перед классом». Так и сделала. Авторитет ее несколько не пострадал. А ученик этот теперь уже учится в пединституте.

На педагогическом совете подчеркивали значение психологической грамотности учителя, понимания особенностей возраста, с которым он работает. А для этого, в частности, он никогда не должен забывать, каким сам был в детстве и юности.

«Возьмите шестиклассников, — говорила учительница физики Т. Зуйкова, — они склонны к прямоте и искрен-

ности, свободному самовыражению, очень остро реагируют на всякую несправедливость. Старшеклассники иногда переоценивают свои силы, а выводы обосновывают случайными фактами. В них еще много противоречивого, неустоявшегося. И мне хочется напомнить мудрую педагогическую мысль Владимира Ильича о подходе к организациям молодежи и вообще к молодым людям. «Таким людям, — говорил он, — надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно убеждения, а не борьбы».

Тут есть над чем задуматься тем, кто, столкнувшись с плохим поступком или неверным взглядом молодого человека, сразу переходит к решительным мерам пресечения. Ребята очень обостренно это чувствуют.

«Вызывающе и развязно вел себя Володя, — рассказывала словесница Л. Розенблюм. — Я злилась на него. Он чувствовал мое отношение, и это еще больше его подорвало. Во время диспута на тему «Мой идеал» Володя с вызовом заявил: «У меня нет идеала». Не сдержавшись, я бросила реплику: «Я так и думала». Он совсем озлобился».

Ребята, видимо, почувствовали мой просчет — десятый класс ведь! — и хотели поправить настроение товарища. Когда мы поехали в Тарусу в трудовой лагерь, они выдвинули Володю бригадиром и просили меня не возражать. Я подумала: что ж, пусть сами увидят, кого выбирают. И действительно, бригадир плохо справлялся с делом. Но товарищи терпеливо помогали ему. Он сумел оценить это, и создалась возможность без запальчивости поговорить и об идеалах, и о вредном чувстве собственного превосходства и о многом другом, о чем можно рассуждать лишь на основе взаимного доверия. Как видите, урок получила я. А Володя заметно подтянулся — и в учении, и в поведении».

Слушая выступления учителей, по-настоящему ощущаешь животворную силу метода убеждения. Суть не только в обращении к человеческому в детях, но и в истинной демократичности метода. Каждый имеет право убеждать другого. Педагог — учащиеся, учащиеся — педагога. Родители — детей, дети — родителей. Наконец, сами педагоги, родители, дети — друг друга. И решает всегда одно: совокупный разум, культура, добрая воля. Благодаря этому между воспитателем и воспитанником — какими бы ни были отдельные расхождения — всегда сохраняется самое главное: живая человеческая связь.

...Порой раздаются жалобы: у педагога мало средств для наказания. В них ли дело? — поставила вопрос руководитель 8-го класса «А» словесница А. Демина. «Наказание? Не мстим ли мы тут детям за свои собственные ошибки? Нужно серьезно проверять себя. Но даже наказывать надо уметь, не унижая достоинства ученика. Сами ребята не очень ценят учителей «добрых». Они любят и уважают учителей пусть требовательных, но справедливых и человеческих».

Иллюстрируя ту же мысль, руководитель 9-го «А» класса химик Р. Эльнер передала разговор двух девочек.

Первая: «Как раньше было здорово! Добрая она была. Поучишь еле-еле — и спокойна: двойку не поставит».

Вторая: «Ну и что хорошего? Ометки были, а знаний нет. Вот теперь и отдуваемся. Нет уж, пусть лучше строгая, но не злая...»

«Меня удивило, — говорит педагог, — что девочки сравнивали учителей не по квалификации, а по отношению к ученикам. А ведь это действительно главное! Злой учитель не может быть настоящим педагогом, даже если он блестящий специалист по своему предмету. Мы хотим хорошей дисциплины на уроке. Бывает, однако, что в классе стоит абсолютная тишина, ученики и головы не повернут — не потому, что увлеклись уроком, а потому, что боятся нарваться на грубое за-

мечание. Однако после подобного урока учитель остается в одиночестве. К нему никто не подойдет — ни с вопросом, ни с откровенным признанием, ни за советом».

Такое чувство испытала, например, преподавательница математики К. Соколова, когда впервые пришла в 379-ю школу. «Обдумывая свои неудачи, я поняла смысл слышанного мной афоризма: «Правда, сказанная во злобе, хуже лжи». Я говорила ученикам правду о них, но именно «во злобе», и это получалось иной раз грубо, отталкивало ребят. Здесь я научилась по-другому разговаривать, и мои отношения с учащимися становятся лучше».

Любить детей вовсе не значит потакать им. Но сама любовь делает требовательность педагога добрее и желательной.

Витю как-то за баловство привел в школу милиционер. Какой позор! Какие угрозы можно было бы обрушить на голову действительно виноватого мальчишки. Но в школе сказали: «Оставьте его, мы сами с ним поговорим». И вот сознание, что в школе хоть и осуждают, но все-таки считают своим, не потерянным, не отрекаются, и стало тем мостиком, по которому Витя и его наставники в конце концов подошли друг к другу.

В 379-й немало новичков, переведенных из других школ. Один из классных руководителей как-то похвалил их: «Вы стали заметно лучше, не знаю, чем объяснить». Они ответили: «Нас прежде за людей не считали, а здесь — признают».

От детей разговор естественно перешел к родителям. И стало ясно: отношения к тем и другим тесно связаны. Когда педагог видит в школьнике человека, это неминуемо сказывается на подходе к его отцу, матери, к семье в целом. И разве не об этом же говорит обстановка в той школе, где учится сын Л. Бугаевой? Для учителей этой школы родители — лица, которым можно раздраженно предложить: «Примите меры!» (не объясняя, какие именно). Или пожаловаться по месту работы, чтобы их там «пропесочили» (как в случае с Людой). Или привлечь в качестве орудия общественного осуждения двоечников (как в случае с «выставлением» неуспевающих перед родительским собранием). Это производное от неуважительности и недоверия к личности самого ученика.

В 379-й школе стремятся сделать семью своим союзником еще до поступления ребенка в 1-й класс. О том, как это делается, рассказала завуч начальных классов Л. Смирнова.

...Первая встреча — на родительском собрании в детском саду. Папы и мамы знакомятся с теми, кто будет учить их детей. Педагоги рассказывают, как лучше подготовить ребенка к учению, отвечают на вопросы. Потом родителей приглашают в школу. Показывая им классы и кабинеты, попутно сообщают: «Эту выставку помогли сделать родители наших школьников»; «А эти плакаты — работа папы нашего ученика такого-то»; «А этими кружками руководят мамы наших учениц такнето». Слушая такое, многие уже прикидывают: а чем я смогу быть полезен школе?

С первых месяцев учебы налаживается живой контакт между семьей и школой. «Общий язык с родителями, — говорит завуч, — легче установить тогда, когда разговор начинаешь с хорошего в ребенке. И педагогически так правильнее. Разве можно воспитывать детей, не веря в их возможности? Потом можно перейти к недостаткам и дать полезный совет. Мы очень редко обращаемся с «жалобами» в общественные организации, на производство. Но зато часто посылаем в их адрес благодарственные письма — по поводу тех отцов и матерей, которые хорошо воспитывают ребят или делают что-то полезное для школы».

С родителями нужны не общие разговоры, не «проработки», а серьезные беседы на педагогические темы. Да и беседы должны быть не назидательные, а доверительные.

«Раньше, — рассказывала Л. Розенблюм, — я сама выбирала тему для беседы и «читала мораль» родителям. Теперь я действую по-другому. Сначала консультируюсь с классным родительским комитетом. «Стоит ли брать эту тему? Как лучше подойти к ней?» Члены комитета, в свою очередь, связываются с родителями: «Как вы думаете? Важно ли это? На чем лучше сосредоточить внимание? Сумеете ли участвовать в обсуждении?» Я подбираю литературу, рекомендую, что прочитать. Так готовится собрание. И как правило, все приходит, возникает коллективный разговор. Он и создает доверие, близость между учителем и родителями. Хорошо прошло родительское собрание на тему «О половом воспитании». Сама я тщательно готовилась, беседовала с врачом, советовалась с учителями и родителями. На собрание условились пригласить матерей девочек и отцов мальчиков. После обсуждения с родителями решили: я беседу проведу с девочками, а папе ученика Давыдова поручили беседу с мальчиками».

Был в школе такой случай. Одна десятиклассница, попав в дурную компанию и не имея сил вырваться, обратилась за помощью к учительнице. Та, с разрешения девочки, поделилась с директором школы. Вместе они приняли нужные меры. Все кончилось хорошо, но эта история осталась вedom а лишь троим. Даже родителей, зная их крутой нрав, в нее не посвятили. Сейчас девочка учится в вузе, но в школу по-прежнему приходит как в родной дом.

Или такой факт. На днях директору школы Екатерине Алексеевне Рукавишниковой позвонила одна встревоженная мать. Ее дочь-девятиклассница получает письма от мальчика. Что делать?! Екатерина Алексеевна только спросила: «А когда вы сами в первый раз влюбились?» Оказалось, у матери это случилось в 14 лет. И дан был совет: «Не надо запугивать себя и дочь. Лучше уважайте ее и научите ее уважать себя. А вообще давайте встретимся, что ж о таком по телефону. Придете? Буду вас ждать!»

Стиль взаимоотношения учителей и учеников, учителей и родителей — показатель уровня педагогической культуры.

В учительском коллективе развит вкус к чтению педагогической литературы, готовятся доклады для «Педагогических чтений», идет взаимный обмен опытом. Все это создает деловую обстановку, обогащает и оттачивает мысль учителя, постоянно держит его в «педагогической форме».

Даже если бы мы привели здесь полную стенограмму педсовета, все равно не прочли бы мы в ней о том, какой ценой оплачивается учительская ровность и выдержка.

У нас все пишут о самовоспитании характеров выдающихся, о людях мужественных профессий, которые многого достигали, преодолевая в себе слабости или, наоборот, вырабатывая хорошие качества. Но подумаем об учителе: найдется ли другая такая профессия, которая требовала бы не повседневных, а ежеминутных побед над собой?

Святое, укрепленное верой в человека учительское терпение! Несгибаемая сила воли, нравственное превосходство не позволяют учителю опускаться до уровня несмышлениша — ученика... Нет, об этом на педсовете не упоминали, как не упоминают о деле решенном. Решенном еще в то время, когда каждый выбирал себе это трудное поле. Но нам это нужно уважительно иметь в виду...

говорят дети

Ира, 4 года.

Таинственно:

— А я знаю, из чего тетенок взаправдаших делают!

— Из чего?

— Из обезьян. Их сначала остригут, помогают, вот и тетенька получается.

Алик, 4 года.

В Петропавловской крепости. Рассматривает гробницы:

— Здесь что?

— Царицы спят.

— Царевны? (Вспоминает сказку). А одеяла у них есть?

Увидел мертвую муху:

— Как жалко ее... Наверное, мама о ней плачет...

Алла, 5 лет.

— Солнышко — это дневная луна?

— Ой, я вся просмешилась...

Коля, 4 года.

Впервые увидел тиски:

— Посмотрите, какие вдавлики!

Вадик, 6 лет.

Надевая, перепутал сапоги:

— Мама, я сапоги наизнанку надел...

Записали наши читатели: Н. Хабарова (Москва), В. Ветрова (г. Орджоникидзе), А. Солдатенков (г. Кемерово), Д. Суздальцев (Ставропольский край), В. Голтаева (г. Иваново).

В Ленинграде прошло I Всесоюзное совещание по профессиональной ориентации и профессиональной консультации. Педагоги, психологи, медики, экономисты, социологи вели разговор о путях и методах подготовки школьников к труду, о требованиях, которые предъявляет мир современных профессий к вступающему в него человеку, о возможностях определения и развития способностей и о множестве других проблем, скрытых за коронным, суховатым понятием „профессионализация молодежи“.

„свобода выбора“? интерес?

Нашим читателям уже знакома цифра 5 миллиардов рублей — так оцениваются ежегодно потери из-за текучести рабочей силы. И половина из них — оттого, что выбор профессии был сделан **случайно**.

Так как же выбрать профессию, чтобы избежать разочарования? По влечению, по интересу? Да, конечно, — все дело в том, каковы они. Может быть ведь и такой уровень интереса, которому новосибирский социолог Г. Кочетов без тени иронии, вполне обоснованно и серьезно дал определение фантастического. Школьника может привлекать лишь фасадная, внешняя сторона профессии, те преимущества и удовольствия, которые, на его взгляд, она сулит. Что греха таить — часто взрослые (и не только родители), «агитируя» выпускника, именно на эту казовую сторону и упирают. А «проза» профессии (вернее — ее суть) остается нераскрытой, неизвестной. Как справедливо было замечено в докладе профессора В. Мерлина, если молодой человек выбирает профессию строителя только потому, что она дает возможность побывать в разных уголках страны, то общественная значимость такого выбора весьма невелика. Добавим — и личная тоже: если на смену не придет на практике приобретенный интерес к сути дела.

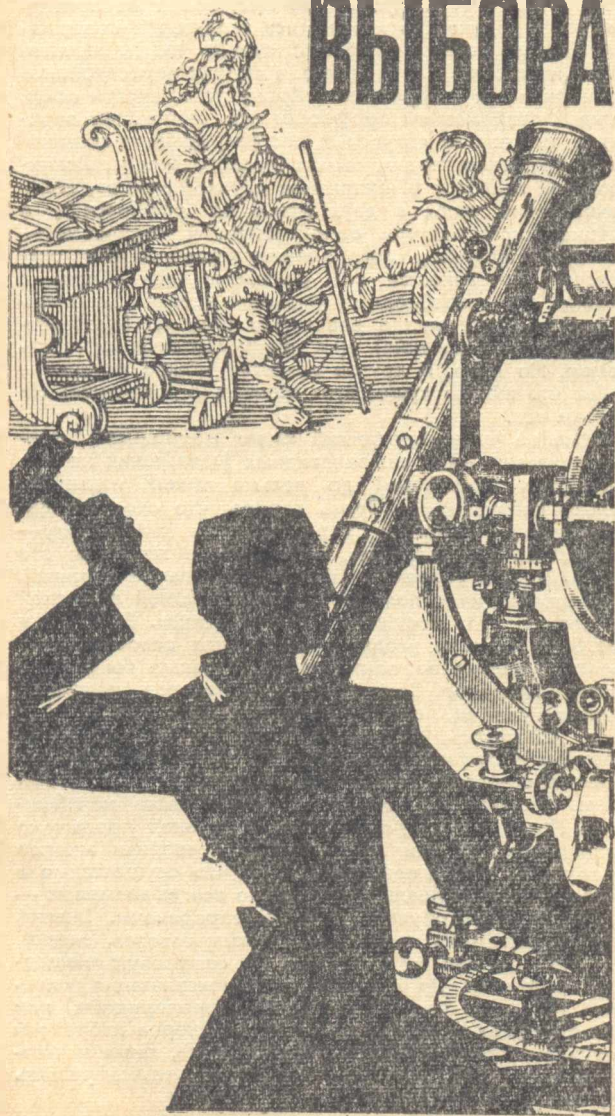
Итак, ни «свобода выбора», ни один лишь интерес еще не гарантируют успеха. Какие же факторы, какие обстоятельства должны определить его? В выступлении многих участников совещания единогласно отмечалось, что есть три таких фактора, «три кита», на которых должен основываться обдуманный выбор профессии.

Первое — знание потребностей общества. Все-таки надо трезво сознавать, что токарей пока что требуется гораздо больше, чем геологов, а механизаторов — неизмеримо больше, чем космонавтов. Важно учесть это хотя бы для того, чтобы прикинуть, какова сегодня реальная нужда в профессии, которую человек для себя наметил, и, значит, каковы перспективы движения по выбранному пути.

Второе — знание требований профессии. Сейчас уже мало кому надо доказывать, что нельзя «выучиться на писателя», что летчиком может быть не каждый. А монтажником на стройке или сборщиком деталей на радиозаводе? Оказывается, тоже далеко не каждый. Любая из многих тысяч профессий требует от человека определенных качеств, обеспечивающих успех именно в этой деятельности. Одни из них даны от природы, другие — большинство — формируются при обучении профессии и в процессе труда. Но знать о них, во всяком случае, надо раньше, чем сделан выбор, — хотя бы для того, чтобы примерить к ним свои возможности.

И третье — знание собственных интересов и склонностей. Это, казалось бы, самое легкое. Легкое, да не совсем — интерес может быть поверхностным, внешним, он может быть и подражательным, наконец, по за-

СЛАГАЕМЫЕ ВЫБОРА

мечанию ленинградского психолога Е. Климова, может быть и следствием невежества.

Последний случай, кстати, не такой уж редкий. По наблюдениям московских социологов Л. Горбуновой и Л. Степановой, значительное число молодых рабочих, сменивших профессию или собирающихся это сделать, в свое время выбирали ее «по интересу» — только находился он, по-видимому, как раз на том самом «фантастическом уровне».

Разумеется, наилучший вариант — когда эти три фактора не противостоят, а взаимодействуют, когда «нужно» не спорит с «могу» и «хочу». Но это предполагает и единство воспитательных воздействий на всех трех уровнях. В самом деле, мы можем сколько угодно долго и горячо твердить ребятам о профессиональных потребностях общества, о нравственном долге — и они даже признают справедливость наших слов; но если при оценке их возможностей и интересов мы, вольно или невольно, намечаем лишь один путь овладения профессией — учебу в вузе, все предыдущие разговоры только разговорами и останутся. Именно поэтому на совещании настойчиво подчеркивалась необходимость комплексного, системного подхода к проблеме профориентации. Так, киевский социолог И. Назимов указывал, что одно лишь «познание» мира профессий может не облегчить, а затруднить выбор — если оно не сопровождается «самопознанием», развитием способности к трезвой самооценке. Любопытно исследование минского психолога А. Кухарчук. Она сопоставила мнение ребят о своих способностях с мнением на тот же предмет их товарищей, учителей и родителей. Оказалось, что десятиклассники явно «задирают нос»: две трети из них (64 процента) переоценивали себя, и лишь 8 процентов выглядели в собственных глазах хуже, чем на самом деле. Но вот что показательно: родительские оценки были столь же далеки от истины; они почти полностью совпадали с мнением ребят (разница, пожалуй, была лишь в том, что для ребят главным критерием служил интерес и отношение к делу, а для родителей — отметки).

„все работы хороши...“ для каждого ли?

Но не открывается ли ларчик проще? Ведь требования профессий известны; не в том ли вся и задача, чтобы по этим требованиям — с помощью специальных методов и какого-то испытательного срока работы — отобрать тех, кто им удовлетворяет?

Предложение такое соблазняет простотой.

И в самом деле, мы то и дело говорим: «у него большие музыкальные способности», «у меня нет способностей к математике»... Если мы «просто так», житейски можем их оценивать, и подчас весьма верно, то уж наука, наверное, в состоянии оценить их абсолютно точно и объективно? В каждом из нас соединены в каком-то особом сочетании разные качества ума, темперамента, характера. И каждая профессия тоже требует определенного набора и сочетания этих качеств. Не резонно ли предположить, что для каждого есть та «синяя птица», та профессия, где человек может проявить себя с наибольшим успехом? Именно такова примерно точка зрения ученых «луганской школы», возглавляемой профессором Б. Первомайским. Они считают, что, взяв за основу классификацию типов высшей нервной деятельности, можно точно, количественно определить существо личности каждого человека, выразить его в виде «формулы». И точно так же можно вывести «формулу» профессии, комплекс ее

психофизиологических требований. Сравнение этих «формул» и даст возможность установить, хороша ли профессия для человека, или она ему «заказана».

Эта точка зрения была предметом оживленных споров на совещании — и в общем не нашла поддержки. Московские психологи В. Чебышева, К. Гуревич, И. Равич-Щербо не без оснований указывали, что не может быть какой-то раз и навсегда выведенной «формулы» личности. Человек развивается, большинство его свойств не врожденные, а приобретенные. В какой же момент выводить «формулу»? В момент выбора профессии? Но ведь многие профессиональные качества формируются как раз позже, при обучении и практической работе. «Не бросившись в воду, не научиться плавать». Кроме того, задача не столько в том, чтобы найти «дело по себе», сколько «найти себя в деле», найти стиль работы, в наибольшей степени отвечающий особенностям личности. Исследования показывают, что настоящие мастера любой профессии работают не просто хорошо, но прежде всего «по-своему» — максимально используя качества, благоприятные для дела, и находя способы выработать или компенсировать те, которых недостает.

Не существует и «формулы» профессии. За последние годы радикально изменились характер и содержание многих сотен профессий; однако люди, занятые в них, не «сошли с дистанции», сумели перестроиться, приноровиться к переменам. Кроме того, внутри почти каждой современной профессии есть множество вариантов, множество «трудовых постов», дающих возможность трудиться людям самого разного склада. Ленинградский психолог В. Куприянов изучал качества, обеспечивающие успех в двух даже не профессиях, а специальностях внутри одной широкой профессии — слесаря-сборщика и слесаря-инструментальщика. И оказалось, что качества эти различны: для сборщика прежде всего необходимо умение мысленно комбинировать в пространстве различные объекты (пространственное воображение), для инструментальщика — глазомер. Но и то, и другое качество можно развивать.

Так что же, не существует никаких ограничений? Не совсем так.

Немалое число профессий имеет медицинские противопоказания — от самоочевидных («дальтоник не может быть шофером») до весьма тонких, известных только специалистам. Здесь первое, что следует сделать юноше, которому «приглянулась» профессия, — посоветоваться с врачом, знающим ее характер; это может многих уберечь от напрасных попыток и усилий.

Во-вторых, надо помнить начало известной латинской поговорки: *vita brevis* — «жизнь коротка». Если бы у нас было сколько угодно времени для освоения профессии, — наверное, почти любая оказалась бы нам по плечу. Психолог В. Маришук обследовал курсантов летных училищ, отчисленных по «профнепригодности». Оказалось, все дело было в том, с каким уровнем развития того или иного качества человек начинал осваивать профессию. Если этот уровень был ниже «исходного» — отставание оказывалось неизбежным. Повторное обучение, индивидуальная программа тренировки тех или иных качеств позволили многим преодолеть непригодность. Но то, что осуществимо в эксперименте, в реальной жизни не всегда возможно — время и темп обучения строго определены. Значит, обязательно надо прикинуть, с каким запасом знаний, умений, навыков ты выходишь на «стартовую площадку» профессии. Тут может помочь консультация психолога (они есть на многих крупных предприятиях) или обстоятельная беседа с кем-то из мастеров избранной специальности. После этого яснее станет, какие качества для нее необходимы, и можно попытаться развить те, которые «не на уровне».

И наконец, существует и психологическая несовместимость. Так, подвижный, непоседливый человек может не справиться с весьма простой работой у конвейера — именно потому, что она однообразная, сидячая. И напротив — человеку медлительному, неторопливому противопоказаны профессии, где решения и действия проходят «в условиях дефицита времени». И так, не все работы хороши для всех, но нет и одного какого-то призвания, которое обязательно надо найти, иначе — беда.

Воспитание и еще раз воспитание

...Год назад в «Литературной газете» была опубликована статья «Мужчина уходит из школы». В ней справедливо говорилось, что воспитание наше терпит немалый урон оттого, что мальчикам нашим не с кого брать пример в стенах школы, что им отчетливо не хватает учителя. Все верно, только с одной поправкой — статья должна бы называться «Мужчина не придет в школу». И решение это принимается не с аттестатом в руках и даже не годом-двумя раньше. Череповецкий педагог Е. Пирогова провела обследование среди подростков: пятиклассники и шестиклассники должны были ответить на вопрос, какие профессии они считают самыми важными и какие они выбрали бы для себя. Почти все девочки (96 процентов) первой по важности назвали профессию учителя; выбрали ее для себя 40 процентов. У мальчиков она по значимости была на втором месте, но для себя ее не выбрал никто. Дальнейшее исследование показало, что уже в эти годы ребята отчетливо делят профессии на «мужские» и «женские»; и вот учительство, как видно, попало в разряд женских профессий. Это обстоятельство мы еще можем объяснить просто «уроками жизни»: дети с малых лет привыкли видеть, что лечат и учат почти всегда женщины. Но вот другие данные того же исследования: наибольшее количество «отказов» (то есть отказаний на профессии, которые они бы для себя не выбрали) получили у ребят этого рабочего города профессии, относящиеся к двум крайне важным сегодня для общества отраслям — строительству и сфере обслуживания.

Данные эти заставляют вспомнить мысль, особенно настойчиво звучавшую на совещании: профориентация — прежде всего задача воспитательная, и решаться она должна не в десятом, не в девятом классе, а с первых школьных лет. Какие бы горячие призывы мы ни обращали к выпускникам, сколько бы ни устранили для них вечеров встреч с передовиками и дней открытых дверей, мы немногое переменим в их настроении, потому что уже сложились — какие ни на есть — интересы, уже определены (верно или неверно — другой вопрос) «цена» и «вес» той или иной профессии. Поле уже засеяно — и порой случайными семенами. Если же мы хотим собирать добрый урожай — надо озоботиться пораньше. По мнению московского психолога А. Голлштака, наиболее интенсивный период формирования профессиональных интересов — 14—16 лет. Латвийские ученые называют еще более ранний срок — 12—14 лет. По их наблюдениям, 60 процентов ребят именно в эти годы намечают свой жизненный путь; половина выпускников не меняют решения, принятого еще до восьмого класса.

Исследования подтверждают и такой факт: чем раньше сделан выбор, тем он удачнее. По-видимому, дело здесь в том, что в этих случаях нет «разброса» умственных и нравственных сил ребенка, они все «бьют в одну точку». Психологи до сих пор спорят, какой элемент является ведущим в комплексе интересов — способность. Действительно, для взрослого человека один

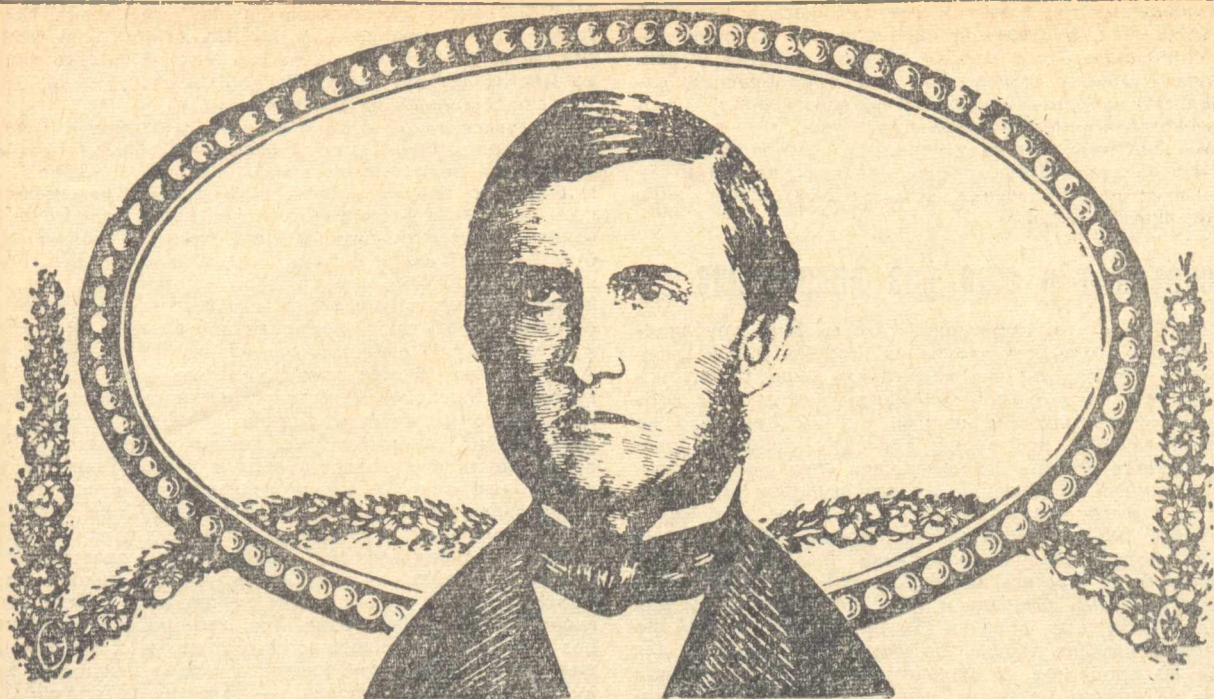
лишь интерес к делу успеха еще не гарантирует. Но в детские годы, по-видимому, именно интерес (при условии, если он действен, если это интерес к сути дела) во многих случаях «ведет за собой» способности, служит существенным их стимулятором.

Отмечался такой огорчительный факт: уроки труда, разного рода кружки, производственная практика пока что крайне недостаточно влияют на выбор профессии. И вместе с тем во многих выступлениях рассказывалось, как самые разные формы производственного обучения (в широком смысле этого слова) — ученические бригады на Кубани и Ставрополье, школа юных воспитателей в Перми, «практика по интересам» в школах Кирова, факультативные курсы в школах Кемеровской области — оказывают определяющее влияние на то, какую профессию выбирает выпускник. В чем тут дело? А в том, что во всех этих случаях не было погони за гуртовым, поспешным, «стопроцентным» охватом; все началось с изучения и оценки детских интересов, с развития их. А потом уже каждому представлялась возможность «попробовать себя в деле». Такого рода пробы — не случайные, не навязанные, а внутренние подготовленные — крайне необходимы. Уже говорилось о том, насколько важен для успеха в любой профессии индивидуальный, «свой» стиль деятельности. Но, по наблюдениям психологов, такой стиль может сформироваться только в том случае, если работа привлекательна для человека. Тот, кто работает *нехотя*, без интереса, неизбежно работает и стереотипно, *шаблонно*. Но развитие интереса к тому или иному виду труда и к труду вообще — развитие трудолюбия — задача, которая, бесспорно, должна решаться не на рабочем месте, а гораздо раньше — школой и семьей.

О роли семьи в выборе профессии на совещании говорилось немало. Степень ее влияния ученые оценивают различно; так, по данным пермского социолога Г. Бажутина, она определяет выбор в 70 процентах случаев, кемеровский социолог Н. Конторович называет гораздо меньшую цифру — 30 процентов. Но как бы то ни было, семья остается одним из самых действенных «профориентаторов», хотя действует она в направлении общественно оправданном и общественно необходимым далеко не всегда. В связи с этим кое-кто из ученых говорил даже о необходимости оттеснить ее с «первых ролей», уменьшить степень ее влияния. Это мнение вряд ли можно считать обоснованным — в любом случае, при любой, самой совершенной системе профориентации будущая судьба детей не перестанет волновать пап и мам. Но вот сделать их влияние разумным и социально зрелым — и по интенсивности и по характеру — задача, бесспорно, неотложная. Хотя бы потому, что сегодня, как показывают исследования, преобладают две одинаково нежелательные крайности — родители либо считают, что выбор профессии — это их дело, либо, напротив, относятся к этому безразлично. Причем «безразличных» оказывается все не так уж мало — около одной трети (по сходным данным литовского социолога Г. Галките и минского психолога В. Жуконской).

Следовательно, возросшее общественное внимание к профессиональному самоопределению молодежи вовсе не означает, что с родительских плеч спадет часть забот и ответственности — напротив, заботы эти должны стать серьезнее, обстоятельнее, постояннее. Она, как вы могли убедиться, вовсе не только в том, чтобы что-то посоветовать или отсоветовать детям. Главная наша цель — воспитать их людьми, способными в час выхода за школьный порог сделать осознанный, зрелый выбор — выбор взрослого человека.

В. РЫБАКОВ,
специальный корреспондент «Семьи и школы»
Ленинград — Москва

К. Д. УШИНСКИЙ

из
педагогического
наследия

родное слово

В каждой строчке, вышедшей из-под пера человека замечательного, неизбежно отзывается и звучит голос эпохи, ее интересы, волнения и заботы. Так и с „Родным словом“.

Круг проблем, являвшихся предметом общественного внимания в 50—60-е годы прошлого века, широк. Однако нет спору, что одно из первых мест здесь устойчиво принадлежит проблеме народности. Мгновенно и необычайно возрастает интерес к народной истории и народной поэзии, к самому духу, складу, материалу родного языка.

Растет не только интерес, но и знание. Двумя годами раньше „Родного слова“ заканчивается издание „Народных русских сказок“ Афанасьева, в один год с ним начинается выходить словарь Даля и собрание былин Рыбникова. Неведомые прежде богатства народного слова и народной мысли входят в культурный обиход и становятся предметом осмысления, толкований и споров для историков, филологов, публицистов.

В этих спорах у Ушинского своя, самостоятельная позиция — позиция педагога. Однако он не спешит с педагогическими выводами. В эпоху, когда „все перевернулось“, когда старая схоластическая школьная система умирает на глазах, необходимо было прежде всего задуматься о самих основах, о самом фундаменте образования, отвечающего потребностям времени. Эти основы — примени-

тельно к родному языку — Ушинский стремится найти в размышлениях о его историческом развитии, духе, строе. Он выводит изучение родной речи из тесных, исключительных пределов грамматики и орфографии, устанавливая множество точек, где соприкасаются язык и литература, язык и история, язык и воспитание.

Временем и личным опытом определено и направление полемических ударов Ушинского. В его протестах против „иностранищны“, против англо- или галломании вряд ли стоит видеть что-то славянофильское; скорее, здесь отразился личный педагогический опыт Ушинского, то горестное изумление, которое испытывал он, обнаружив, на каком убогом уровне ведется преподавание русского языка и в дворянских семьях и в привилегированных учебных заведениях вроде Гатчинского и Смольного институтов. Исторически объяснимая позиция Ушинского по отношению к изучению иностранных языков, разумеется, нуждается в существенных коррективах; рискованно было бы сегодня извлекать из „Родного слова“ практические указания на этот предмет. Но эти частности, думается, не могут заслонить для читателя главной сути „Родного слова“ — пламенной похвалы русской речи, похвалы, в которой соединяется голос ученого и голос поэта.

Человек долго вдыхал в себя воздух, прежде чем узнал о его существовании, и долго знал о существовании воздуха, прежде чем открыл его свойства, его состав и его значение в жизни тела. Люди долго пользовались богатствами родного слова, прежде чем обратили внимание на сложность и глубину его организма и оценили его значение в своей духовной жизни. Да оценили ли и теперь вполне? Если судить по ходячим общественным мнениям, по принятым в педагогической практике приемам, по устройству учебной части в различных заведениях, то нельзя не сознаться, что до такой оценки еще очень и очень далеко.

Начало человеческого слова вообще и даже начало языка того или другого народа теряется точно так же в прошедшем, как начало и истории человечества и всех великих народностей; но как бы там ни было, в нас существует, однако же, твердое убеждение, что *язык каждого народа создан самим народом*, а не кем-нибудь другим. Приняв это положение за аксиому, мы скоро, однако же, встречаемся с вопросом, невольно поражающим наш ум: *неужели все то, что выразилось в языке народа, скрывается в народе?* Находя в языке много глубокого философского ума, истинно поэтического чувства, изящного, поразительно верного вкуса, следы труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости к тончайшим переживаниям в явлениях природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высоких духовных порывов и зачатки идей, до которых с трудом добирается потом великий поэт и глубокомысленный философ, мы почти отказываемся верить, чтобы все это создала эта грубая, серая масса народа, по-видимому столь чуждая и философии, и искусству, и поэзии, не выказывающая ничего изящного в своих вкусах, ничего высокого и художественного в своих стремлениях. Но в ответ на рождающееся в нас сомнение из этой же самой — серой, невежественной, грубой — массы летится чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохновение и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое, с помощью науки и сильно развитой мысли, вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных, самых диких, невежественных времен. Это явление, более чем какое-нибудь другое, способно образумить нас в нашей личной гордости своим индивидуальным знанием, своим просвещением, своей индивидуальной развитостью, более чем всякое другое явление, способно оно напомнить нам, что кроме отдаленных, сознательных личностей, отдельных человеческих организмов существуют еще на земле громадные организмы, к которым человек в отдельности относится так же, как кровяной шарик к целому организму тела. Гордясь своим образованием, мы смотрим часто свысока на простого полудикого человека, взятого из низших и обширнейших слоев народной массы; но если мы действительно образованны, то должны в то же время преклониться с благоговением перед самим народным историческим организмом, непостижимому творчеству которого мы можем только удивляться, не будучи в состоянии даже подражать, и счастливы, если можем хоть почерпнуть жизнь и силу для наших собственных созданий из родников духовной жизни, таинственно кроющихся в недрах народных. Да, язык, который дарит нам народ, один уже может показать нам, как бесконечно ниже стоит всякая личность, как бы она образованна и развита ни была, как бы ни была она богато одарена от природы, перед великим народным организмом.

Как, по каким законам, руководясь какими стремлениями, чьими пользуясь уроками, подслушивая ли говор ручья или дыхание ветра, творит народ свой язык? Почему язык немца звучит иначе, чем язык славянина?

Почему в этих языках столько родного и столько чуждого? Где, в каких отдаленных эпохах, в каких отдаленных странах они сходились и как разошлись? Что повело один язык в одну сторону, а другой — в другую, так что родные братья, сойдясь потом, не узнали друг друга? Все эти вопросы составляют бесконечную задачу филологии и истории; но не нужно еще быть большим филологом, а достаточно сколько-нибудь вдуматься в свое родное слово, чтобы убедиться, что язык народа есть цельное органическое его создание, вырастающее во всех своих народных особенностях из какого-то одного, таинственного, где-то в глубине народного духа запрятанного зерна.

Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы — весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык — народа нет более! Вот почему, например, наши западные братья, вынесшие все возможные насилия от иноплеменников, когда это насилие, наконец, коснулось языка, поняли, что дело идет теперь уже о жизни или смерти самого народа. Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все — и он все может воротить; но отнимите язык — и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка — никогда: вымер язык в устах народа — вымер и народ. Но если человеческая душа содрогается перед убийством одного недолговечного человека, то что же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовековой исторической личности народа...

Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле или живших, может быть, не на берегах Рейна и Днепра, а где-нибудь у подошвы Гималая. Все, что выдали, все, что испытывали, все, что перечувствовали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывающему глаза на мир божий, и дитя, выучившись родному

языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель, оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ.

Ребенок, развитие которого не было извращено насильственно, по большей части, в пять или шесть лет говорит уже очень бойко и правильно на своем родном языке. Но подумайте, сколько нужно знаний, чувств, мыслей, логики и даже философии, чтобы говорить так на каком-нибудь языке, как говорит не глупое дитя лет шести или семи на своем родном! Те очень ошибаются, кто думает, что в этом усвоении ребенком родного языка действует только память: никакой памяти не достало бы для того, чтобы затвердить не только все слова какого-нибудь языка, но даже все возможные сочетания этих слов и все их видоизменения; нет, если бы изучали язык одной памятью, то никогда бы вполне не изучали ни одного языка. Язык, созданный народом, развивается в духе ребенка способность, которая создает в человеке слово и которая отличает человека от животного: развивает дух. Вы замечаете, что ребенок, желая выразить свою мысль, в одном случае употребляет одно выражение, в другом — другое, и невольно удивляетесь чутью, с которым он подметил необычайно тонкое различие между двумя словами, по-видимому очень сходными. Вы замечаете также, что ребенок, услышав свое для него слово, начинает по большей части склонять его, спрягать и соединять с другими словами совершенно правильно; могло ли бы это быть, если бы ребенок, усваивая родной язык, не усваивал частицы той творческой силы, которая дала народу возможность создать язык? Посмотрите, с каким трудом приобретается иностранцем этот инстинкт чужого языка; да и приобретается ли когда-нибудь вполне? Лет двадцать проживет немец в России и не может приобрести даже тех познаний в языке, которые имеет трехлетнее дитя!

Но этот удивительный педагог — родной язык — не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недостигаемо облегчающему методу. Мы хотим передать ребенку пять-шесть неизвестных ему названий, семь-восемь иностранных слов, два-три новых понятия, несколько сложных событий, и это стоит нам значительного труда и еще больше стоит труда ребенку. Он то заучивает, то опять забывает, и если сообщаемые понятия сколько-нибудь отвлеченны, заключают в себе какую-нибудь логическую или грамматическую тонкость, то дитя решительно не может их усвоить; тогда как на практике, в родном языке, он легко и свободно пользуется теми же самыми тонкостями, которые мы напрасно усиливаемся ему объяснить. Мы успокаиваем себя обыкновенно фразой, что ребенок говорит на родном языке так себе, *бессознательно*; но эта фраза ровно ничего не объясняет. Если ребенок употребляет кстати тот или другой грамматический оборот, делает в разговоре тонкое различие между словами и грамматическими формами, это значит, что он сознает их различие, хотя не в той форме и не тем путем, как бы нам хотелось. Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка; и усваивает легко и

скоро, в два-три года, столько, что и половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения. Таков этот великий народный педагог — родное слово!

Но, скажут нам, почему же мы говорим родное? Разве не можно точно так же легко практически выучить дитя иностранному языку и разве это изучение не может принести ему той же пользы, какую приносит изучение родного языка? Языки французский и немецкий также являются результатом многовековой духовной жизни этих народов, как и языки русский, латинский и греческий. Следовательно, если ребенок с детства будет говорить на каком-нибудь иностранном языке, то его душевное развитие от этого ничего не потеряет, а может быть, еще и выиграет. Маленький француз, англичанин, итальянец почерпывает точно такое же сокровище, а может быть и больше, из своих родных языков, как и русский из своего. Все это совершенно справедливо, и если русское дитя, говоря с самого детства по-французски или по-немецки, будет поставлено в ту же самую среду, в какую поставлен маленький француз и немец, то, без сомнения, его духовное развитие будет идти тем же путем, хотя, может быть, и не совсем тем же, как мы это увидим ниже, если примем в расчет не подлежащий сомнению факт наследственности национальных характеров.

Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, пойдем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа. Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая, как мотылек, речь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама в себя, рассчитанная речь немца; ясная, сжатая, избегающая всякой неопределенности, прямо идущая к делу практическая речь британца; певучая, сверкающая, играющая красками образная речь итальянца; бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним вздымающим ее чувством и изредка разрываемая громкими всплесками речь славянина лучше всех возможных характеристик, лучше самой истории, в которой иногда народ мало принимает участия, знакомят нас с характерами народов, создавших эти языки. Вот почему лучшее и даже единственно верное средство проникнуть в характер народа — усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер.

Из такой, не подлежащей сомнению, характерности языков не вправе ли мы вывести заключение, что вовсе не безразлично для духовного развития дитяти, на каком языке оно говорит в детстве? Если мы признаем, что на душу ребенка и на направление ее развития могут иметь влияние окружающая его природа, окружающие его люди и даже картина, висящая на стене в его детской комнате, даже игрушки, которыми он играет, то неужели мы можем отказать во влиянии такому проникнутому своеобразным характером явлению, каков язык того или другого народа, этот первый истолкователь и природы, и жизни, и отношений к людям, эта тонкая, обнимающая душу атмосфера, чрез которую она все видит, понимает и чувствует? Но что же за беда, скажете вы, если этой атмосферой будет не русское, а какое-нибудь иностранное слово? Беды и действительно не было бы никакой, если бы, *во-первых*, это слово нашло в организме ребенка уже подготовленную для себя родимую почву; если бы, *во-вторых*, ребенок был совершенно перенесен в среду того народа, сквозь язык которого открылся ему мир божий; и если бы, *в-третьих*, ребенку суждено было жить и действовать среди того народа, язык которого заменил ему язык родины; словом, если бы маленькому русскому предстояло во всех отношениях быть французом,

немцем, англичанином. Но в том-то и беда, что *первое* из этих условий вовсе не выполнимо; *второе* может быть выполнено тогда, когда русское дитя станут воспитывать за границей, а *третье* только тогда, когда родители решаются переменить для своего ребенка отчизну. Нужно ли говорить о наследственности национального характера в организме ребенка? Если мы видим, что детям передаются от родителей такие крупные черты физиономии, каков, например, цвет глаз, форма носа, губ, волосы, стан, походка, мимика, то, конечно, должны предполагать, что еще вернее передаются от родителей к детям более тонкие и потому более глубокие характерные отличия; потому что чем глубже, чем скрытнее причина особенной характерности человека, тем вернее передается она потомственно. От слепых родителей рождаются зрячие дети; отец, потерявший руку или ногу, никогда не передает этого недостатка детям; а между тем болезни, причины которых так глубоко скрыты в нервном организме, что их решительно не может отыскать медик, каковы, например, чахотка, падающая болезнь, наследственное помешательство и т. п., по большей части переходят от родителей к детям и иногда, миновав одно поколение, отражаются в следующем. Ничто так верно не передается наследственно, как мимика, а она есть только проявление скрытых внутренних отличий, недоступных никакому микроскопу, и часто изменяется под влиянием образа мысли и действий. Таким образом, мы можем принять за неоспоримый факт, который, впрочем, слишком резко выражается, чтобы его можно было оспаривать, что национальная особенность характера вернее прочих особенностей передается от родителей к детям. Эта же наследственная основа характера, как мы уже старались доказать в другой статье, служит самой прочной основой для всего, что составит со временем полный характер человека. То, что соответствует нашим врожденным наклонностям, мы принимаем легко и усваиваем прочно; то, что противоречит этим основам или чуждо им, мы принимаем с трудом, удерживаем слабо и разве только после продолжительных усилий можем переработать в свой природный характер. Из этого уже ясно само собой, что если язык, на котором начинает говорить дитя, противоречит врожденному национальному его характеру, то этот язык никогда не окажет такого сильного влияния на его духовное развитие, какое оказал бы родной ему язык; никогда не проникнет так глубоко в его дух и тело, никогда не пустит таких глубоких, здоровых корней, обещающих богатое, обильное развитие.

Но этого мало. Язык народа, как мы видели выше, являясь полнейшим отражением родины и духовной жизни народа, является в то же время для ребенка лучшим истолкователем окружающей его природы и жизни. Но что же произойдет тогда, если язык, заменивший для ребенка родное слово, истолковывает ему чуждую природу и чуждую жизнь, которые его вовсе не окружают? Ничего более, как только то, что ребенок труднее, тупее, менее глубоко входит в понимание природы и жизни, или, другими словами, развивается медленнее и слабее. Природы Франции и Англии, конечно, никогда не созданы посреди России; но если и удастся создать в своем доме чуждую сферу жизни, то как бедна эта сфера, как мелка она, как на каждом шагу прорывается она дырами, сквозь которые проглядывает наша национальность, для понимания и выражения которой у ребенка нет родного слова! Выписывают из-за границы нянек, дядек, гувернеров, гувернанток и даже прислугу; отец и мать даже не заикаются по-русски, — словом, заводят в доме кусочек Франции, или Англии, или Германии, а иногда по кусочку из той, другой и третьей страны. Но какие это жалкие кусочки, но какое это безобразное смешение обрывков различных на-

циональностей! О чем говорят, чему учат эти лица, оторванные от своих народных интересов? И этой жалкой искусственной атмосферой думают заменить бесконечно глубокую и питательную народную атмосферу! Отец и мать сами говорят не иначе как по-французски, по-немецки или английски, и говорят безукоризненно правильно; но неужели они думают, что они знают эти языки так же, как знают их француз, немец или англичанин, выросший среди своей отчизны? Нет, если Пушкин мог учиться русскому языку у московских просвирен, то и самым отчаянным нашим французам и немцам есть чему поучиться у французского или немецкого крестьянина. Мы знаем только вершки языка, но не опускались и не можем спуститься до тех его родников, из которых он в продолжение тысячелетий черпает вечно юную жизнь и силу и которые не позволяют этому народному бассейну, отражающему в себе и природу отчизны и духовную, неумирающую жизнь народа, ни иссякнуть, ни покрыться тинью. А вся обстановка жизни, а религия, отношения к людям, чувства, понятия? Ни в каком случае не можем мы переделывать всю сферу нашей жизни так, чтобы сквозь нее не прорывалась наша национальность и та народная атмосфера, среди которой мы живем. Следовательно, заменяя для ребенка его родной язык чуждым и оставаясь жить среди России, мы во всяком случае предлагаем ему, вместо истинного и богатого источника, — источник скудный и поддельный.

Но положим, что какому-нибудь очень богатому человеку удалось перенести в свой дом обрывок Франции или Англии; положим, что в этом доме вся обстановка и вся жизнь соответствует характеру того языка, на котором говорят в этом доме; положим даже, и непременно, что и религия обитателей этого дома тоже соответствует языку и что в нем нет того безобразного смешения православного ханжества с французским жеманством, которое хуже всякой на свете микстуры; положим, словом, что дети этого счастливого семейства развиваются точно так же, как развивались бы посреди Франции в семействе француз или в Англии в семействе англичан; что же выйдет тогда? Ничего более, как только то, что дитя вместе с языком впитает в себя французский или английский характер и по прихоти родителей, по глупым требованиям моды откажется навсегда от своей части в драгоценнейшем духовном наследии народа, от той части, которая одна только и усыновляла его родине и народу. Пусть он выучится потом по-русски, как должен бы выучиться иностранному языку, это никогда не изгладит в его душе первых колыбельных впечатлений. Дух языка, на котором он говорил, дух народа, создавшего этот язык, пустит глубокие корни в его душу, всоется в его плоть и кровь, и народный язык найдет почву уже занятую и не вытеснит чуждых корней, потому что, по неизменному психологическому закону, всякое впечатление, которое первое занимает место, ложится глубже всех прочих. Что же удивительного, что человек, воспитанный таким образом, входя в жизнь, будет чужим посреди народной жизни и, живя в кругу подобных себе несчастливцев и в искусственной сфере, ими созданной, будет, может быть, блистать в ней, но останется навсегда чужд народу и не внесет в его органическую жизнь ни малейшей пылинки? Что же удивительного, если все, что сделает такой человек на поприще литературном или в государственной деятельности, будет носить на себе иноземное тавро и не прильнется к народу, или ляжет на него, как тяжелая цепь, или будет отвергнуто им, как ни к чему не нужная и не понятная для него вещь? Что же удивительного, что так воспитанный человек не сможет ни единой ноты прибавить к народному наследию; не сможет иноземного превратить в народное; никогда не поймет народа

и никогда не будет понят им, останется бесполезным членом общества и народа, а иногда и очень тяжелым членом, останется жалким человеком без отчины, какую бы маску патриотизма ни надевал бы он потом?

Еще хуже выйдет, если ребенок начнет разом говорить на нескольких языках, так что ни один не займет для него место природного языка. Если нам удалось объяснить значение родного слова в развитии дитяти, то нет почти и необходимости объяснять последствий, какие происходят от такого смешения языков в детстве, при котором ни один из них не может быть назван природным. Понятно само собой, что при таком смешении великий наставник рода человеческого — слово не окажет почти никакого влияния на развитие дитяти, а без помощи этого педагога никакие педагоги ничего не сделают. Нам удавалось видеть образчики детей, воспитанных таким образом. Это были или почти совершенные идиоты, или дети, до того лишенные всякого характера, всякой творческой силы, доступной самому слабоумному, но не извращенному воспитанием ребенку, что стоило бы представить их обществу для назидания и спасительного урока. Бедные дети, какое страшное убийство совершили над вами ваши слишком заботливые родители: они не только лишили вас родины, характера, поэзии, здоровой духовной жизни, но из людей превратили вас в кукол для потехи себе, по требованию моды, на потеху обществу, которое добровольно отказывается от всякого плодотворного участия в жизни народной. И из чего и для чего все это делается?

Иностранные языки могут быть изучаемы с различной целью. Первая цель — ознакомиться с литературой народа, язык которого изучают. Вторая — дать средство логического развития уму, так как усвоение организма каждого языка дает в этом отношении средства наилучшей умственной дисциплины, в особенности если этот язык развит так органически, как язык Греции и Рима. В-третьих, иностранные языки изучаются как средство словесно или письменно войти в сношение с людьми той нации, язык которой мы изучаем, и, в-четвертых, наконец, для того, чтобы разговаривать или переписываться на этом языке с нашими земляками, обладающими практически теми же самыми иностранными языками.

Нет сомнения, что насколько важна и богата последствиями первая из этих целей, при которой язык является ключом словесного богатства другого народа, настолько же бессмысленна и пуста последняя цель, при которой мы удовлетворяем требованию самой странной и дикой моды — говорить с нашими соотечественниками на иностранном языке. Но нет сомнения даже и в том, что эту именно последнюю, странную и дикую цель при изучении новейших иностранных языков имеют у нас как большинство образованного класса, так и многие учебные заведения и что о достижении этой цели еще и в настоящее время хлопочут более всего наши папаши и мамыши, наши институты и пансионы.

...Цель, с которой мы изучаем тот или другой иностранный язык, очень важна, потому что она определяет самый метод изучения. Если иностранный язык изучают как ключ к его литературе, тогда и главное внимание обращено на чтение писателей. Если язык изучается как умственная гимнастика, тогда изучающего вводят преимущественно в логику языка и заставляют упражнять ум в подражании великим образцам литературы. Если язык изучается для практического обладания им, тогда все внимание обращено на практический навык, на правильность выговора, на грамматическую верность, ловкость и общеупотребительность фразы, а не на содержание ее. Цель, для которой мы изучаем иностранный язык, определяет также выбор учителя, выбор

учебника, время, когда мы начинаем учить дитя иностранному языку. Если мы изучаем язык с литературной или логической целью, то нет надобности, и даже очень вредно для самого изучения, начинать его слишком рано, прежде чем дитя укрепитесь в своем родном языке. Если же главную нашу цель составляет разговорный язык и мы более всего заботимся о чистоте выговора, тогда понятно, почему мы заставляем лепетать по-французски младенца, заботясь о том, чтобы наш родной язык не испортил ему выговора: отсюда наймы французских бонн и гувернеров, отсюда требования изучения французского языка наравне с русским в самых младших классах учебных заведений и т. д. Что французский язык изучается в наших, и в особенности в женских, учебных заведениях не для литературы и не для умственного развития, в этом, кажется, не может быть и сомнения. Посмотрите, как воспитатели этих заведений затрудняются дать что-нибудь полное в руки девицам из французской литературы и предлагают им обыкновенно самые жалкие хрестоматии, где собраны обрывки из разных авторов, обрывки, утратившие всякий смысл и шеголяющие только фразами. И в самом деле, не дать же в руки девицам Вольтера, Руссо, Гюго, Дюма, Сю, Беранже? И наши родители, и наши воспитатели остались бы очень недовольны, если бы воспитанники и воспитанницы наших заведений вместе с языком усваивали мысль и дух лучших образцов французской литературы. Вот почему обыкновенно, познакомя девицу с изуродованным Корнелем, Расином и небольшими отрывочками Мольера, им предлагают по большей части самые сладенькие посредственности, в которых столь же мало мысли, сколько и истинно неподдельного чувства, а потом прячут от них соблазнительные произведения французской литературы, которыми преимущественно наполняются наши книжные магазины и, увы, наши дамские библиотеки. Сколько жалкого, смешного и забавного, как мало обдуманного, прочувствованного во всей этой уродливой воспитательной процедуре.

То же самое делается и с немецким языком; но немецкий язык стоит на втором плане, а потому и результаты его изучения еще более жалки. Выучившись связывать несколько общеупотребительных немецких фраз, написать без ошибки по-немецки маленькую записочку, наши воспитанники и воспитанницы модных учебных заведений, отбарабанив на экзамене строгую критику Гёте, Шиллера, Лессинга, поговорив о нибелунгах и т. д., выпав все, что заучили со слов учителя, не могут понять полной страницы Шиллера, не говоря уже о Гёте, и не получают ни охоты, ни возможности заниматься немецкой литературой. Но так как немецкий язык в разговорах русского общества не употребляется, то и все это длинное изучение немецкого языка приносит весьма богатый плод: молодой человек или молодая женщина получают возможность поговорить с немецким булочником или сапожником; а при выезде за границу поразить знанием немецкого языка кельнера какого-нибудь отеля, говорящего точно так же, да еще и гораздо лучше, на трех или четырех европейских языках.

«Все это было бы смешно, если бы не было так грустно», если бы эти богатые плоды изучения иностранных языков не стоили молодым людям лучших лет жизни, большей половины учебного времени и дельного знакомства с родным языком, за употребление которого налагаются на детей штрафы и наказания, как будто за употребление неприличных слов, как будто за какой-нибудь дурной поступок! Душа дитяти рвется выразиться в родных сочувственных ей формах, в которых ей так легко и удобно развиваться, но воспитатель говорит, нельзя! — и не только замедляет, но и останавливает душевное развитие, и эта остановка, без

сомнения, имеет влияние на всю жизнь дитяти. Тупость ума и чувств, отсутствие душевной теплоты и поэзии, господство фразы над мыслью — вот результаты таких воспитательных забот.

...Но мы надеемся, что из всего прочитанного никто не выведет, чтобы мы вооружались вообще против изучения иностранных языков; напротив, мы находим это изучение необходимым в воспитании людей образованного класса и в особенности у нас в России. Мы скажем более: знание иностранных европейских языков и в особенности современных одно может дать русскому человеку возможность полного, самостоятельного и не одностороннего развития, а без этого прямой и широкий путь науки будет для него всегда закрыт. Обрывочность, неясность, неполнота, односторонность, бездоказательность сведений и понятий будут всегда тяготеть над самым умным человеком, если он не обладает ключом к богатствам западной науки и литературы. Мы не только не вооружаемся против языкознания, но находим, что оно далеко не достигло той степени развития в наших учебных заведениях, на которой должно бы стоять, и не только в гимназиях, семинариях и корпусах, но даже в тех училищах и институтах, из которых молодые люди выходят с весьма удовлетворительным практическим обладанием одного и даже двух иностранных языков. Мы находим, кроме того, что изучение английского языка должно занять место наравне с изучением немецкого и французского во всех учебных заведениях, имеющих претензии на какую-нибудь полноту образования. Но мы утверждаем только:

1. Главную целью изучения каждого иностранного языка должно быть знакомство с литературой, потом умственная гимнастика и, наконец, уже, если возможно, практическое обладание изучаемым языком; тогда как теперь дело идет у нас совершенно наоборот.

2. Изучение иностранных языков не должно никогда начинаться слишком рано и никак не прежде того, пока будет заметно, что родной язык пустил глубокие корни в духовную природу дитяти. Постановить какой-нибудь общий срок в этом отношении нельзя. С иным ребенком можно начать изучение иностранного языка в 7 или 8 лет (никогда ранее), с другим в 10 и 12; с детьми, обладающими крайне слабой восприимчивостью, лучше не начинать никогда: иностранный язык только подавит окончательно и без того слабые его способности. Но не лучше ли, чтобы человек на своем родном языке выражал сколько-нибудь порядочные мысли, чем на трех выражал свою крайнюю глупость? Мы знаем, что французский язык частью помогает скрывать глупость человека, позволяя ему цеголять чужим умом, острыми и ловкими фразами, и что, принудив такого господина говорить по-русски, можно только вполне оценить, как он глуп; но подобного рода воспитательные цели не принадлежат педагогике.

3. Иностранные языки должны изучать один за другим, а никогда двух одновременно, что выходит уже само собой из того понятия о языке, которое мы старались развить в начале статьи.

К изучению второго иностранного языка должно приступать уже тогда, когда в первом дитя приобретает значительную свободу. Страсть к систематичности в уставах побудила у нас ввести в большую часть учебных заведений одновременное и идущее совершенно параллельно изучение двух иностранных языков: но результаты оказываются самые плачевные, и дети, гоняясь разом за двумя зайцами, обыкновенно не догоняют ни одного и выходят из заведения с знанием некоторых грамматических форм и нескольких сот слов в обоих новых языках. Но к чему же служит им это знание? Знание языка тогда только прочно, когда человек, по крайней мере, начинает на этом языке читать довольно свободно, а иначе оно совершенно бесполезно. Если в

настоящее время у каких-нибудь училищ нет средств изучить хорошо два иностранных языка, то не лучше ли ограничиться изучением одного немецкого, употребив для этого все время, недостаточное для изучения двух языков. Не лучше ли знать один иностранный язык, чем не знать двух? Кажется, истина довольно очевидная; но напрасно, в продолжение четырех лет, мы старались уяснить ее одному очень важному педагогу; а потому, да извинит нас читатель, что мы решаемся высказывать такие, по-видимому, нехитрые истины.

4. Изучение того или другого иностранного языка должно идти по возможности быстро, потому что в этом изучении ничто так не важно, как беспрестанное упражнение и повторение, *предупреждающее* забвение.

Назначение, встречающееся очень часто у нас, двух часов в неделю на немецкий и двух на французский язык показывает только совершенное отсутствие педагогических знаний в том, кто делает такое назначение. Не два и даже не четыре, а шесть, семь, восемь уроков в неделю должно быть назначено на первоначальное изучение иностранного языка, если мы хотим этим изучением достичь каких-нибудь положительных результатов, а не отнять бесполезно время у дитяти. При первоначальном изучении всякого иностранного языка есть всегда скучные трудности, которые должен преодолеть ребенок по возможности быстрее. Когда он начнет уже кое-что понимать и читать хотя какие-нибудь легонькие вещи, тогда занятие становится для него приятным; тогда уже не нужно ни много времени, ни много усилий, чтобы поддерживать и развивать в нем далее приобретенное знание, и можно приступить к столь же ревностному изучению второго языка. Так и делается везде за границей, где учением хотят достигнуть определенной цели, а не только выполнить заданную программу. Что же может быть смешнее, бесцельнее, недобросовестнее семилетнего или восьмилетнего изучения французских и немецких спряжений, которыми и до сих пор занимаются во многих наших учебных заведениях?

5. Чем ревностнее занимаются с детьми изучением иностранного языка, тем ревностнее должны заниматься с ними в то же время изучением родного; этим только можно парализовать неизбежный вред, происходящий для душевного развития дитяти от усиленных первоначальных занятий иностранным языком. Как только дитя приобретает возможность понимать довольно свободно что-нибудь нетрудное на иностранном языке, то немедленно должно воспользоваться этим знанием для изучения родного языка в переводах с иностранного языка на русский, под руководством русского учителя; изучение же родного языка в народной литературе, в народных песнях, в творениях народных писателей, в живой народной речи должно постоянно противодействовать чуждым элементам и претворять их в русский дух.

Но, заметят нам, при таком изучении дети никогда не приобретут того прекрасного, чисто французского выговора, какой приобретают они, изучая чуждый язык как свой родной, даже прежде своего родного. Это неоспоримая истина! И для кого правильное умственное развитие, полнота духовной жизни, развитие мысли, чувства, поэзии в душе, национальность человека, годность его приносить пользу отечеству, нравственность и даже религия детей ничто в сравнении с хорошим парижским выговором, — те напрасно трудились читать нашу статью.

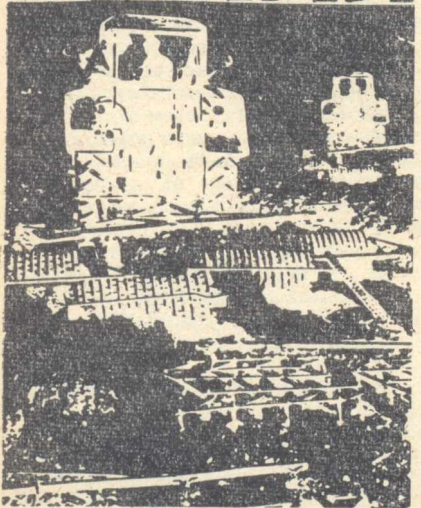
природа

природа

ЗЕМЛЯ

И. ЛЮБИМОВ,
кандидат географических наук

Земля? Надо заботиться о земле? Так ведь есть кому заботиться! Агрономы есть, полеводы, ученые-почвоведы... Разделение труда.

Давайте все-таки задумаемся — может быть, забота о земле касается не только тех, кто должностью своей или профессией к этому обязывается? Может быть, это дело всех, каждого, дело всенародное?

Природа богата, ее кладовые неисчерпаемы — эта уверенность передавалась нам от далеких предков.

Веками человек отвоевывал у природы право на существование. Право это становилось тем «законнее», чем больше земли, способной давать урожай, приходилось на каждого жителя.

Истощалась земля — ее забрасывали, распахивали пустоши, вырубали леса. Больше становилось людей — больше вырубалось лесов. Правда, применялись примитивные севообороты, о которых, например, русские мужики были осведомлены. В сочетании с удобрением, которое давали 20 миллионов лошадей, это обеспечивало урожай сам-восемь, сам-десять (посеял пуд, вырастил десять). Но уже тогда ученые ясно видели, что этих мер недостаточно для воспроизводства плодородия почвы.

Еще во второй половине прошлого века русские почвоведы П. Костычев и В. Докучаев, а позже и К. Тимирязев создали стройную науку о почвах и их взаимодействии с растением, установив, что вырубка лесов, проводившаяся в огромных масштабах в России, привела к сокращению объема речного стока, понижению уровня грунтовых вод, ослабила сопротивляемость почв смыву. Распашка усилила разрушение почвенного покрова.

«Обработка земли после сведения лесов, — свидетельствует и французский натуралист Жан Дорст, — нередко довершает опустошение местности».

В ФРГ за один 1958 год эрозия уничтожила 40 тысяч гектаров пашни.

Неправильные методы земледелия катастрофически ускорили процессы эрозии. Эрозия не щадит ни тропических стран (она сильно развита, например, в Индии, Гане и Венесуэле), ни самых северных, например Исландии, где даже нет зем-

леделия, но где толчок ей дала вырубка зарослей карликовой березы.

Классический пример деградации почв — прерии США. День 12 мая 1934 года остался в анналах земледелия этой страны как траурный. Необычной силы ветры обрушились на почву в сельскохозяйственных штатах Техас, Оклахома, Небраска, подняли ее в воздух и перенесли за сутки к атлантическому побережью. Зловещие пыльные тучи затмили небо над Вашингтоном, Нью-Йорком, Филадельфией.

Дефляционные процессы (выдувание почвы) охватили в США площадь 450 тысяч гектаров и перенесли 200 миллионов тонн почвенного покрова, выдувая до 25 сантиметров поверхностного слоя!

Но человек с трудом усваивал уроки природы. Он выиграл битву с природой, он обуздал стихии, в его руках были такие мощные средства технического прогресса, что он не сомневался в дальнейших своих победах. Упиваясь своим могуществом, человек поворачивает вспять реки, осушает болота, строит электростанции, добывает редкие металлы. Но проходит время, и то, что казалось бесспорно необходимым, полезным, выгодным, вдруг дает нежелательные побочные явления. Мы ликовали, когда мощная техника перелопатила лугово-каштановые почвы Западной Сибири и Казахстана. В каждой области срочно изыскивались и пускались в оборот целинные и залежные земли. Пахотный фонд вырос чуть ли не на треть. Сборы зерна поднялись. Но выяснилось, что безгранично увеличивать пахотные земли все же рискованно. Многие против этого: стихийные бедствия, трудность введения на огромных пространствах правильных агротехнических приемов, удаленность от потребителей, сложности снабжения и т. д.

Ветровая эрозия, сорняк овсюг были причинами падения урожайности в Северном Казахстане, а на Северном Кавказе, в Поволжье, Черноземном центре — этой старинной житнице России — особенно опасна водная эрозия.

Практически эрозия означает вместе с тем выключение из сельскохозяйственного оборота — полностью

или частично — больших земельных площадей.

С эрозией — проявлением человеческого легкомыслия в прошлом — справиться нелегко. Замечено, что благодаря залесению оврагов и балок эрозия в Черноземном районе замедлилась. Один из примеров этому Ермоловский овраг в Орловской области, взятый в железные клещи. О нем напоминает разве что низина, поросшая лесом. Эффект залесения колоссальный, особенно для полей: ведь они получают на 20 процентов влаги больше, чем расположенные вдаль от леса участки. И это не говоря уже о рыбе на дне бывшего оврага, охотничьих угодьях, местах отдыха... Следует учесть попутно, что каждые 10 тысяч гектаров леса удерживают 500 тыс. кубических метров влаги.

Ветровую эрозию в степных районах в значительной степени обуздали безотвальной вспашкой. Следующий этап в этом направлении — лесополосы из акации и тополя, преграждающие путь ветрам.

...Сооружается гидроэлектростанция. Чем мощнее энергетическое солнце, тем шире разливается искусственное море-водохранилище. (Нарращивание плотины на каждые 15 метров высоты добавляет 18 процентов к энергетической мощности, но увеличивает количество затопляемых земель на 50 процентов). Если ГЭС возводится на равнине, под водой скрываются пойменные плодородные земли, на новое место перекочевывают общественные постройки и избы. К настоящему времени только водохранилищами затоплено 2,5 миллиона гектаров пойменных земель.

Теперь понимают, что гидроэлектростанции целесообразно создавать не на равнинах, а в горных местностях. Благо, там велики источники гидроэнергии из-за больших уклонов рек, да и плодородных почв мало. Когда все положительные и отрицательные факторы суммируются, получается, что киловатт-час электроэнергии в горах стоит намного меньше, чем в равнинах. Именно поэтому Нурекская ГЭС на Вахше — одна из ступенек каскада — самая дешевая в стране. Киловатт-час ее гидроэнергии будет стоить 0,057 копейки. Из-за огромного экономического эффек-

та «оседлываются» великие сибирские реки, гидроэлектростанции, на которых решают сразу по несколько полезных задач в основном промышленного направления. Что же касается сельского хозяйства, то помимо его электрификации Зейская ГЭС, например, должна спасти от разрушительных наводнений Амурскую низину с ее пшенично-соевым направлением сельского хозяйства.

Но, уж коли река струится по равнине, гидростроителям, чтобы избежать просчетов, придется советоваться с учеными различных направлений. И тогда не случится то, что случилось с Капчагайской ГЭС на реке Или в Казахстане. Станция уже строится, а выясняется, что с географической карты может исчезнуть озеро Балхаш и заодно иссушатся 450 тысяч гектаров пойменных земель.

...Существует мнение, что открытый способ добычи полезных ископаемых является самым прогрессивным в нашу эпоху. Но оказывается, он часто неэффективен в густонаселенных районах, а также там, где основным источником водоснабжения являются грунтовые воды и где имеется земельный дефицит. В качестве яркого примера можно привести Криворожский железорудный бассейн и Курскую магнитную аномалию (КМА). Параллельно с освоением недр здесь вынуждены задумываться о мерах по компенсации утраченных водных и земельных ресурсов: отвалами горных выработок на КМА заняты черноземные пахотные земли.

Но и здесь положение не безвыходное. Даже первые опыты обнадеживают. На угольных отвалах Подмосковного угольного бассейна прижились сосна, тополь, береза, кустарники, превратившись в молодой лесок. Но это на угольных отвалах. А как поведут себя эти древесные и кустарниковые породы на железорудных, меднорудных, полиметаллических отвалах? Вот здесь может пригодиться богатый опыт зарубежных друзей из Польши, Чехословакии, ГДР. Целые институты в Польше заняты восстановлением бросовых земель. В ЧССР есть традиция — в прежних горных выработках устраивать пруды и заселять рыбой.

Предлагают даже экономически воздействовать на тех, кто изымает земли. Включать в стоимость добычи минерального сырья затраты на восстановление земель в процессе и после окончания горных работ. Тогда после суммарных подсчетов вдруг окажется, что полезное ископаемое, будь в нем даже сверхвысокое содержание металла, все же разрабатывать невыгодно.

...Всем известно, что проектировщики любят размахнуться за счет любых землепользований. Никому не хочется строить предприятие на неудобной земле — в засыпанном овраге, на солончаке, склоне холма. Проектировщикам подавай площадку с безукоризненным рельефом, ровную как стол. Индустриальный хлам, который скапливается вокруг строительства, делает площадку непригодной даже для озеленения.

Между тем здравый смысл подсказывает, что строителям должны отводиться бросовые земли и на них с учетом географических зон практиковаться определенная этажность застройки. Скажем, в Грузии или Армении, где мало земли, не лучше ли строить (разумеется, с учетом сейсмичности) многоэтажные дома, а в Сибири, где земли много, — одно-двухэтажные.

...Вековая мечта земледельцев Средней Азии, привыкших ценить каждую каплю воды, — создание ирригационных систем в оазисах. «Земля — мать урожая, вода — его душа» — гласит мудрая узбекская половица. Величайшим достижением Советской власти в Средней Азии было успешное решение водохозяйственных проблем. Воду стали щедро подавать на поля — кашу маслом не испортишь.

Оказывается, испортили. Сначала Хорезмский оазис, напоенный водой Амударьи, побил все рекорды мира по урожайности хлопка. И вдруг она стала падать. Увлечшись ирригацией, земледельцы забыли о почвенных солях, которые стали выступать на поверхность, как только после поливов пришло жаркое время года. Из нижних слоев под влиянием испарения соли перебрались в верхние, губительно подействовав на растения. Южная пустыня стала похожей на зимний пейзаж.

природа

природа

заж: белоснежная корка покрыла поля. Земли пришлось забросить.

Эту беду почти устранили. Но то, что произошло, подтверждает: и осушение, и орошение требуют определенного географического подхода. Дренажной системой (прокладкой горизонтальных труб под землей) в конце концов остановили соляную экзему в Хорезмском и Чарджоуском оазисах. Урожай хлопка снова пошел в гору. Из прибавки хлопка за счет урожайности в Чарджоуском оазисе соткали 200 миллионов квадратных метров ткани.

Чтобы остановить массовое наступление подпочвенных солей, нужны иные меры. В Мургабском оазисе, например, вымыванию из культурного слоя подлежат 80—90 миллионов тонн солей. Оказалось, что убрать такое огромное количество солей можно с помощью не горизонтального дренажа, а равномерным и устойчивым снижением уровня грунтовых вод.

Речь идет о создании вертикального дренажа — редкой сети буровых скважин. В каждой из них глубиной 60—80 метров откачивали засоленную воду. Ее уровень понизился. Ученые подсчитали: таким образом можно обезопасить от солей 400 тысяч гектаров земель в Средней Азии и Казахстане.

Казавшийся ранее бесспорным тезис о том, что болотистые местности в условиях умеренного климата вредны для здоровья человека, сейчас пересматривается.

Ученые все больше склоняются к тому, что осушение болот следует проводить с оглядкой. Ведь в условиях общего недостатка пресной воды болота могут явиться одним из ее источников. Полезная роль болот и в регулировании стока рек. Как губка удерживают они воду во время разливов, отдавая ее рекам в засушливые периоды (вспомним роль Полесья в регулировании воды для степной Украины). Наконец, болота — это места обитания водоплавающих птиц и водолюбивых зверей. Осушить болота — значит разрушить их жилища.

Производительность же осушенных болот как пахотных угодий невысока. По данным исследований в штате Джорджия (США), с болот в эстуариях рек получают 22 тонны расти-

тельного материала (на 1 гектаре), а с хлебного поля на осушенном болоте — вместе с соломой и корнями — 3,4 центнера. Правительство Нидерландов, например, прекратило осушение торфяных болот из-за нерентабельности и ущерба, который наносится природе этой маленькой страны.

Но достаточно примеров. Наверное, у читателя готов вопрос: как же, оптимистично или нет, следует оценивать наше земельное будущее? Можно ли остановить стремительное наступление индустрии на землю, с одной стороны, и усиливающееся воздействие стихийных отрицательных природных факторов — с другой? Как сохранить в равновесии гармоническое сочетание «природа — общество»?

В условиях социалистического общества с его плановым хозяйством это сделать не только можно, но и должно. Тем более что приняты важные постановления, ставящие предел бездумному расточительству земель. В их числе решения майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС. Закон о землепользовании и, наконец, недавно принятый Примерный устав колхоза. В 1966 году разработана грандиозная программа мелиорации (улучшения) земель, рассчитанная на 15—20 лет. Часть этой программы уже осуществляется. В основах Земельного законодательства (статья 13) записаны такие слова: «Землепользователи обязаны проводить эффективные меры по предотвращению эрозии почв, не допускать их засоления, загрязнения земель, застарения их сорняками, а также других вредных почвенных процессов». В другом месте Законодательства сказано, что для индустриального строительства должны отвоеваться худшие земли, которые не представляют ценности в сельскохозяйственном отношении.

В речи Л. И. Брежнева на Всесоюзном съезде колхозников охрана земель возводится в ранг *крупной государственной задачи*. «Охрана земли, повышение ее плодородия, — говорится в ней, — неперемное условие дальнейшего прогресса в сельском хозяйстве. Защита почв — это дело всего нашего общества. Любую порчу земли следует рассматривать как антиобщественный поступок. Кто

покушается на землю, нерадиво относится к ней, тот подрывает исходную материальную основу народа».

В связи с этим встает практический вопрос — что защищать и как защищать. Для того чтобы заставить строителей использовать бросовые земли, а земледельцев — рациональнее осваивать плодородные, нужна оценка земель. Такая оценка перестроит стиль мышления заинтересованных в земле специалистов и заставит их увязывать свои проекты в комплексном плане.

Оценка земель, или Кадастр, по выражению географа Д. Л. Арманда, — научная основа рационального использования земельных ресурсов.

Значение слова «кадастр» поясним на примере, почерпнутом из практики социалистических стран. Побывав в аграрных районах Германской Демократической Республики, подмечаешь любопытную чересполосицу. Вот в пшеничное поле вторгся клнн гороха, посреди участка ячменя яркими пятнами зреет подсолнечник, посадки сахарной свеклы прорезаны густой щетиной тимфеески — кормовой травы. Следствие ли это аграрных неурядиц? Нет. Напротив — результат скрупулезной оценки каждого клочка земли.

Конечно, в огромной нашей стране с ее необычайной пестротой природных ландшафтов, каждому из которых присущ определенный тип почв (выявлено около 2300 типов и подтипов почв) или климата, земельный Кадастр создать нелегко. Однако уже сейчас разработан ряд первоочередных мероприятий по спасению земельных ресурсов.

Кем будет ваш сын? Химиком? Инженером-гидростроителем? Механизатором? Экономистом? Кем бы ни был он, пусть с детства, с юности растет в уважении к земле, к законам, по которым она живет. И пусть уважает ее не просто как потребителя, которому тоже, конечно, важно что на земле растет и сколько родит она, — но как сознательный тружаник, понимающий, что на все им самим сделанное земля обязательно ответится. Так пусть земля — источник нашей силы и нашего богатства — ответится благо- дарно.

природа

природа

ТОЛЬКО В МАЕ

В мае о птицах уже перестают говорить. День птиц прошел, скворечники, кто хотел, повесил. А между тем в апреле мы птицам не нужны — зима с ее бескормицей прошла, а гнездование не началось, им и без нас хорошо. Подходит дело к июню. Начинается самое трудное для птиц время — выведение птенцов. Ребята уже в лагерях, ходят по лесу и радуются: гнездо нашли! (Случая, что гнездо разорвется, мы и знать не хотим). Радоваться можно, а показывать гнездо никому не следует: в лесу много других глаз, что смотрят за тобой. По твоим следам сорока быстро гнездо отыщет и разорит его. И вообще не нужно смотреть гнезда, не нужно нарушать естественные укрытия.

А вот защищать птиц необходимо. Возле жилья человека — в беседках, под крышами домов — гнездятся мухоловка, трясогузка, большая синица-горихвостка, ласточка. Взять да и загородить гнездо от кошек или еще от кого проволокой — и уже спокойнее.

Заметили вы гнездо на земле и пошли дальше по своим делам. А ведь гнездо нужно спасти, его могут растоптать и люди и домашние животные. А если на дороге к гнезду положить камни, корова их обойдет и гнездо останется в сохранности. К гнездам на земле нужно особое внимание. А ребята очень могут помочь лесным птицам: договориться с лесничеством, чтобы возле замеченных гнезд лесные работы

начали позже, после вылета птенцов. Еще нужно проследить судьбу обитателей скворечен: кто в них поселился и поселился ли. Если нет, то нужно понять — почему. Или щели большие в птичьем доме, или крыша железная, или место выбрано неудачно — шумное, у всех на виду.

Так что практически месячник охраны птиц начинается в середине мая и растягивается до середины июля. И ребята в это время могут очень многое сделать для птиц.

В мае уже пора готовиться к следующему году. Ранней весной, как только сойдет снег, вместе со всеми другими начинают подрастать семена деревьев. Вот тут самое время аккуратно выкопать их и высадить возле дома или школы. Не обязательно в питомник ехать, чтобы посадить дерево. А можно совсем просто: воткнул прутик в землю — и через пять лет дерево готово. Это я о тополе говорю. И знаю, что многие морщатся: пуху, мол, не обещаться. А дело-то ведь очень простое: пух дают только женские тополя, и от этих деревьев черенки брать нельзя. Отличить «пуховые» тополя можно по сережкам: они на этих деревьях висят гораздо дольше, чем на мужских (где они висят самое большее 4 дня после созревания). Кроме того, мужские сережки красные, а женские — зеленые. Здесь-то и нужно метить деревья, крупные и без сережек, от которых можно брать черенки. В июне «по пуху» можно будет проверить свою наблюдательность. А следующей весной смело высаживайте черенки возле дома — и ни пуха вам ни пера!

Еще одно важное дело в мае — спасение головастика. Лягушек, очень нужных медицине, и науке, и сельскому хозяйству (правда, по-разному), становится все меньше. Еще чуть-чуть и начнем их ввозить из других стран. Чтобы этого не случилось, надо лягушкам помочь выжить. Весной, когда земли под водой не видно, лягушки выметывают икру в любую глубокую лужу. У них нет инстинкта, чтобы отличить временные лужи от постоянных водоемов. В середине-конце мая, когда вода уходит, лужи высыхают — и головастики гибнут. Тут надо не стоять над лужей и не рассматривать с любопытством подышающих головастика,

а набрать их в ведро и выпустить в болотце, озерко.

Май — начало цветения. Горожане так и рвутся за город. Чуть сошли с поезда — в руках у каждого по букету. Иногда такие, что и удержать трудно. Через час-два поехали домой, а цветы завяли. Пройдите вдоль железной дороги и увидите выброшенные, поникшие букеты. А потом мы ахаем — вокруг Москвы цветов не стало, на Бородинском поле, например, вовсе перевелись. Сами и виноваты. А ведь четыре-пять крупных ромашек смотрятся лучше, чем охапка в бидоне, незачем все-то обрывать. И везти надо знать как. Уж, конечно, собирать только на обратном пути, и с длинным стеблем, и хранить во влажном полиэтиленовом мешочке. Если завяли цветы, все равно не выбрасывать: они оживут дома, как только мы срежем под водой кончики стеблей на полсантиметра.

Все это вроде дела несложные, мелкие, но в природе нет ничего незначительного. Нагрубили ей — по незнанию, по неосторожности — и прощения уже вам не будет, не только вам, а многим другим, даже и не виноватым. Так что, если вы в лесу — ведите себя как в гостях, уважайте ее «устав», а если хотите приблизить ее к своему жилью — старайтесь завоевать ее доверие.

П. СМОЛИН,
заслуженный деятель культуры
РСФСР

ТОЛЬКО В МАЕ

ПО ЗАКОНУ

Мария ХАЛФИНА

Рассказ

Какое же это все-таки блаженство — возвратиться домой!

После трехмесячной нервотрепки: холода, грязи, ночевки в бараках и палатках... Уже к середине зимы положение на трассе создалось гиблое. И все синяки и шишки за чужие грехи — за просчеты изыскателей и проектировщиков — ему пришлось взять на себя.

И он вытянул. Вывез. Несмотря на весеннюю распутицу, на нехватку механизмов и рабочей силы, на все огрехи в проекте.

Как он, этот чудакватый дед Часовников с пятого участка, сказал, провожая его к машине: «Ну, рисковый ты мужик, Вениамин Павлович, рисковый и удачливый».

Удачливый... Ну что ж, пусть будет так. Но удача — бабенка с капризами. Она тоже не каждому в руки дается.

А здорово вчера его в тресте принимали, когда он прямо со своего заляпанного грязью вездехода ввалился к начальству.

Впереди отпуск, Ялта, море...

«Самое синее в мире, Черное море мое...» — тихонько загудел Вениамин Павлович, блаженно потягиваясь.

Послышались шаги. Вениамин Павлович закрыл глаза, сонно распустил губы и старательно засопел.

Валерия на цыпочках скользнула к шифоньеру. Ага, скатерть достает новую, салфетки. Итак — предстоит праздничный завтрак в ознаменование победоносного возвращения главы дома.

Господи-боже, ну кто поверит, что у этой тоненькой синеглазой девчонки шестнадцатилетняя дочь, что рослый богатырь, этот босяк Алешка, — ее сын?! И откуда взялась в ней эта домовитость, сноровка и умение в домашних делах?

Говоря по правде, семнадцать лет сидела она за спиной тетки Ули. Домой приходила ко всему готовому... Ее дело было выносить да родить хороших ребят, а нянчила и растила их баба Уля... бабуля. Нехорошо все же получилось... сорвалась, уехала куда-то к черту на рога. Такая была всегда славнецкая старуха: веселая, бодрая... и ребята к ней были привязаны. Видимо, у всех под старость характер портится... ворчать начинают, стонать, хныкать.

Наша хотя и не хныкала, но нелады у нее с Лерой начались серьезные... Ну да ладно, леший с ней, уехала и уехала, ее дело. По крайней мере, Валерия повеселела, хозяйничает, хлопочет...

Вениамин Павлович не выносил бабьих склок и сейчас досадливо отмахнулся от неприятных мыслей.

* * *

Ульяна Михайловна действительно старуха была неплохая. Из породы неунывающих.

Смолodu работать на производстве ей не пришлось. Замуж она попала на девятнадцатом году в большую и нескладную семью. Старик свекор и пятеро парней лесенкой: старшему двадцать пять, младшему одиннадцать. При шести мужиках одной хозяйке и по дому работы хватало.

Муж ей достался хилый, прожил не долго. Пока был жив свекор, Ульяна Михайловна держалась в доме за хозяйку, хотя в семью уже пришли еще две молодых невестки, но когда и свекра снесли на кладбище, никакого смысла не стало батрачить на взрослых деверьев и сношенниц.

Детей у нее не было, а одна голова не бедна. Прдала телушку, что выделили ей деверья из небогатого хозяйства, уехала на шахту. Работала кастеляншей в небольшом санатории, в трех километрах от шахтерского поселка. Жила в каморочке при кастелянной бесplatно.

Тут как раз наметилась у нее перемена в жизни. Присватался жених из шахтеров, мужчина одинокий, самостоятельный.

Но, словно снег на голову, пришло известие, что младшая единственная сестра беспутная Тонька умерла, а мальчишкой ее пригульным распорядиться некому.

Сестры были в давнишней ссоре, Тонька за многие годы даже ни на одно письмо Ульяны Михайловны не ответила. Но теперь старое вспоминать было не время. Отпросившись на неделю, сняла с книжки все свои скопленные гроши, съездила, похоронила сестру честь честью, а шестилетнего Венку привезла с собой. И вся жизнь ее пошла кувирком. Самостоятельный мужчина вопрос поставил ребром: тетка — не мать. Мальчику место в детском доме.

— Такого человека упустить, это ж идиоткой быть надо, — убеждали ее бабы. — И ради чего? Был бы сын родной, ну тогда, конечно, тогда другое дело...

От этих уговоров Ульяне Михайловне становилось еще тошнее. Господи, ну как люди могут не понимать?! Тоньку-то она в зыбке укачивала, на загорбке таскала, пока та не научилась бегать... А Венка — Тонькин сын, у него же ни отца, ни бабки, кому он нужен, кроме нее?

Жить с ребенком при кастелянной ей, конечно, не разрешили, пришлось снять частную комнатку на окраине поселка. И дрова и уголь надо было покупать и ломать голову — чем четыре раза в день накормить Венку. Был он худущий, но прожорливый, как галчонок.

Со всем же стало безвыходно, когда пришло время отдавать Венку в школу. Начальная школа стояла на противоположном конце поселка, за железнодорожной линией. Чтобы самой к девяти часам успеть на работу, приходилось Венку поднимать чуть свет, уводить в школу, когда там еще никого, кроме сторожихи, не было.

Но нет, видно, худа без добра. Пришло письмо от младшей, тоже рано овдовевшей сношенницы Веры. Последние годы жила она в деревне, но теперь засватал ее в город хороший человек, и она предлагала Ульяне Михайловне, зная, как бьется она с сестриним мальчишкой, переехать и жить в ее избе. И пяток кур ей оставила, и козу дойную, и кое-что из домашности, чтобы было с чего Ульяше начать на новом месте.

Никакой, хотя бы и крестьянской, работы Ульяна Михайловна не боялась, да и выхода у нее не было. Перед весной Венка переболел воспалением легких, совсем отошал, кашлять начал нехорошо. Врачи сказали: необходимо, во-первых, питание, а во-вторых, чистый воздух.

Собравши свой скудный вдовый багаж, Ульяна Михайловна откочевала с Венкой на новое местожительство.

На первых порах в колхозе работала она куда пошлут, потом поставили ее учетчицей в полеводческую бригаду. И хотя невелики были колхозные заработки, при своем хозяйстве, при огороде жить все же стало несравненно легче. Венка на глазах поправлялся, окреп,

Художник Г. Калиновский

двинулся в рост. Школа была рядом, учителя в школе заботливые, душевные.

В первый же год войны Ульяна Михайловна ушла работать на ферму телятницей. Те годы восне приснятся — холодным потом обольешься. Бескормица, а телята, детеныши лопухие, — они же питания требуют. Хлипкие, зябкие... Им тепло необходимо, а в телятнике стены зимним ветром насквозь продувает и крыша вот-вот завалится. Одна неотступная забота — спасти молодняк. Особенно телочек племенных. Из-за них Ульяна Михайловна не один раз ревела, хотя по натуре своей была не слезлива.

Венка и ростом, и красотой, и дерзким характером зародился, видимо, в неизвестного отца. И умом бог его не обидел. Захочет — идет в школе на круглые пятёрки и поведение примерное. Вдруг, вроде ни с того, ни с сего, поедут на нем черти — и летят все его успехи намарку.

Тетка Уля никогда не дралась, когда сердилась. Рукала часто, в угол ставила, на улицу к ребятам не пускала, если чего-нибудь нашкодит лишнего. И никогда не корила, что вот подобрала его сироту, содержит из милости неблагодарного... Люди так говорили, а тетка Уля им возражала, и с ее слов он твердо усвоил, что она должна была его принять, и воспитывать, и заботиться о нем, потому что она — тетка.

И ничего в этом особенного нет, так и должно быть.

С девятого класса Венка взялся за ум, школу заканчивал с хорошими оценками. Как-то вечером пришла его классная руководительница — милая душенька Анна Евгеньевна, стала рассказывать, что у Вениамина большие наклонности к математике.

— И вообще, Ульяна Михайловна, мальчик он очень одаренный, я понимаю, как вам трудно, вы на него и так очень много потрудились. Я вас не уговариваю...

А чего ее было уговаривать? Она и сама понимала, что такому башковитому парню одна дорога — в город, в инженерный институт.

Находились себдобольные люди, корили Венку:

— Говорил бы спасибо тетке, что сама недоедала, недопивала, полное среднее образование тебе дала. Сколько же можно из человека соки тянуть? Теперь же самое время тебе о ее спокойе подумать... Молодой, здоровый, грамотный — чего тебе еще надо?

Вениамин отмалчивался, шуря цыганские глаза, усмехался дерзко. Он знал, что ему надо, и с теткой Улей у него все уже было обдумано и решено.

Стипендию ему, конечно, дали, потому что экзамены он выдержал хорошо и в дальнейшем занимался старательно. Все же эти пять лет Венкиного учения в институте ой как достались Ульяне Михайловне. Живя вместе, и пропитаться было легче, а главное — за одеждой тогда не гнались. Есть стеганка, и слава богу. Стеганка тогда на любой сезон годилась. И в зимние морозы, и весной, и осенью себя оправдывала. А в послевоенные годы молодежь очень стала стремиться к хорошей одежде. Особенно в городе. Да оно и понятно. Дело молодое, всегда на людях. В кино барышню пригласить — не пойдет же парень в стеганке или в подшитых валенках.

Да и на одну стипендию в те годы никак невозможно было пропитаться. Домой Вениамин приходил только на большие праздники, нельзя ему было от учения отрываться.

Транспорта тогда никакого не было. Нагрузит она на санки картошки мешок, калусты соленой, ну и еще чего сумеет прикопить или заработать: сала шматок, яичек, меду баночку, глядишь — наберется добрый возок. Лямку через плечо и пошла... А до города сорок пять километров.

На летние каникулы приезжал Вениамин только в первый год, когда перешел на второй курс. Дальше уже

не приходилось — то в студенческий лагерь путевку дадут, а потом практика. Так что за пять лет виделась с ним Ульяна Михайловна считанные часы.

Настал наконец счастливый день. Читала и перечитывала Ульяна Михайловна Венкино письмо, где он подробно докладывал, как успешно защищал диплом, извинялся, что не может приехать повидаться, потому что получил уже назначение в соседнюю область, благодарил тетку за заботу и велел денег больше не посылать. На первое время выдали подъемные, а там и зарплата пойдет.

А дальше уже слал открытки к 8 Марта, на Первое мая, на Октябрьскую. Поздравительные. Ульяна Михайловна не обижалась. Раз денег не просит, — значит, все у него, слава богу, хорошо. А чего ей еще надо?

Она и сама от него уже понемпожку отвыкала. У него, молодого, своя жизнь, свои заботы. И она еще не старуха, не инвалидка — чего о ней беспокоиться?

Наоборот, она словно вольную получила. Сама себе не верила, такая у нее началась тихая и спокойная полоса жизни.

На четвертый год осенью приехал Вениамин. Солидный, красивый, в сером коверкоговом костюме. Не один приехал — с женой. Ульяна Михайловна приняла гостей как положено. Праздничным застольем, с хмельной медовухой, с рыбным пирогом и сибирскими пельменями.

Молодые приехали не с пустыми руками, привезли тетке хорошие подарки: отрез на платье, туфли коричневые на невысоком подборе. Туфли Ульяна Михайловна тут же и обновила — плясала с директором школы барыню, била дробь с припевками, все гости со смеху полегли.

Была она в тот вечер всем довольная, веселая. А к чему людям знать, как обидел ее дорогой племянничек? Не то чтобы на свадьбу пригласить, хотя бы словечком каким известил. Ну да что с них, с нынешних, возмешь — они и у родных-то матерей согласия не спрашивают.

Вечер отгуляли, а утром Вениамин сказал:

— А мы ведь, тетя Уля, за тобой приехали. Мы квартиру получили, комнату с кухней. Кухня большая и водопровод есть. Отопление, правда, печное, ну это все временно. Года через два будем иметь квартиру со всеми удобствами...

Дело объяснялось просто: не побереглись ребята, молодая была уже на пятом месяце. А сама еще только-только на второй курс в университете перешла.

— Выручай, тетя Уля, нам без тебя — зарез. Матери у Лерки нет, а учиться бросить ей никак нельзя.

Первые месяцы в городе Ульяна Михайловна места себе не находила. Шум, толкотня, воздух тяжелый. Все чужое, и люди какие-то немилые. До душевного затмения, до хвори тосковала она о своей избушке. Бросить бы все, уехать, да как же уедешь? Валерия очень тяжело носит, рвоты ее изнурили, уход ей нужен. Вениамин с лица опал, осунулся, бежит с работы:

— Ну как она, тетя Уля? Чего это с ней, тетя Уля?

А потом сразу, можно сказать в одночасье, все изменилось. И тоску вроде рукой сняло. Привезли из родильного Ириночку.

Пчелка моя золотая, вербочка моя, пушинка ненаглядная... Приникнуть к шелковистым волосикам, слушать, как дышит под губами живой родничок, трепетное темячко. Или возьмешь ноженку, целуешь подошву, ей, крохотке, шекотно, она пальчики подожмет; господи-боже, есть же такое чудо на свете — пяточка розовая и пять красных горошинок — пальчики и на каждом ноготок, как лепесток.

На ночь Ульяна Михайловна кроватку переносила к себе, в кухню. Закроет дверь поплотнее, и молодых

дится не потревожит, и бабушке спокойнее. Чуть шелохнется маленькая, а бабушка уже рядом:

— Ш-ш-ш, тихо, моя гулянька, тихо! Сейчас мы с тобой мокрушки уберем, сухонькое, тепленькое подстелем, а кушать захотим, мамку тревожить не будем, зачем она нам? У нас бутылочка есть, пососем, да и закатимся спать до самого утра...

Девочка росла здоровенькая и спокойная. Ульяна Михайловна успевала и магазины обежать, и покушать сготовить, и печи вытопить, и квартиру убрать.

Валерия вскоре поправилась, расцвела, похорошела. Была она уже на четвертом курсе. Вечером иной раз задержится на занятиях или на собрании, а Вениамину стало это не по душе. Придумал ревновать, хоть учение бросай. Выпивать стал. А пьяный он сильно был нехорош. Что ни ночь — то шум. Грубит, сквернословит. Утром посмотришь — у Валерии глаза наплаканы.

Как-то под воскресенье пришел вечером сильно выпивши, злой, нахальный. На Валерию рывкнул, чтобы шла спать, и дверь в кухню закрыл рывком.

Ульяна Михайловна лежала в потемках, рядом в кровати сладко посапывала Иринка. Начала было задремывать и вдруг — словно ножом по сердцу полоснул — звук удара и тоненький приглушенный вскрик.

Не помня себя ворвалась она в комнату, рванула выключатель.

Вениамин лежал на краю постели, а она, маленькая, сидела, прижавшись спиной к ковру, загородив локтем лицо.

В кухне заплакала Иринка.

— Иди к ребенку! — крикнула Ульяна Михайловна, и Валерия послушно скользнула с постели, пробежала мимо нее в кухню.

В ушах Ульяны Михайловны шумело. Она ничего не видела. Только это лицо на подушке.

Сытое тупое лицо, наглые мутные глаза.

— Ты что сделал, паразит?! — ее трясло от ненависти и горя. — Ты на кого руку поднял, зверюга?!

Вениамин, приподнявшись, тяжело оперся на локоты: — А ты что? Тебе что здесь надо?

Она молча, наотмашь хлестнула его по лицу. И, повернувшись, пошла, хватая воздух пересошим ртом. Валерия, скорчившись, лежала на ее постели.

— Ничего... ничего... — бормотала сквозь зубы Ульяна Михайловна, торопливо наливая в грелку горячую воду из чайника. — Ничего... поглядим, что он утром петь будет... на-ка, надень кофточку мою тепленькую...

А утром, когда Вениамин поднялся, наливая ему чай, сказала спокойно:

— Пятый год женатый, а не разглядел, с кем живешь... Не из тех она, которых бить можно. Иди, дурак, ищи жену, может, еще и простит... да запомни: простить-то простит, а забыть она этого тебе никогда не забудет.

Больше она ни тому, ни другому слова не сказала. Будто ничего и не было. Как он с женой мирился — это ее не касалось. Может, сам уразумел, на какой риск шел, чего мог лишиться... А может, и теткина оплеуха маленько на пользу пошла. Только с тех пор ни выпивать, ни скандалить дома его больше не поминало.

Дальше жили, как в народе говорят, людям на зависть. Дети родителей обожали. Когда супруги собирались в театр — молодые, красивые, нарядные, — Ирочка с Алешей обмирали от гордости и восторга.

А ребят на детские утренники водила бабуля. И в цирк тоже. И в кино бабуля ходила только на детские сеансы. Летом бабулю отправляли отдыхать в деревню к Валериним родственникам. Конечно, с детьми. Там был большой ягодный сад. Бабуля варила варенья и джемы, сушила грибы, мариновала огурчики и поми-

дору. Под осень молодые уезжали на курорт, а бабуля начинала собирать ребят в школу.

Знакомые и соседи всегда хвалили Смоляниновских ребятшек. Соседка, жена доцента, мать двух дочерей-подростков, как-то спросила бабулю:

— Ваши дети просто удивительны — воспитанные, вежливые, послушные. Помогают вам в работе. Как вы этого достигаете, Ульяна Михайловна? Откройте нам свой педагогический секрет.

Ульяна Михайловна очень тогда смеялась. Тоже — нашли педагога!

— Ну какой тут может быть секрет? Дети — они же как обезьянки. И дурное и хорошее прежде всего они от отца с матерью перенимают, ну и от нас, стариков, тоже. А к работе их надо приучать с младенчества. Иринке годика два было, принималась я за уборку, ей в тазик воды налью, дам тряпочку чистую — помогай, доча, бабуле, где же мне одной-то управиться. Вот она и сопит, старается, трет ножки у стула. А то дашь ей ложки мыть, перетирать. Сажусь сама чулки чинить, дам ей иголку с ниткой — штопай папин носок. Папа придет, вот порадует, какая, скажет, дочь-то у меня мастерица растет, помощница. А Алеше всегда внушала — ты мальчик, мужчина, ты должен всегда маме и бабуле помогать. Тут опять же, конечно, самой нужно всегда аккуратной быть, чтобы в квартире чистота соблюдалась, чтобы они никакого неряшества вокруг себя не наблюдали и знали: насорил, игрушки разбросал — прибирать самому же придется. Наказывать? Да разве без наказания ребенка вырастить? Всякое бывает. И по заднице нашлаепаешь и в угол поставишь. Только с моими это ни к чему, только что зло свое сорвешь. Мои больше всего боятся, если я с ними разговаривать не стану. Я ведь такая, когда нужно — я очень твердо себя с ними ставлю. И день и два могу молчать. Для них это — хуже нет. А я накажу — ни Вена, ни Лерочка словечка не скажут. Так же и я: палино слово — закон. Мама сказала, — значит, так тому и быть.

Так вот и катилась у них жизнь год за годом. Спокойная, налаженная, благоустроенная.

Только в последний год появилась у Валерии какая-то раздражительность, стало прорываться недовольство.

Она никогда не была транжиркой, цену копейке знала. Всегда точно рассчитает, сколько нужно на питание, на другие домашние расходы. И никогда ей не приходилось Ульяну Михайловну учить. Отпущенных на хозяйство денег всегда хватало. А теперь она стала замечать, что деньги текут как вода.

— Второе нужно готовить с таким расчетом, чтобы не оставалось от обеда. Вы же видите, что Ирина и за ужином не может есть ваши разогретые битки, а вы еще и на завтрак детям вчерашнее суете. Я ничуть не хочу вас обидеть, но неужели вы не замечаете, что последнее время у нас безобразно много денег уходит на питание?

Раньше, бывало, праздничный стол всегда готовила Ульяна Михайловна. Валерия прибежит, только салат какой-нибудь особенный приготовит или торт украсить поможет — на это она была мастерица. А тут — гости подходят. Валерия вдруг говорит:

— Ульяна Михайловна, все, что нужно, я сама сделаю. Идите, пожалуйста, отдыхайте.

Ульяна Михайловна сначала не поняла, вышла в кухню и тут услышала, как Валерия с досадой говорит приятельнице:

— Боже мой, до чего же бестактная старуха. Почему ей нужно обязательно торчать в столовой, когда у нас люди?

Очень нехорошо получилось. Ульяна Михайловна ушла в свою комнату, легла, у нее от стыда за свою глупость под сердцем закололо.

Она выбрала подходящую минутку, когда ни детей, ни Вениамина Павловича не было дома:

— Не сердись, Валера, ты мне скажи: может быть, у тебя по работе что не ладится или не здорова ты? Вроде я тебе ничем угодить не могу...

— Зачем же мне угождать? — усмехнулась Валерия. — Это вы привыкли, чтобы мы вам угождали... привыкли, что мы перед вами должны на задних лапках ходить... Вы же в доме хозяйка... вы и детей воспитываете одна. А дети тоже не рады... Ирина уже несколько раз мне жаловалась, что вы мешаете ей заниматься. Ввязываетесь в ее разговоры с девочками... В конце концов — это Ирина комната, она уже не девочка... неужели вы не можете в кухне посидеть, чтобы не мешать детям? Алешей вы тоже помыкаете...

— Не ври! Не ври на детей! Стыдно тебе... стыдно... стыдно!

Впервые за семнадцать лет она сорвалась, впервые Валерия услышала ее иступленный крик, увидела искаженное, залитое слезами лицо.

Как-то вечером Валерии позвонил зять, старшей ее сестры Ангелины Сергеевны муж. Виктор Иванович просил отпустить Ульяну Михайловну подомовничать, Лина очень разболелась, а ему нужно срочно ехать в командировку.

Две недели Ульяна Михайловна ухаживала за больной, пока не возвратился Виктор Иванович. Домой летела на крыльях.

На звонок открыла Валерия, веселая, оживленная. По тому, как сразу потускнела она лицом, Ульяна Михайловна поняла, что не ее звонка ожидала Валерия и ничуть не рада ее возвращению. Только ребяташки обрадовались. Иринка, как котенок, потерлась щекой о ее щеку, промурлыкала на ушко:

— Ну чего ты так долго?!

Алешка чуть с ног не сбил, повис с разбега на шее, взвыл разбойничьим басом:

— Ура! Бабулинка пришла!

Шумную встречу оборвал окрик Валерии Сергеевны: — Алексей, прекрати сейчас же! Что за идиотизм! Тебе двенадцать лет, идите сюда!

Вот тогда впервые Ульяне Михайловне стало по-настоящему страшно. Она была лишней, ненужной в этой большой светлой квартире. Еще совсем недавно все здесь было своим, милым, привычным. Была семья. Выросшие на ее руках внуки. Нужно было по утрам вставать за час раньше всех, обо всех заботиться, хлопотать... Можно было поворчать, что вот никак не выберешь днем минуточки полежать, отдохнуть.

И ничего этого не стало. И без нее в квартире чистота, обед приготовлен, в шифоньере аккуратными стопками уложено без нее постиранное и проглаженное белье.

Дети подросли... теперь уже они не обуза, а помощники матери... Они — семья. Их четверо, а бабушка, выходит, пятый лишний. Да нет, какая там бабушка? Нянькой она была, кухаркой, прачкой... бесплатной домработницей. А к чему семье домработница, если хозяева в расцвете сил и дети уже взрослые?

Куда же теперь она?.. Избушку ту сношеница тогда же продала, давно уже в ней живут чужие люди. Брат старший, Никифор, в прошлом году заезжал на денек, звал к себе погостить... так ведь и сам уже старый, пенсия сорок три рубля... Поговорить бы все же с Венкой... Не слепой же он, сам видит, к чему дело идет. Так было уж один раз, сунулась она к нему, как он тогда обрезал:

— Увольте, ради аллаха, сами разберетесь. Только мне не хватало в ваших дразгах копать.

* * *

Да, Вениамин Павлович не выносил бабьих склок и сейчас, в это чудесное утро, досадливо отмахнулся от

неприятных мыслей. Уехала и уехала. Ее дело. Он еще немного понежился в постели, подождал.

Обычно после его длительных отлучек ребята, поднявшись утром, прибегали в ночных рубашонках в спальню, забирались к отцу под одеяло. Иринкина — правая рука, Алешкина — левая.

Сегодня ребят не было слышно. Взрослеют, что ли? Иринке шестнадцать, видимо, уже стесняется ласкаться по-ребячьи... А Алешка? Ах ты Алеша-булеха, обезьяна лохматая. Сестричкин хвостик, Иришкино зеркальце. Куда Ирина, туда и он...

За праздничным столом было непривычно тихо. Ирина сидит, вытянувшись в струнку, ох, хороша девочка растет, парням на погибель. Улыбается сдержанно на отцовские шутки, кратко отвечает на его вопросы о школьных делах. Подумать только, через пару недель — десятиклассница. А через год экзамены в институт...

Алеша сидит ссутулившись, исподлобья вопросительно косится на сестру. Вот он — этот самый трудный переходный возраст. Вчера — ребяташки, веселые, ласковые щенки, сегодня, ни с того ни с сего, — замкнутость, сдержанность, секреты какие-то...

Валерия поставила на середину стола блюдо слоеных мясных пирожков, разлила в чашки золотистый бульон. Румяная, оживленная... словно не замечает перемены в ребятах. Ну и хорошо. Ей-то лучше знать...

— Итак, давайте начнем семейную ассамблею... — Валерия окинула быстрым взглядом притихших ребят. — На повестке дня — лето. Алеша, видимо, поедет в лагерь «Соколенок», папе в тресте обещали путевку. Ну, а Ириночка на этот раз с нами в Ялту, как думаешь, отец, заслужила наша дочь?

Иринка нахмурилась и опустила глаза. Вениамин Павлович пригнулся к столу и, положив руку на плечо дочери, снизу заглянул ей в лицо:

— А дочерь наша милая чем-то недовольна... Что, солонушка, не весел?

Иринка не откликнулась на шутку, не подняла глаз. — Я нигде не поеду... Я первого выхожу на работу... в ботанический сад...

— На работу?! — смешливо изумился Вениамин Павлович. — Это что же, новый почин, что ли? Всей классной артелью?

— Никакой не артелью... Я сама. Мне нужны деньги...

— Ну-ну! — миролюбиво поддакнул Вениамин Павлович. — Деньги, конечно, всегда нужны... Но для чего, вот вопрос? Может быть, ты откроешь нам с матерью этот секрет?

— Никакого секрета... — она положила вилку на стол, прикрыла аккуратным треугольничком салфетки. — Просто я должна посылать бабуленьке тридцать рублей в месяц. Поработаю лето, ей на полгода хватит...

— Так... — Вениамин Павлович резко отодвинул тарелку. — Насколько мне известно, твою драгоценную бабуленьку никто из дому не гнал. Она сама не пожелала жить у нас...

— Подожди, Вена, не горячись... — спокойно прервала его жена. — Нам с Ирой давно нужно было объясниться. Я надеялась, что она одумается, и не хотела тебя волновать. В последнее время она и сама ведет себя нехорошо и Алешу настраивает. Она считает, что мы в чем-то виноваты перед Ульяной Михайловной... Я хочу кое-что напомнить детям...

Валерия Сергеевна могла в запальчивости накричать, поставить в угол, шлепков могла надавать под горячую руку, но никогда еще не говорила с детьми таким беспощадно-холодным тоном, никогда ее лицо не было таким чужим и жестоким.

— Если тебе не изменяет память, ты вспомнишь, Ирина, как ты сама неоднократно жаловалась мне, что

Ульяна Михайловна надоедает тебе своей воркотней, что, когда к тебе приходят девочки, она ввязывается в ваши разговоры, мешает вам заниматься. Были случаи, когда она выгоняла тебя и девочек из твоей комнаты...

— Ну и что же, что ворчала? Она скажет: «К ужину хлеба нет, сходи в магазин». А у меня девочки, мне не хочется, ну и... Потом, почему ты говоришь — моя комната? Это ее была комната, а не моя... она старая, ей отдохнуть нужно, а ко мне девочки придут, мы душим, орем...

— Хорошо! — резко оборвала Валерия. — А как она Алешу по голове ударила, вы думаете, мне это не известно?

— И ничуть она не ударила... — хмуро пробасил Алешка. — Один разок только стукнула по затылку... Она долбила-долбила: «Не лезь на тумбочку, не лезь на тумбочку...» А я полез и твою синюю вазу разбил... Ты бы мне дала за эту вазу! А она стукнула меня разок всего, а тебе сказала, что это она пыль вытирала и уронила... А ты на нее: «Не лезьте в мою комнату, не трогайте моих вещей, если у вас в руках уже ничего не держится...» И еще всякое... а она так и не сказала, что не виновата...

— Удивительные дети! — холодно усмехнулась Валерия. — Никакого самолюбия! На них кто-то орет, их бьют...

— Не кто-то, а бабуля, — тихо встала Иринка.

— Довольно! Поговорили... — резко оборвал Вениамин Павлович. — Алексей, сядь как положено... За столом сидишь. Повторяю: ее никто из дому не гнал. Уехала она по собственному желанию и уехала не куда-нибудь, а к своему родному брату...

— Дедушка Никифор сам бедный. — Ирина говорила тихо, как-то очень уж твердо и непримиримо. — И живут они трое в одной комнатухе...

— Это Ульяна Михайловна тебя информирует?

— Неправда! И ты сама знаешь, что неправда. Ты всегда читала бабулины письма и знаешь все, что она мне и Алеше пишет...

— Откуда же все эти жалобные подробности?

— Мне рассказала тетя Лина... — Иринка подняла голову и прямо взглянула в лицо матери. — Тетя Лина... Только ты не думай, что бабуля ей пишет, жалуются... Дядя Витя ездил туда в командировку и рассказал, как бабулины плохо жить... ведь у нее ни пенсии, ничего... ни копеечки нет своей... Кто-то же должен о ней позаботиться...

— Никто ей ничего не должен... — Вениамин Павлович произнес эти слова с расстановкой, подчеркнуто спокойно. — Повторяю третий раз: ее никто не гнал. Мы считали ее членом нашей семьи, относились к ней, как к близкому человеку. Вы называли ее бабушкой, хотя ты прекрасно знаешь, что она мне не мать, а тетка...

— Я знаю. Поэтому я и ходила в юридическую консультацию...

— Что?!

— Я хотела узнать законы... для бабули. Ну мне там все разъяснили... Если бы она тебя усыновила, когда взяла к себе... теперь ты должен был бы платить ей алименты... Или если бы вы оформили ее домработницей — она имела бы пенсию. А она не догадалась тогда, не подумала, что так все может получиться.

— Ну вот что... Ты начинаешь заговариваться... — Вениамин Павлович, с грохотом отодвинув стул, поднялся из-за стола. — Раз и навсегда я категорически запрещаю тебе, понимаешь? За-пре-щаю!

— Папа, не кричи на меня... — теперь она уже не прятала от него глаз. Бледная, вскинув подбородок, она смотрела ему прямо в лицо. — Через три дня я получу паспорт, и ты не сможешь мне запретить работать. Ты понимаешь... мне там еще сказали, что, если

старик не заработал пенсии и у него нет родных, которые обязаны его кормить, таким дают пособие... десять рублей в месяц... по безродности — понимаешь? По безродности... и еще есть такие дома... для безродных... Ну я лучше вам все сразу скажу. Я и зимой буду работать. Десятый закончу в вечерней школе. И в институт поступлю на вечерний или на заочное... Я все равно бабулю заберу сюда, потому что она не безродная... Мы с Алешей уже все обдумали...

И именно в эту минуту за их спиной раздался смех. Валерия стояла на пороге столовой с кофейником в руках.

Она смеялась звонко, искренне, заразительно. Ну можно ли принимать всерьез ребячьи выходки!

Лицо ее было безмятежно спокойно. Не было на этом свежем, красивом, холеном лице ни тревоги, ни гнева. И голос, только что холодный и жесткий, звучал сейчас смешливой теплотой:

— Нет, вы только послушайте этих мудрецов — они все обдумали! Господи, ну к чему этот нелепый разговор? Алеша, давай свой стакан. Да садись же к столу... разгорячились, наговорили чего не нужно... Тебе покрепче, папа? Ох, Ариша, Ариша! До чего же ты еще глупенькая девчонка... ни с кем не посоветовалась, ни в чем не разобралась и начинаешь выкидывать такие фортели — устраиваешься на работу, ходишь к юристам... позоришь папу. Неужели ты не поняла, что папу оскорбило бабулино поведение?

Подняв голову, Вениамин Павлович перехватил ее ласково-предостерегающий взгляд.

— Бабуля уехала, не поговорив, не простившись с папой. Она же и с вами-то не простилась, воспользовалась, что вы на каникулах гостили у тети Лины. Она могла обидеться на меня, возможно, в чем-то я была неправа, но ведь папа-то ее ничем не обидел? Вот он и хотел, чтобы бабуля поняла, что поступила неправильно. Конечно, мы будем посылать ей деньги. И, если будет нужно, папа сможет и комнату для нее получить. Я понимаю, она уже стара, ей нужен покой, отдельно жить ей будет удобнее. Она будет приходить к нам в гости, и вы сможете ее навещать, когда захотите.

Она ворковала, разливая кофе, раскладывая куски торта.

Вениамин Павлович, постукивая ногтем по подстаканнику, угрюмо слушал вкрадчиво-успокаивающее журчание.

— С папой и мамой нужно всегда быть откровенными. От них ничего нельзя скрывать, тем более нельзя что-то предпринимать без их ведома.

Вениамин Павлович хмуро взглянул на ребят.

Каким жалким и некрасивым стало лицо Иринки. Алешка слушал мать, приоткрыв рот, уже готовый к улыбке, но, покосившись на сестру, вдруг померк и опустил голову.

Они сидели рядом, нахохлившись, как воробьи под дождем. Нет, они еще ничего не умели скрывать. Отец одним беглым взглядом прочел отраженные на их лицах чувства.

Смятение и... стыд.

Он тяжело поднялся и пошел из столовой...

КНИЖКИ

Шла война...

Ник. Коротеев. ЗОЛОТАЯ «СЛАВА». Повесть. М., «Детская литература», 1969.

Трое немцев — пулеметный расчет — несут раненого советского командира-разведчика с немецких позиций в наши окопы. Роль санитаров они выполняют отнюдь не добровольно: их конвоирует с pistolетом в одной руке, с гранатой — в другой шестнадцатилетний разведчик Федор Макаров. Один солдат приводит трех «языков»! Случай небывалый. Сам генерал приходит в землянку разведчиков сообщить Федору, что он кавалер ордена Славы.

«Слава» — солдатский орден. Им награждают только рядовых, сержантов и старшин. «Слава» — боевой орден. Его можно заслужить только на фронте. За личный подвиг.

Макаров получил к концу войны три ордена Славы.

Не мальчишеская жажда славы и подвига, а более глубокие, патриотические мотивы определили его поведение на фронте.

Федор попал на войну в 14 лет. Партизанил, потом пошел в разведку. Его характер и личность сформировала война, и этот юноша, почти подросток, физически выносливый, сильный, с отличной реакцией и незаурядным умом, в совершенстве постиг искусство воевать; он был талантливым разведчиком, мастером своего дела. Тяжелое ранение стало для него трагедией не потому, что ему трудно было выносить боль, а потому, что разлучило его с фронтом, с разведкой.

Молодой литератор Николай Коротеев создал необычный, пожалуй не встречавшийся в других книгах и тем не менее психологически точный, характер человека на войне.

П. Иванов, С. Флигельман. ЯРЧЕ ЛЕГЕНДЫ. Повесть без вымысла. М., «Детская литература», 1969.

Ходила в тяжелые дни 1941 года по всему фронту легенда о загадочном танке, который ворвался в оккупированный Калинин. Танк прошел весь город с боем, нанося врагу серьезные потери, обращая его в бегство, и, невредимый, вернулся к своим. Даже опытные танкисты считали, что такое невозможно. Странной казалась цель этого рейда, невероятными — мужество и искусство экипажа (кстати, о нем ничего известно не было), необъяснимой — способность уцелеть в столкновении с тысячекратно превосходящим противником.

И только через двадцать пять лет, когда нашлись документы в военных архивах, была раскрыта тайна рейда. Оказалось, что живы были члены экипажа. Так же, как защитники Бреста, они не заявляли о себе, поскольку не считали, что заслуживают внимания. Сомнения исчезли. Подвиг С. Горобца, Ф. Литовченко, Г. Коломийца, И. Пастушина на самом деле был даже ярче, значительнее самой легенды. О нем рассказали калининские журналисты Павел Иванов и Семен Флигельман в короткой документальной повести.

Е. Федоровский. АСЫ НАЧИНАЮТ ВОЙНУ. (В сборнике «Мир приключений»). М., «Детская литература», 1969.

Повесть Е. Федоровского — увлекательный детектив с неожиданным концом. Предугадать развязку почти невозможно.

Известно, как гитлеровцы кичились своей авиацией, считая, что именно прославленный «Люфтваффе» принесет третьему рейху победу в войне за мировое господство. Искусство немецких асов, равно как и новейшие достижения германской авиационной промышленности, превозносилось сверх всякой меры. Концерны Хейнкеля и Мессершмитта еще до начала войны работали над созданием модели, которая должна была перевернуть всю авиационную технику. Но Хейнкель и Мессершмитт соперничали между собой. Наша разведка умело воспользовалась этим соперничеством: первые немецкие реактивные самолеты поднялись в небо лишь 14 мая 1944 года. Спасти Германию они уже не успели.

Деятельность двух могущественных концернов по созданию реактивного самолета тормозил, а иной раз сводил на нет один-единственный человек — Пауль Пихт, личный адъютант генерал-директора военно-воздушных сил Германии Удета. Он был так надежно законспирирован и обладал такой способностью к перевоплощению, что вездесущие ищейки СД (немецкая служба безопасности) не смогли его обезвредить. Даже читателям повести не приходит в голову, что Пихт — русский разведчик Павел Мартьянов.

Восемь лет живет он в Германии, не видя родных лиц, «играя в друзей» со своими врагами. Цена этих восьми лет — нечеловеческая усталость и мысль о том, что благодаря ему, Павлу Мартьянову, срок «страшной войны, которая не снислась ни одному поколению», сокращается. А каждый выигранный у войны день спасает жизнь тысячам людей.

1945

1970

ПОЭЗИЯ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ. Составитель Л. Лазарев. М., «Детская литература», 1969.

В этой книге собраны стихи о войне тех поэтов, что были солдатами и ушли на фронт со школьной скамьи, из вузовских аудиторий.

*Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!* —

пишет Давид Самойлов. В этих строках — принцип создания сборника и его главная мысль, общая для всех его авторов. А авторы эти — Николай Отрада,

Арон Копштейн, Константин Ваншенкин, Всеволод Багрицкий, Николай Майоров, Павел Коган, Юлия Друнина, Давид Самойлов, Евгений Винокуров, Михаил Кульчицкий, Всеволод Лобода, Михаил Дудин, Георгий Суворов, Леонид Шершнер, Семен Гудзенко, Григорий Поженян, Николай Фомичев, Михаил Львов, Александр Межиров, Булат Окуджава, Михаил Луконин, Сергей Орлов, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий.

И чтобы подчеркнуть нерасторжимость поэзии и жизни в страшные и великие военные годы, в сборник вводится документальный материал: отрывки из дневников Инны Константиновой и Нины Костериной, фронтовых записных книжек Василия Гроссмана, блокадных записок Л. Пантелеева и Веры Инбер, письма с фронта и из вражеского тыла — часто последние, предсмертные; военные донесения и сводки. Стихам каждого поэта предпослана краткая и почти всегда драматическая биография.

Это поколение предвидело и принимало свою судьбу. Оно вправе было сказать о себе:

*Свой добрый век мы прожили, как люди —
И для людей.*

Человек и его родина

В. Песков. ПУТЕШЕСТВИЕ С МОЛОДЫМ МЕСЯЦЕМ. Фотографии, обложка и оформление автора. М., «Молодая гвардия», 1969.

«О чем эта книжка? Коротко можно так сказать: о нашей стране, о нашей земле», — пишет Василий Песков, обращаясь к читателю. И дальше: «Сам я испытал жадность узнавания земли и хорошо понимаю, как важно помочь в этом тем, кто еще не имеет возможности далеко ездить и ходить».

Где только не оказываешься, путешествуя по страницам книги Пескова! Под Херсоном и на Курилах, в Прижевальске и Магнитогорске, в Ясной Поляне и на строительстве Усть-Илимской ГЭС, в нехоженых дебрях сибирской тайги и среди древних памятников Самарканда... Далеки и порой неожиданны пути, которыми идет читатель, следуя за автором книги. В самом деле, не многим из нас удалось бы добраться самим до тех мест, где со своим фотоаппаратом побывал Песков, познакомиться с людьми, которых он повстречал. А тут только еще возьмешь книгу в руки, лишь перелистаешь ее — и в памяти тесно от силуэтов горных хребтов, человеческих лиц, самолетов, взмывающих в небо, притаившихся птиц, убегающих оленей... Вот на этой странице и остановимся на минуту.

Олени в прозрачном зимнем лесу. «Воронежский лес» — называется глава, а к снимку подпись: «От шума винта олени быстро соединяются в стадо и бегут по тропе длинной цепочкой. Обычный объектив сохраняет картину такой, какой ее видят глаза...» Перевернем страницу. «...Но стоит поставить сильную оптику, и можно разглядеть любого оленя в отдельности». Это ко второму «оленьему» снимку, тоже сделанному издалека, с вертолета. Но олени здесь крупнее (для тех, кто не знаком с секретами фотографии, заметим, что это и есть результат применения сильной оптики). И не только это — на снимке олени и в самом деле видны в отдельности: по-разному испуганные шумом винта, каждый спасается по-своему. Только один миг их жизни здесь, но в схваченных фотообъективом движениях — намеки на характеры, которые у животных, как и у людей, далеко не похожи друг на друга. Незаметно это разве лишь для того, кто не захочет увидеть. Или не сумеет,

Умение видеть, всматриваться, понимать, пожалуй, не менее важно для узнавания земли, чем возможность ездить и ходить далеко. Научить человека этому — вот главное для автора книги «Путешествие с молодым месяцем». И тут Пескову помогает особый вид «сильной оптики» — его собственный живой интерес ко всему окружающему, постоянное ожидание прекрасного во всем: в душах и судьбах людей, в труде человеческих рук, в вечно меняющемся облике нашей природы, в тайнах, которыми полна жизнь лесного зверья.

«Не удивляйтесь, — пишет автор в начале книги, — не удивляйтесь увидеть рядом с рассказом о Красной площади и Магнитке фотографию горностая, снятого на Чукотке, оленей, снятых под Воронежем, древние постройки Хивы и ростовские колокольни. Для человека, любящего Родину, все одинаково дорого: Старое, Новое, Вечное».

Любовь к родной стране — вот что крепко-накрепко сплавляет воедино множество впечатлений и встреч, которые сливаются в одну — богатую, интересную и

значительную — встречу со страной; многочисленные снимки становятся ее портретом; налейдоскоп жизни делает книгу не пестрой, а лишь правдивой.

Идя по земле, Песков, которому «очень не хотелось, чтобы рассказ о стране был похож на человека в парадном, застегнутом на все пуговицы мундире», находит то задушевное, человеческое, без чего самый прекрасный снимок оставил бы нас холодными.

Афанасий Афиногенович Дмитрусенко, строивший Днепрогэс, живет теперь в Запорожье. «Мы сели с ним в трамвай и приехали на плотину. Афанасий Афиногенович проводит шершавой рукой по бетону и говорит о плотине как о живом существе. На плотине множество «родинок» и «царапин», знакомых этому старику. Это его ноги в резиновых сапогах месили бетон, и от его пальцев на бетоне застыли царапины».

Да, не все знают сейчас: бетон для днепровской плотины строители месили ногами. «Резиновые сапоги — и пошел! С песней месили...» — рассказывает Дмитрусенко.

Тому, что делают их руки, люди отдают и сердце. Сорок пять лет строит мосты Н. Г. Зингоренко, сколько всего их построил, уже и не помнит. Но несколько «своих» мостов ему не дано забыть. Например, мост через Дон под Воронежем, который строил в 30-м году. Через двенадцать лет, в 42-м, инженер получил задание взорвать мост ввиду приближения противника. «Саперов не было. Двоем с напарником ночью несли взрывчатку в мешках. Привязали мешки посредине пролетов... Над горизонтом стояло зарево, и мост мне показался в ту ночь очень красивым. Я глядел на часы и считал: вот сейчас, сейчас догорит шнур... А в 43-м мне пришлось восстанавливать этот мост». Такова участь мостов, добавляет от себя Песков. Мосты всегда разделяют судьбу народа. Переправу не оставляют врагу. А когда врага изгоняют, мосты поднимают в первую очередь.

Казалось бы, мост — что в нем такого? Еще вчера, торопясь, мы пробежали по нему. А сегодня оглянемся — ведь запали в сердце слова из книги Пескова, звучат они в душе: и большие мосты, и маленькие, в два бревна с березовым перильцем одинаково дороги нам, потому что мосты соединяют людей...

И тут мне хочется сказать: эту книгу надо обязательно прочитать детям. Есть вещи, которые нужно понять пораньше, потому что иной раз понять позже — поздно.

Сами дети тоже есть в книге. «Бабушка, а кто покрасил цветы? Бабушка, а что лошадка сказала своей дочке?» — спрашивает девочка. Сколько новых вопросов она задаст, если прочитать ей прекрасные странички из книги Пескова о жизни леса, рек, медвежонка, о «лошадках в пижаме» — зебрах заповедника Аскания-Нова!

Не всегда просто ответить на детский вопрос. «Пап, а зачем люди воюют?» — мальчишка идет по залам музея, где собрано оружие: скрепленные копы, расписные монгольские щиты, сабли и палаши, нынешние автоматические пистолеты.

Не найти человека, который не знал бы таких слов: Брестская крепость. Но что они включают в себя? Что выбрать из известного о подвиге защитников крепости? Слова на стене: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20 VII-41». Свидетельство немецкого генерала: «Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу...» Рассказ о... будильнике, найденном под обвалами крепости. Ему не суждено было прозвонить утром 22 июня. Помытые взрывом стрелки остановились в четыре часа.

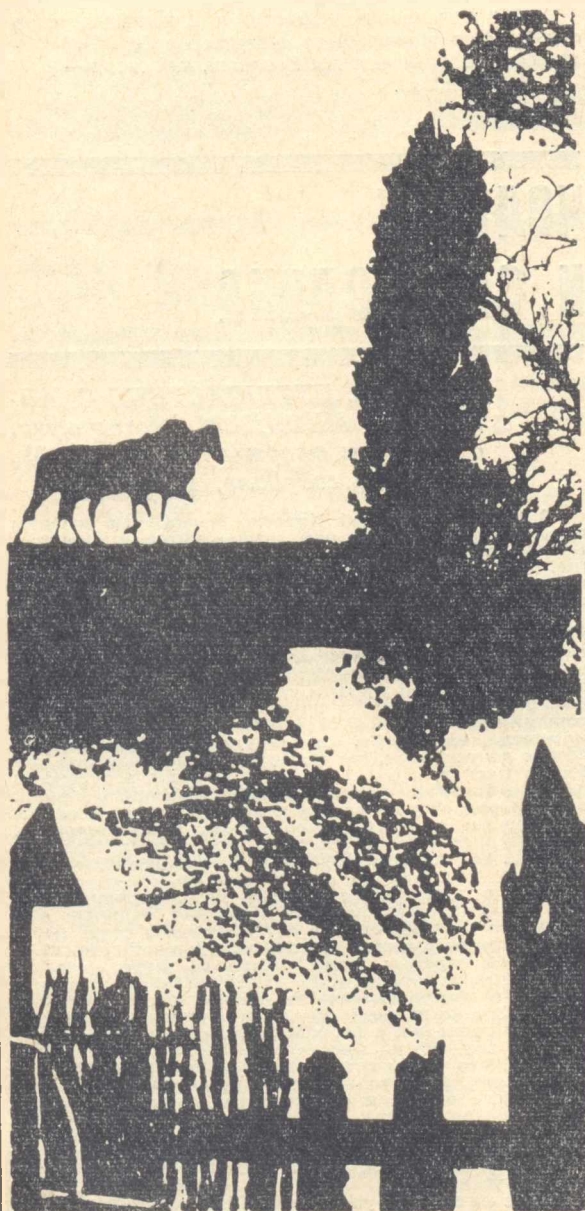
Не случайно странички о Брестской крепости следуют за очерком «Бежин луг», в котором встает такая мирная, такая тихая картина. Предвечерний луг туманится в долине. Кричат два коростеля, лениво наклоняются к траве телята... Мальчишки, выпросив автомобильный насос, накачивают камеру. «Они деловито по очереди сопели, пинали шину босыми пятками. И потом мы с бугра наблюдали, как мелькали в кустах белые головы и слышались звонкие шлепки ладоней по шине».

Наверное, и в тот день, когда взрывом смяло стрелки будильника, Бежин луг был таким же росистым, таким же пахучим... И такие же белоголовые мальчишки бежали босиком по траве...

Кого должен был разбудить в то утро будильник? И — не разбудил? Сколько жизней было безжалостно смято? Самое дорогое, что есть у человека, — это жизнь. Но сколько людей вело себя так во время войны, будто есть что-то, что еще дороже.

Поэтичная документальность, увлекающая познавательность талантливо написанной и не менее талантливо иллюстрированной книги Василия Пескова делают ее интересной и нужной всем читателям — без различия возраста.

Т. БАНГЕРСКАЯ

«Какое оно, море?»

«Среди книжек для детей было много таких, что Лешка не мог их дочитать до конца, — говорит Николай Дубов о герое своего романа «Горе одному». — В сущности, это были не книги, а сборники задачек по поведению, примеров того, что нужно и похвально делать детям и что делать нельзя и не похвально». Совсем иную позицию занимает сам автор книги.

«Какое оно, море?» — называется фильм, снятый по повести Николая Дубова «Мальчик у моря». Пожалуй, искусство, литература всегда, даже для самого «нежного» возраста, ценны тем, что позволяют человеку ощутить, «какое оно, море», — какая она, жизнь. Позволяют полнее воспринять радостное ощущение собственного существования, кровного единства со всем бурлящим вокруг миром. Называют по именам прежде не известные детям вещи и явления. Воспитывают жажду добрых дел и отважную тягу в дальние края. И они же суровым голосом искреннего друга предупреждают о трудностях, о возможности разлук и разочарований.

Уже в первых своих книгах для детей — «На краю земли» и «Огни на реке» — Николай Дубов, до этого писавший для театра, стремился говорить с читателями именно таким образом.

«Раньше река была для Кости местом, где купаются, ныряют с вышки, загорают, катаются на лодках и катерах», — говорится в повести «Огни на реке». Только попав к дяде-бакенщику, мальчик понимает, какая напряженная трудовая жизнь идет здесь, и с новым чувством смотрит с этих пор на «сверкающую гладь, голубую дорогу, которая теперь не кажется ему простой и легкой, но становится от этого еще прекраснее».

Однако впервые Николай Дубов заговорил «во весь голос» в романе «Горе одному», сначала напечатанном двумя отдельными книгами — «Сирота» и «Жесткая проба».

— Добрый, — говорят об одном персонаже в романе.

— А я? — с интересом спрашивает главный герой. — Не знаю. Ты, может, еще добрей... Только сердитый.

Это прямо как будто о самом авторе сказано! Ведь и он по-настоящему добр к людям (особенно когда они — дети, подростки, делающие первые шаги в жизни) и очень «сердит» на все, что им мешает, сбивает с дороги.

Вот герой романа «Горе одному» Лешка Горбачев, сирота, сбежавший от дядьки, оказывается на большой станции.

«На огромном пространстве во все стороны разбегались рельсы. Они пересекали друг друга, сплетались на стрелках, расходились снова...»

Лешка растерян, боится заблудиться в незнакомом месте. И автор рассказывает об этом с такой особенной интонацией, что мы понимаем: он думает не только о железнодорожных колеях, но и о разных жизненных дорогах, которые лежат перед неопытным героем и тоже «разбегаются во все стороны». Какую-то из них выберет Лешка?!

— Выходит, начинается теперь у тебя новая жизнь, — поучал сироту дядя Троша и в заключение посоветовал: — Приспосабливайся!

Приспосабливайся... Приспосабливайся к жизни, как ловкий ласковый телок, умеющий, по пословице, двух маток сосать: молясь старому-престарому богу — деньгам («грóшам», как говорит дядька), бесстыдно уверяй на словах в своей преданности тому новому, что вошло в нашу жизнь, искательски юли перед ним.

— ...Теперь, чтобы до грóшей достигнуть, надо завоевать доверие, — рассуждает дядя Троша. — А как его завоевать? Через слова. Значит, для этого слов жалеть нечего.

Неизвестно, что тяжелее могло изуродовать душу мальчика — мошеннические проделки дяди Троши со всем, что хотя бы ненадолго оказывалось ему доверено, или его циничный взгляд на людей, дела и слова.

К счастью, Лешке посчастливилось встретить других, настоящих людей, для которых «жить означало работать» (а не приспособливаться!). Потом он и сам вошел во вкус трудовой жизни.

Но путь к этому был сложен. Как будто предчувствием этого кажутся блуждания Лешки, очутившегося в приморском городке и захотевшего посмотреть завод (на котором впоследствии ему и привелось работать).

«В конце улицы — казалось, сразу же за домами — высились домны «Орджоникидзестали»... Они казались близкими. Лешка долго путался в незнакомых улицах, переулках...»

Так кажутся близкими горы, видные на горизонте. Но, как бы ни было трудно добираться до них, они высятся впереди, как ясная цель, не дают сбиться с дороги, все время напоминают о себе. И как бы порой незадачливо ни складывалась Лешкина жизнь, над ней всегда где-то высоким стражем его судьбы стоят домны «Орджоникидзестали». Оттуда, как с моря — зовущим вдаль ветром, — веет заманчивым воздухом труда и творчества.

— Что это у вас? Руки? Фитильки, брелоки! Может, вы думаете, что это у вас голова? Это клумбы для причесок! — весело и беспощадно отчитывает «заскучавших» обитателей детского дома, куда попал Лешка, инженер с «Орджоникидзестали» Вадим Васильевич.

В устроенной вскоре после этого мастерской ребята впервые приобщаются к настоящему, серьезному, профессиональному труду. И когда одна из воспитанниц, Кира, торжественно обновила старенький отремонтированный станок и изготовила на нем первую деталь, ребята «зачарованно поглаживали теплый кусок круглого железа и неохотно выпускали его из рук, потому что кто же не завидовал Кире и кому же не казалось, что он держит кусочек и своего будущего!»

Однако на самом деле от Праздника первой стружки до того момента, пока ты по праву займешь свое прочное место в трудовом коллективе, — дистанция огромного размера, и Николай Дубов полон желания предостеречь от опасных надежд, что ее можно одолеть с налету.

Описывая первые дни, проведенные Алексеем Горбачевым на заводе, автор романа не скрывает от нас ни того, как тяжело дались они недавнему школьнику, ни того, что эти впечатления резко расходились с его прежними, наивными представлениями о труде. И сосед по цеху, Василий Прохорович Губин, впоследствии оказавшийся ему и другом, и наставником, и защитником в беде, нисколько не торопится обнадеживать и утешать юношу.

— Привыкнешь — полегче станет, — говорит он, — а совсем легко не будет, нет. Легкая жизнь только у жуликов... покуда не прищемят.

Еще долго, даже втянувшись в строгий ритм ежедневного труда, Алексей не испытывал, однако, удовлетворения от него, не ощущал себя важным звеном в общей работе. Так было, пока «все сделанное уходило из поля зрения», пока в двух-трех простейших случаях он не убедился, что его труд уже воплощается во что-то вполне реальное, осязаемое, приносящее пользу: то в заново отремонтированный станок, как бы «воскресший» на его глазах (и, в частности, его усилиями), то в заводской паровозик, то в мостовой кран.

В Алексее Горбачеве возникает и растет гордость своей профессией, сопряженная с чувством собственной ответственности: разметчик деталей, он может своей ошибкой свести на нет всю последующую работу. Так труд начинает дошлифовывать складывающийся характер героя, вырабатывает у него «жесткую меру всего, что делал он сам, а потом и того, что делали другие».

И его конфликт с лучшим другом Виктором, а вернее, с людьми, у кого на поводу тот оказался, в этом смысле закономерно вытекает из жизненной позиции, которую занимает герой романа.

Совість Алексея Горбачева не может мириться с теми махинациями, которыми секретарь цехкома Иванычев обеспечивает Виктору высокие производственные показатели. Это ставит под угрозу весь честный и чистый мир труда, вносит в него несправедливость, разлагающую души людей фальшь.

«Добрые и сердитые» глаза писателя все время держат на мушке таких людей, которые из кожи вон лезут, чтобы выказать свою старательность и усердие, но это — всего лишь видимость.

Алексей наблюдает, как дядя Троша, работающий официантом, «помахал над скатертью мятым полотенцем так, что все крошки остались на месте». Точно так же суетятся, не принося ровно никакой пользы, Иванычев с сотрудником отдела кадров Гаевским.

Дважды сталкивается Алексей Горбачев с Гаевским, этим, по определению секретаря горкома партии Гущина, «трусливым болтуном, у которого за душой ничего, кроме шпаргалки». Особенно серьезно столкновение, изображенное в «Жесткой пробе».

Гаевский ловко воспользовался поступком Алексея, который написал поперек вывешенной в цехе «Молнии» о «достижении» Виктора: «Липа». Алексей верно оценил действия Иванычева как такую же мошенническую проделку, какими занимался дядя Троша. Другое дело, что протест свой он выразил скоропалительно и неумело, дал все карты в руки своим противникам, тут же объявившим его хулиганом и срывщиком «важного начинания».

И снова в Иванычеве и Гаевском проглядывает нечто общее с дядей Трошей.

— Да ты кто такой, чтобы решать, передовик он или не передовик?.. Ты тут хозяин? Твое мнение спрашивают? — гневается Иванычев.

И вспоминается, как дядя Троша возмутился нежеланием маленького Лешки, чтобы его увозили из родного города:

— Ты смотри — он не хочет! А кто тебя спрашивает, чего ты хочешь? Рот откроешь, когда человеком станешь, а пскуда ты не человек, а четвертушка.

«Когда человеком станешь» — это в устах дяди Троши совсем не означает простого «когда вырастешь», ни тем более «когда станешь достойным звания человека», а — в соответствии с его немуд-

реной философией — равносильно словам: «когда у тебя гроши будут».

Для Иванычева Алексей Горбачев, молодой рабочий, остается тоже чем-то вроде «четвертушки», мизерной цифиркой, которую ему кажется простым и необходимым сбросить со счетов. Ведь, по его мнению, «быть принципиальным — значит не считаться с личностью», если, конечно, она не занимает какого-нибудь заметного общественного положения!

Как бесконечно далеко «опытному руководителю» Иванычеву с его отношением к людям до молодого секретаря комсомольской организации Федора Копейки, который наивно, но честно стремится разобраться в случившемся, вникнуть в побуждения Алексея, понять их...

«Какой он руководитель, если не умеет подойти к обыкновенному парню?.. — корит себя Федор и тут же спохватывается: — Стоп! Что значит «обыкновенный»? Такой, как все? Все такие, как все, и все разные. Каждый по-своему. Если все будет для тебя на одно лицо, вот тогда ты действительно балаболка, а не руководитель. Человек отлично чувствует и понимает, как на него смотрят: как на человека или как на руководимую единицу. Никому не хочется быть единицей. Их нет. Руководитель — не значит решать задачки по арифметике...»

Сразу видно, что Федор Копейка — достойный наследник старых коммунистов, таких, как секретарь горкома партии Гушин и директор завода Шершневы. Он горячо и активно вмешивается в «дело» Горбачева, затеянное Иванычевым и Гаевским, хотя, если подходить формально, мог бы остаться в стороне: ведь Алексей — не комсомолец.

— На мне, понимаешь, дэ-эс-пэ не поставили, — отшучивается он, когда подруга Алексея по детскому, Кира, недоумевает по этому поводу. — ...Забыва, как ребята в учебниках отмечают? «До сих пор...» А мне интересно, что и за этим дэ-эс-пэ...

Опытные рабочие не поддаются на дешевую демагогию Иванычева. А вот Виктор попался на эту удочку. И вышло это совсем не случайно. Уж больно охота ему поскорее добиться успеха. Поэтому, когда Иванычев предлагает ему удобную дорогу «в передовики», сияние близкой, уже различимой славы настолько ослепляет Виктора, что он не только сам не в силах понять, верно ли поступает, но полон досадливого негодования на Алексея, который пытается его образумить.

И вот он уже говорит с друзьями чужими, готовыми «иванычевскими» словами:

— А чего тут думать? — сказал Виктор. — Живи, работай, и все.

— Как «живи»?

— Как все... Цель у всех одинаковая — строить коммунизм...

— Человек должен обо всем думать и за все отвечать, — увещевает его Наташа, подруга Алексея и Виктора еще со школьных лет.

— Больно много на себя берете, — недовольно отвечает «передовик».

Победа к Алексею и отрезвление к Виктору приходят не сразу: первому пришлось пережить увольнение с завода, второму — жесткий разговор с другом покойного отца Шершневым и самому выступить на собрании с рассказом о своей вине.

Так что же, быть может, все-таки, несмотря на все добрые побуждения автора, роман «Горе одному» — еще одна «задача по поведению», где Алексей — образец положительный, а Виктор — отрицательный, что молодые читатели и должны на носу себе зарубить?

Нет, читатели романа прекрасно ощущают, что вопросы, которые решают для себя герои, не чета экзаменационным билетам на школьный аттестат зрелости. Тут и взрослые, опытные и дотоле очень нам симпатичные люди вроде бывшего кумира детдомовской детворы Вадима Васильевича, порой «проваливаются», обнаруживают трусость, желание отойти в сторонку от разгоревшейся и острой борьбы.

Море — жизнь — серьезная штука... «Жить — это не просто!» — как говорит Василий Прохорович Губин.

В своей недавней повести «Беглец» Николай Дубов с равной серьезностью говорит о двух судьбах — умного, талантливого, давно сложившегося человека, архитектора Виталия Сергеевича, и совсем еще «пацана», второгодника Юрка.

Какое, казалось бы, может быть между ними сравнение?!

И все же слово «беглец» применимо не только к мальчику, который при драматических обстоятельствах в ожесточении и отчаянии покидает замученную, огрубевшую от ежедневной маяты мать и вечно пьяного, болтливого, хвастливого и ленивого отца.

В еще большей степени это слово относится к доброму и приятному Виталию Сергеевичу. Все завидовали ему и Юлии Ивановне, которые так уютно устроились на морском берегу, так нежны и внимательны друг к другу. Но после случайной гибели Виталия Сергеевича в море обнаружилось, что у этой идиллии была печальная и прозаическая подоплека: чужой в своей семье, Виталий Сергеевич горько наслаждался коротким счастьем с любимой женщиной, не решаясь сделать окончательный выбор.

— От своего долга никуда, брат, уехать нельзя, — сказал как-то он Юрке и «замолчал, стал думать о чем-то своем».

Смешно и самонадеянно было бы с нашей стороны решать, как следовало поступить Виталию Сергеевичу в сложившемся положении. Выражение «чужая душа — потемки» вовсе не означает, что в этой душе черным-черно, а всего лишь то, что у каждого человека — свой характер, свои взгляды, свои особые обстоятельства, в которых постороннему разобраться трудно. И ироническая поговорка «чужую беду руками разведу» метит как раз в тех, кто этого не понимает и все решает за другого категорично и просто, поскольку упускает из виду множество существенных, но не известных или не понятных ему частностей.

Другое дело, что попытка Виталия Сергеевича «бежать» от необходимости так или иначе решить важный вопрос своей (да и не только своей!) жизни не проходит даром ему и омрачает душу любимой женщины.

Есть у него на сердце и другой камень: ведь такую нерешительность, уклончивость он проявляет и в своей работе, и в отношении к жизни вообще. Раскритиковав пошловатые и неумелые картинки Юркиного отца, он честно признается себе, что он — молодец пртив овец, вроде этого неудачника, но пасует при столкновении с такими же в сущности ремесленниками от искусства, но уже пользующимися незаслуженной известностью.

Гибель Виталия Сергеевича в море в какой-то мере символична: он не справился не только с морскими волнами — с жизнью, и она захлестнула, поглотила его.

И вот маленький Юрка остается как бы один на один с этим бурным морем — жизнью. Смерть Ви-

талия Сергеевича обнажает всю невзрачность и горечь быта окружающих его людей: черствость деда, злопыхательство бабки и матери, низкие поступки отца, не постыдившегося пожить на чужой счет в столь трагических обстоятельствах.

Очертя голову мальчик тоже спасается бегством, полный уверенности, что ни за что и никогда не вернется домой. Но, когда это решение, казалось бы, бесповоротно созрело в нем, он узнает, что отец ослеп с перепоею. Потрясенный Юрка видит играющих на берегу младших братьев.

«На мелководье, расплескивая солнечные зайчики, взапуски бегали три крохотные фигурки. Пацаны... Теперь их тут и вовсе замордуют, затуркают. Будут расти, как бурьян, без призора... На мамке теперь все. А что она одна сможет».

С паразитической тонкостью Николай Дубов показывает в этом эпизоде изменение, происшедшее в подростке, его внезапное возмужание, какую-то почти отцовскую нежность к братьям, с которыми он еще недавно ссорился и дрался.

Тяжкий выбор, который совершает Юрка, оставаясь в семье, в известной мере ставит его выше Виталия Сергеевича, служившего для него предметом восторженного преклонения.

Это, пожалуй, не о Юрке, а о бедном «дяде Вите» может быть сказано, что он «бегал, бегал, а никуда не убежал».

Наверное, в те короткие минуты, когда Юрка решил остаться дома, когда он, как гласит последняя фраза повести, «повернулся и пошел к дому», он не только не произнес про себя никаких высоких слов, но даже не вспомнил услышанное им от Виталия Сергеевича: «От своего долга, брат, никуда уехать нельзя». И, однако, он следует именно велению долга.

Долг... То, что надо исполнить, то, чего нельзя не исполнить...

Виталия Сергеевича долг только тяготил, обременял, пугал.

Конечно, и Юрке придется очень несладко дома, с беспомощным отцом, который при встрече со старшим сыном ухватился за него, как захлебывающийся, тонущий человек, и с матерью, которой так трудно, и с мальчиками...

Но та ранящая нежность, с какой он смотрит на братьев, еще не понимающих, какая над ними страшная беда, заставляет нас верить, что в грубоватом Юрке таятся неизвестные ему самому залежи доброты и сердечности.

Похоже, что жизнь сулит ему не только суровые испытания, но и какие-то новые, обогащающие душу открытия, каким было для него многое во время знакомства с Виталием Сергеевичем.

«Не забывай долга — это единственная музыка, — писал замечательный русский поэт Александр Блок жене. — Жизни и страсти без долга нет».

Ну конечно же, Юрка не думает ничего подобного! Но инстинктивно он чувствует, что оставить в беде близких, презреть свой долг перед ними — значит нанести ущерб не только им, но и себе, переступить через что-то очень важное в своей собственной душе, «убежать» от самого себя, перестать быть собой, а сделаться таким юным расцветливим дядей Трошей.

Долг — это нравственная обязанность человека не только перед другими, но и перед собой, внутренняя потребность, необходимость сделать что-то для других, для людей, общества. Без этого он будет «не хозяином, а проживалой», чего бы ни коснулась его деятельность — людей или природы.

Он будет чувствовать себя тем «временным жителем», про которого говорится в повести «Небо с овчинку», где ребята впервые задумываются о своем долге перед родной землей.

— Временному ничего не жалко, на все наплевать. Он пожил, напакостил и укатил, — с горечью говорит бывший инженер Сергей Игнатьевич. И у слушающих его ребят зреет сознание, что это им «за все отвечать».

«Он шел, — говорится о герое повести Антоне, — и смотрел на кусты, деревья, скалы, застоявшуюся между ними глубокую черную воду, сверкающие на быстрине струи. Все это было его, их. Не в будущем, а сейчас. И не в будущем, а сегодня, сейчас нужно все это беречь и хранить от пустоглазых маклаков, хапуг, пакостников и хулиганов, которые не думают ни о чем, кроме себя».

Не кажется ли вам похожим это чувство Антона на то, с каким Юрка смотрит на своих братьев, смутно ощущая свой долг перед ними?

Николай Дубов сам жадно прислушивается и нас, читателей, заставляет расслышать, как в душах его героев все громче слышится драгоценная «музыка» долга перед людьми, обществом, Родиной.

Дети, подростки уже составляют часть общества. Это его будущее, которое уже началось.

Море — не только само по себе, могучая, грозная стихия, но и как образ жизни — важный «персонаж» почти всех последних книг Николая Дубова. Все новые и новые поколения восторженно замирают, увидев его в первый раз, и мечтают бесстрашно бороздить его неоглядный простор.

Так было. Так будет.

В романе «Горе одному» Алексей и Наташа приходят к зданию детской водной станции, где когда-то познакомились.

«Песок, как и тогда, перепахан босыми пятками будущих моряков. Уже чужими, не их пятками».

И с той же нежностью и заботливостью, как Юрка на своих младших братьев, смотрит на этих «будущих моряков» писатель Николай Дубов и старается помочь им стать настоящими людьми.

А. ТУРКОВ

недавно выпущено...

Вольперт И. Е. Первый человек. 2-е изд., испр. М., «Медицина», 1970. 80 с. с илл. 100 000 экз. 13 к. Докторский Я. Когда вам больше сорока. (Очерки о долголетии). Ставрополь, Кн. изд., 1970. 135 с. с илл. 50 000 экз. 45 к.

Жуков Ю. А. Люди 40-х годов. Записки воен. корреспондента. М., «Сов. Россия», 1969. 672 с. с илл.; 34 л. илл. 50 000 экз. 1 р. 90 к.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Аленушкины сказки. Худож. Л. Ф. Полстовалова. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1970. 103 с. с илл. 150 000 экз. 21 к. (Для дошкольников).

Понедельник В. Любовь моя, футбол. Ростов н/Д, Кн. изд., 1970. 191 с. с илл. 50 000 экз. 21 к.

Рассказ о твоём отце. Сост. Н. И. Усков. М., изд. ДОСААФ, 1970. 223 с. с илл. 65 000 экз. 73 к. (О героях войны, отстоявших для потомков великое право на жизнь).

Скандинавские сказания. Пересказал для детей Ю. Светланов. Рис. В. Андреевкова. Послесл. Б. И. Пурешева. М., «Дет. лит.», 1970. 239 с. с илл. 100 000 экз. 52 к. (Для детей среднего школьного возраста).

волшебный фонарь

В пятницу вечером младший член нашей семьи, четырехлетняя Наташка, начинает традиционный разговор: «Мам, а завтра выходной? А кино будет?» Речь идет о диафильмах. Это домашнее кино любит не только маленькая Наташа. Старшая моя дочь — школьница — всегда активный зритель и «киномеханик». Да и другие дети, соседи и приятели моих ребят, неутомимая ватага всех возрастов, радостно тащат стулья и табуретки, как только на стол ставится старенький фильмоскоп. Причем я не замечала, чтобы дети из семей, где есть телевизор, любили эти «киносеансы» меньше, чем мои «бестелевизионные». Телевизор обладает массой достоинств, которые мы здесь не беремся обсуждать. Но у него есть один существенный недостаток: полюбившуюся передачу нельзя по своему желанию повторить. У детей всегда есть любимые герои, любимые книжки, которые не надоедают разглядывать, перечитывать, слушать много раз. И точно так же не надоедает смотреть много раз любимые фильмы.

Художественных фильмов для детей выпускается до 100 в год. Есть черно-белые и цветные, есть даже озвученные. Много фильмов сделано по любимым детским книжкам, сказкам, стихам (как книжка с картинками, только большими, на стене), есть «просто кино» по сценариям, написанным специально для диафильма. Сняты все сказки А. С. Пушкина. Ожили десятки народных сказок. А вот вам «Айболит». Какой малыш его не любит! А вот целая серия прелестных, необычайно выразительных, полных юмора фильмов на стихи Бориса Заходера. Помните «Караул! На нас идет чудовище рыба Кот!»? Так вот, Кит и Кот — перед вами! И Тюлень, у которого шуба прохудилась, и многие, многие другие. А услышав в затемненной комнате взрыв хохота, я не ошибусь, если скажу, что дети смотрят «Приключения барона Мюнхгаузена».

Глядите, вот большая семья: строгий молчаливый папа, милая чуть усталая мама и 8 ребят — Марен, Мартин, Марта, Маус, Мона, Милли, Мина и малышка Мортен. Это герои книги норвежской писательницы Анны-Катарини Вестли. Когда они все вместе идут на прогулку, прохожие принимают их за маленькую демонстрацию. И спят они все вместе, расстелив на полу 8 матрацев. Это очень удобно: можно разговаривать и никто не упадет ночью на пол. Зрители с этим вполне согласны и даже немного завидуют им...

Помимо художественных студия выпускает множество чисто учебных фильмов — помощь учителю практически по всем предметам.

Кроме того, все время пополняется список научно-популярных и общественно-политических фильмов, лент об искусстве, литературе, живописи, архитектуре. Многие из них интересны не только детям, но и взрослым.

Вашему сыну, наверное, хотелось бы побывать на ракетодоме? И вам? Пожалуйста! Сегодня у нас кино «Под небом Байнонура». Хотите побывать на узеньких сказочных улицах старого Таллина А в Японии?

Десятки фильмов расскажут вам, а главное, покажут любимых писателей, артистов, художников.

В числе фильмов, предназначенных для детей, есть и многосерийные, напоминающие киножурнал. Одна из таких серий называется «На экране — глобус» и имеет подзаголовок «Отовсюду обо всем». Об этой серии стоит поговорить подробнее. Фильмы «На экране — глобус» не учебные, то есть не связаны непосредственно с теми или иными разделами школьной программы. Но познавательный материал они содержат громадный. В яркой, интересной и доходчивой форме авторы отдельных киноочерков знакомят ребят с разными уголками земного шара, с народами и странами, с животными и растениями. Каждый год студия выпускает 4 фильма, каждый из которых состоит из четырех самостоятельных очерков. Часто рассказы ведут бывалые люди, географы, путешественники, биологи — люди бродячих, увлекательных профессий, те, кому повезло всю жизнь удивляться миру. И это свое радостное удивление они несут ребятам.

Дети своими глазами видят новорожденного тюленя на льду Северного Каспия, и львов, спасающихся от африканского зноя в ветвях громадных деревьев, и города Бельгии с их «каменным кружевом», и отважных охотников народа Масаи, и плывущих басков с зеркалами на шляпах, и многое другое.

«Глобус» учит детей видеть интересное, удивительное в привычном. Так, в 1-м выпуске за 1968 год есть очерк под названием «Кто он?» и фото: необыкновенное, уродливое существо, похожее на вооруженного рыцаря с опущенным забралом. Пожалуй, можно испугаться! Но это же обыкновенный добрый знакомый любого ребенка — кузнечик! Только он снят с большим увеличением. Так вот как выглядит наш безобидный полевой приятель в глазах тех, кто меньше его!

В том же выпуске писатель И. А. Халифман рассказывает о рыжих лесных муравьях, лесных санитарях. Смотрите, ребята, смотрите, учитесь видеть, учитесь беречь мир, в котором живете.

Многие очерки в «Глобусе» посвящены животным. И это очень хорошо. Ребята попадают... на кухню. Раннее утро, но здесь уже вся кипит работа. Готовится завтрак на 3000 персон. И всем — разное. Это кухня Московского зоопарка. Вот они, его жители, — лежат, ходят, лазают, летают, ползают, плавают. И все идут еды. Все готово. Строгие ветеринары проверяют качество пищи. Ну, кушайте на здоровье! Ты, слон, получи 10 килограммов нашинкованной моркови, уже приготовили 22 килограмма рыбы, тебе, лакомна орангутанг, подан компот, а попугаю — свежие фрукты. А питону сегодня ничего. Он ест 2 раза в год. Правда, это интересно и вам, родители, а не только ребятам?

Через год, в выпуске I за 1969 год, журналистка Вера Северьянова рассказывает о том, как лечат животных, домашних, которые «живут в квартире с нами», и цирковых артистов, и питомцев зоопарка.

И еще одна, далеко не последняя, а вероятно, главная тема умно и мягко раскрывается в журнале «На экране — глобус». Это тема — братство людей всего мира. Просто и серьезно, с большим уважением рассказывают фильмы о разных странах, народах, городах и деревнях.

Далеко, в горной Индии, живет народ хунза. Живет он в тех же домах с плоской крышей без окон, как и много сотен лет назад. Не знают хунза ни автомобиля, ни радио. Но они не знают и болезней. Живут люди в этом краю по 120—140 лет, сохраняя бодрость, трудоспособность, стройную фигуру и молодую улыбку. В чем секрет этого? Пока никто не знает. Но сейчас в этот горный край отправляются ученые. Может быть, мы скоро узнаем чудесную тайну древнего народа.

А теперь мы в Африке, в стране Сьерра-Леоне, что в переводе означает Львиные горы. Это страна, где растут деревья канао. Но очень немногие жители этой маленькой страны пробовали его пить. Сьерра-Леоне недавно еще была колонией. Теперь свободной стране нужно очень многое сделать, чтобы вырвать свой народ из нищеты, невежества, болезней. И когда в кадре появляется новая школа и около нее играющие дети, наши ребята радостно улыбаются.

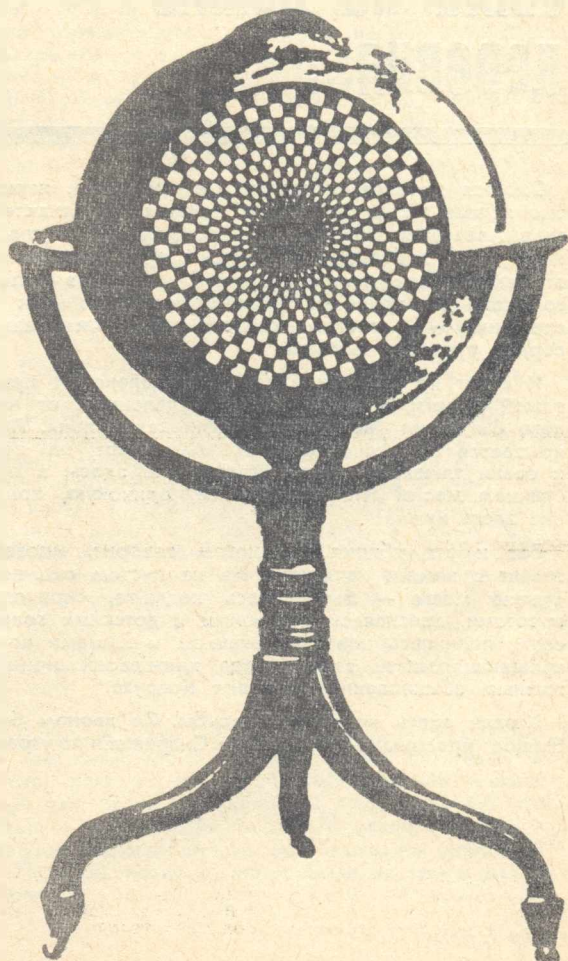
Во всех очерках отлично снятые кадры как будто вводят ребят в самую гущу жизни чужой страны, показывают повседневный труд и быт народа.

Смотрите, ребята, смотрите. Учитесь видеть. Учитесь беречь мир, в котором живете. Этой мыслью пронизаны все очерки, о чем бы не рассказывали фильмы этой серии.

«На экране — глобус» — журнал для школьников. Студия выпускает журнал и для малышей. Это юмористический журнал «Смешинка», цветной, веселый, сказочный.

Имеются серии фильмов-путешествий и многое другое, с чем стоит познакомиться детям и родителям.

С. ПЕЧУРО

ЖИЗНЬ

была на земле деревня...

Высятся древние, искрошенные временем, изрытые ядрами стены Псковского кремля. От этих стен гнал Александр Невский псков-рыцарей к бесславному для них берегам Чудского озера. Выдержали эти стены нападения и ливонцев, и шведов — что-то около ста тридцати кровопролитнейших войн и сражений, — о многом говорят они, эти стены, сердцу русского человека.

И стоит на Псковской земле, недалеко от проезжей дороги, в чистом месте, удаленном от какого бы то ни было жилья, одинокая яблоня. Покрывается по весне цветами, вызревают на ней к осени тяжелые плоды. Откуда она здесь, в пустынном месте? Кто посадил ее, одинокую, кому она здесь нужна?

Вот и эта яблоня о многом говорит, многое значит в памяти народной. Не на пустом она посажена месте — была здесь когда-то, скрипела воротами, плескалась девичьими и детскими головами, наполнилась конским ржанием и шумами возвращающегося на закате стада, жила своей мирною жизнью обыкновенная деревня Красуха.

Играли здесь по осени свадьбы. Со звоном бубенцов провожали масленицу. Снаряжали по утрам

ребятишек в школу — бегали они говорливыми стайками учиться в соседнее село. Весной и летом, осенью и зимой выходили люди на обычный крестьянский труд — изо дня в день, из года в год, как положено.

А потом началась война. Великая Отечественная. По этой вот дороге ушли на фронт молодые мужчины и парни. Потом пришли немцы. Хозяйничали так, как испокон веку хозяйничали оккупанты, доравнявшиеся до власти немалой кровью. Нет, не так, страшнее. «Ни в одной войне, — рассказывает нам диктор, — не брошено было таких чудовищных сил на уничтожение народа».

Жители деревни — все, кто мог еще носить оружие, — ушли в партизаны. Остались матери с маленькими детьми, старики. Жили в тяжелых предчувствиях, в съедающей душу тревоге. А по дороге, мимо затаившихся, темных изб шли и шли военные машины — чужие, враждебные.

И однажды взорвалась около деревни машина. Немцы озверели, стали хватать всех подряд. Всех жителей деревни — до одного. Многих расстреляли. Кого не расстреляли — сожгли живьем. Вместе с деревней. Вот и осталась наезженная дорога, чуть всхолмленная над пепелищем пустая земля. Осталась одинокая, чудом сохранившаяся яблоня вдали от какого бы то ни было жилья — яблоня-символ, каждую весну возвращающаяся к новой и новой жизни.

Имена, имена, имена плывут перед нами. Снизу вверх, снизу вверх, скрываясь за верхней кромкой экрана. 283 человека — все, кто был в деревне в тот злополучный день. Нина, Витя, Коля — это все дети. Сколько их! А за именами выплывают из темноты и вновь исчезают фотографии. Женщины. Дети. Опять женщины. Старики в кругу своих внучат. Опять дети. Семейные фотографии — двойники тех, что сгорели вместе со стенами деревни Красухи. Сложенные на коленях руки, чуть напряженные позы, спокойные и беспечальные в мирной жизни глаза...

И сидят на земле люди. Одна группа, поодаль другая, еще дальше — третья, четвертая. На всхолмленной, поросшей весенней травой земле. Что это — пикник? Нет, не пикник — лица людей, сидящих за скромной трапезой, невеселы; негромки и неторопливы их разговоры. Сюда, на место сгоревшей деревни, каждую весну приезжают родственники погибших, их оставшиеся в живых односельчане, их земляки. Садятся разрозненными группами на заросших пепелищах, тем, где стояли когда-то родные дворы. По старинному народному обычаю стаканом вина, тихим, уважительным словом поминуют ушедших.

А вот еще одна женщина — словно отделившаяся от всех и в то же время слитая со всеми в своем молчаливом раздумье. Мать, вернувшаяся на пепелище, где погибли дети ее, — так увидела когда-то памятник Красухе скульптор Антонина Усаченко. Таким и сделала его. Сидит пришедшая, по види-

мости, издали и устало опустившаяся на землю крестьянка. Скорбно задумалась. Не замечает в этом раздумье своем ничего — ни того, как летнее солнце печет едва покрытую голову, ни того, как заносит зимняя вьюга ее босые ступни. «Трагической и мужественной Красухе от земляков», — вот что высечено на седом граните.

Авторы фильма приводят зрителей и на открытие этого памятника. В толпе людей, стыдливо прячущих от киноаппарата неподдельную свою скорбь, автор выхватывает энергичное, волевое женское лицо. Это автор памятника. В глазах ее та же скорбь и та же душевная сила, что и у всех собравшихся, ничем не отличается она от них — ни одеждой издали пришедшего человека, ни строгой своей и сдержанной повадкой.

Вот тут и хочется сказать главное: в этом фильме очень много людей. И все они запоминаются надолго, долго живут с нами, и хоть видим мы их далеко не в лучшие, в трудные минуты их жизни, основное чувство, не оставляющее нас, — не чувство жалости, нет, но чувство огромного к ним уважения. Не стенами крепостными стоит и держится наша земля — вот о чем думаешь, когда смотришь фильм, — живет она этой вот силой духа народного, величавым достоинством и самоотречением, сдержанным этим мужеством, которым исполнены проходящие перед нами люди. Эти оставшиеся в живых. Эта женщина со спокойствием во всех чертах и навсегда сухими глазами: перед ней убили и сына ее, и дочь, и многих односельчан, но чудом осталась жива, единственная! И эта вот женщина-скульптор, такая похожая на нее, всем напряжением души запечатлевшая в граните народное горе. И бывший председатель Красухинского колхоза, вернувшийся с фронта на пустынное пепелище. И многие, многие другие. Хочется вспомнить слова Л. Н. Толстого: «Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей... в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства».

На этом бы и кончить. Но есть в картине сцена, которую нельзя обойти молчанием. Сидят в небольшом кинозале земляки и родственники погибших. Аппарат снимает их прямо от экрана, — то, как спокойно они рассаживаются, тихо переговариваются, кое-кто достает очки. А дальше начинается киносеанс: собравшимся показывают старую хроникальную ленту 1939 года — льноводы Красухи являются участниками Всесоюзной сельхозвыставки. Страшно смотреть в эти жадно устремленные на экран беззащитные лица: они узнают, узнают всех, помогают друг другу узнать, называют погибших. Невольные слезы, да, но и сейчас, в момент предельной обнаженности чувств, в этих сдержанных всплесках и приглушенных вскриках, — какая сила во всем и какое достоинство!

Многих унесла война. Страшные рубцы оставила в душах, ее переживших. «Не забывайте о войне, люди!» — вот о чем говорит этот беспокойный, тревожащий фильм. Глаза нашего народа сухи — как у этой матери, потерявшей своих детей, как у этого фронтовика, бывшего председателя колхоза, видящего сейчас на экране погибшую свою семью. Заросли травой, едва всхолмливаются опустевшие пепелища. Но жива наша боль, не иссяк гнев, кроветочит память наша, — так не допускайте же новых войн, люди!..

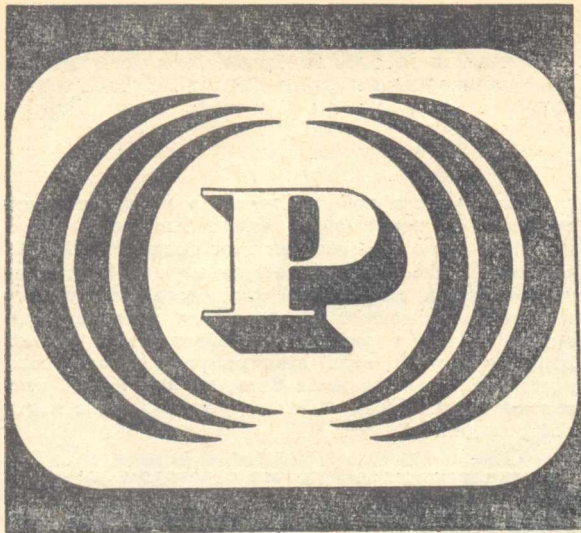
Фильм режиссера Русанова, о котором мы сейчас говорим, показывается, как правило, одновременно с другим фильмом — с фильмом режиссера Гелейна по сценарию Скорятина «Поле, на котором умер Валерий Воронин». Живет в этом фильме поле. Поле Великой Курской битвы. И есть в фильме председатель колхоза Андрей Борисович Попов, бывший артиллерийский капитан, которому довелось драться здесь же, недалеко от родного села, на полях собственного колхоза. Он и рассказывает нам о гибели своего заряжающего, 19-летнего паренька Воронина, умершего от тяжелой раны на руках командира. «Много я смертей видел, — рассказывает Попов, — до Берлина дошел, а гибели Воронина никогда не забуду...» Он рассказывает: «Помочь бы ему, но танки прут на нас, танки...» А на нас, зрителей, пока он говорит эти слова, во всю ширину экрана идут комбайны, комбайны, комбайны... На выжженном когда-то поле, четырежды переходившем из рук в руки во время войны, колосится от края до края пшеница, зеленеют завалившиеся по овражкам сады, тонут в садах веселые села. «Сколько таких восставших из пепла мест, — напоминает нам голос диктора за кадром. — Куликово поле. Бородино. Курская дуга...»

Только одно поставили бы мы этому, в общем-то неплохому, фильму в упрек: нет там людей. Нет даже того, заряжающего Воронина, о котором, казалось бы, столько говорится, — паренька из Сибири, жизнь отдавшего за то, чтобы вот так расцветала Белгородская земля. Ни разу не довелось нам взглянуть в чистые, мальчишеские его глаза. Очень хочется взглянуть пристальнее в людей, распахавших заново поле великой битвы, распахавших тот самый холм, на котором стояла батарея Попова, в людей, что поднимали из пепла села и города. И людей — таких же, что сидели в том кинозале с обнаженным страданием своим, — и были так просты и величественны, и мужественны, и достойны.

Пусть же снова и снова возвращается память наша к тем дням, когда все наши силы, всю нашу любовь, всю способность самоотречения, — словом, все, чем цветет человеческая душа, — самую жизнь свою и жизнь своих близких бросали мы на раскаленное горнило войны: чтоб выстоять, победить!

Помните, помните, люди: была на земле деревня Красуха...

Любовь КАБО

коапп. „репортаж о событиях невероятных“

М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Председатель и члены КООППа восседают за огромным пнем, покрытым, словно скатертью, зелеными листьями. В центре поляны — множество зверят. Они усердно что-то пишут. На краю поляны расположилась группа взрослых зверей, — по всей видимости, это родители зверят. Они ходят взад-вперед, переговариваются вполголоса между собой и, судя по всему, сильно волнуются.

КАШАЛОТ (торжественно). Дорогой Человек, взгляните, пожалуйста, на свои часы.

ЧЕЛОВЕК. Так... время истекло! (Кашалот звонит в колокольчик).

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ. Коапп, коапп, коапп!

КАШАЛОТ. Мартышка, соберите сочинения.

МАРТЫШКА. Сейчас, дорогой Кашалот... (Встает и направляется к зверятам). Дети, сдавайте сочинения! (Ходит по рядам, собирая сочинения).

СОВА. Ух ты — пачка-то какая толстая!

ГЕПАРД. В буквальном смысле «Собрание сочинений».

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. А у меня не готово!

РЫЖИЙ КОТЕНОК. И я не успел...

СТРЕКОЗА. Какие очаровательные котята — рыженький и полосатенький! Милый Кашалот, разрешите им дописать. Ну, пожалуйста!

КАШАЛОТ. Хорошо, Стрекоза, но только в виде исключения. Пусть дописывают, пока я произношу вступительную речь. (Торжественно). Мои юные друзья! Сейчас мы проверим знания, которые дали вам родители. Ведь именно они, и в первую очередь заботливые мамы, были вашими первыми учителями. Я хочу выразить надежду, что...

СТРЕКОЗА. Бедные дети, как много им пришлось заниматься! Вот нам, насекомым, не нужно учиться — мы как появимся на свет, так уже знаем — когда, что и как делать.

ЧЕЛОВЕК. И все же, Стрекоза, даже насекомых можно кое-чему обучить. Не так давно, например, ученым удалось выработать у гусениц тутового шелкопряда условный рефлекс на темноту: когда включают свет, гусеницы начинают быстрее выработывать шелковую нить.

КАШАЛОТ. А не могли бы ваши ученые, дорогой Человек, выработать у Стрекозы условный рефлекс... на меня?

ЧЕЛОВЕК. На вас, Кашалот?

КАШАЛОТ (грозно). Да, да, на меня — чтобы, когда я начинаю говорить, Стрекоза выключалась бы и замолкала. Каждый раз она перебивает меня в самом начале речи. Из-за нее я забыл, что хотел сказать.

ГЕПАРД. Вы хотели выразить надежду, уважаемый председатель, что все дети усердно занимались и научились находить еду, отличать врагов от друзей, прятаться, защищаться и нападать...

КАШАЛОТ. Да, да, защищаться и нападать... Спасибо, Гепард. Эти знания, дети...

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. Эй ты, Рыжик-пыжик, чего ерунду пишешь? Двойку хочешь заработать?

РЫЖИЙ КОТЕНОК. Это ты двойку схватишь! (Дразнится). Полосатый кот ходит задом наперед, написал поллиста, съел крысенка без хвоста!

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. Ах, так? Получай!

Полосатый котенок, выпустив когти, бросается на Рыжего, котятка сцепляются в шипящий, мяукающий, взвздошный клубок.

КАШАЛОТ. Драка на экзамене?! Какой ужас! А ну-ка, идите сюда...

РЫЖИЙ КОТЕНОК (всклипывая). Он разорвал мое сочинение на вольную тему... я так старался, а он...

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. А зачем он написал, что белые мыши положительные, а серые отрицательные и что серых мышей нужно ловить и есть! И еще он списал у меня название сочинения.

РЫЖИЙ КОТЕНОК. Неправда, я сам придумал название: «Моя первая мышь»!

ГЕПАРД. Кстати, сочинения Медвежонка, Волчонка, Лисенка и юного Койота называются точно также: «Моя первая мышь».

МАРТЫШКА. Неужели они списывали друг у друга?

ГЕПАРД. Нет, Мартышка, просто свои первые охотничьи упражнения все эти зверята выполняют обычно на мышах, — конечно, под руководством мамы. Мышь, если можно так выразиться, универсальное учебное пособие.

РЫЖИЙ КОТЕНОК. Я так и написал в сочинении: «Серая мышь — это учебное пособие».

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. Я тебе дам — пособие! Да я тебе за серых мышей знаешь что сделаю?!

КАШАЛОТ (звоня в колокольчик). Прекратите спор! А тебя, Полосатый забияка, мы в наказание проэкзаменуем первым и без подготовки. Выбирай билет!

Полосатый котенок прыгает на экзаменационный пень и берет один из разложенных на нем билетов.

КАШАЛОТ. Этот? Читай!

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК (читает). «Задача. Из пункта А в пункт Б бежит котенок. Обозначим его буквой К. Одновременно из пункта В в пункт Г бежит мышь, обозначенная буквой М». А какая мышь — белая или серая?

МАРТЫШКА. Ну, допустим, белая — это тебя устраивает?

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. Устраивает. (Читает дальше). «В точке О пути К и М пересекаются. Вопрос: доберется ли мышь до пункта Г?»

МАРТЫШКА. Так. Для доказательства нужна мышь. (Ищет глазами среди родителей и видит Мышь). Уважаемая Мышь, вас не затруднит еще раз послужить на ниве образования и пробежать отсюда вон туда?

МЫШЬ (направляясь к экзаменационному пню). Нет, не затруднит. Дело привычное.

МАРТЫШКА. Большое спасибо. Котенок, приготовиться!

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК. Да-а, сами говорили, что Мышь белая, а она серая, я ее ловить не буду!

СОВА. Как ребенка-то избаловали — срам! Вон мои птенцы — и за черную мышь спасибо скажут, а этому белую подавай. Да нешто это воспитание?

ПОЛОСАТЫЙ КОТЕНОК (единым духом). И никто меня не баловал, тетя Сова, я с серой Мышью вместе рос до четырех месяцев, она мой друг детства — не эта Мышь, правда, а другая, но все равно я серых мышей не трогаю, я их защищаю... от таких вот хулиганов, как этот Рыжий котенок. У-у, как дам сейчас! А вот белых мышей я сам научился ловить, по-честному, — я ни разу не видел, как взрослые это делают.

ЧЕЛОВЕК (смеется). Ты не очень-то нос задирай, полосатик! Твой рыжий товарищ тоже ведь научился ловить мышей самостоятельно, — правда, не белых, а серых, потому что он вместе с белой мышью воспитывался. Но вообще-то оба вы молодцы: доказали, что самые способные котята могут научиться ловить мышей сами.

МАРТЫШКА. Позвольте, позвольте, Человек, да разве котята должны этому учиться? Я была убеждена, что умение ловить мышей они всасывают с молоком матери.

ЧЕЛОВЕК. Раньше и многие ученые так думали, пока китайский психолог Го Цзин-ян не доказал в двадцатые годы, что котята не рождаются с готовым умением ловить мышей и крыс. Чтобы убедиться в этом, Го Цзин-яну пришлось поставить десятки опытов, в них участвовали сотни котят. Ему удалось даже воспитать котят, которые боялись мышей. Вообще, друзья, это очень сложная задача — выяснить, что животное умеет от рождения, а чему его обучили родители. Врожденные формы поведения так тесно переплетаются с приобретенными, что порой разделить их необычайно трудно. Иногда, чтобы выяснить это, животное растят отдельно от его сородичей, тогда оно ничему не может от них научиться. Но к сожалению, метод этот — его называют каспар-гаузеровским — не всегда помогает. Ведь кое-чему иные животные способны и сами научиться, вот как эти Рыжий и Полосатый котята.

МАРТЫШКА. Каспар Гаузер — это имя ученого, который придумал этот метод?

ЧЕЛОВЕК. Нет, Мартышка, Каспар Гаузер не был ученым. Так звали юношу с очень необычной и трагической судьбой. С самого раннего детства — примерно с полутора лет и до шестнадцати — он рос в одиночной тюремной камере, не видя других людей. Утром мальчик находил на полу камеры кувшин с водой и кусок хлеба. Убирали камеру тоже

когда он спал. Однажды ночью — это было в 1828 году — кто-то вывел его из камеры, посадил в карету, привез в город Нюрнберг и оставил на улице. Там и обнаружили его люди. В руке у юноши был конверт, а в нем записка с именем: Каспар Гаузер. Говорить Каспар не умел. Шесть лет прожил он с людьми. Его научили говорить, читать, писать, считать. Но однажды вечером юношу нашли в парке со смертельной ножевой раной в груди. Кто он такой, кому понадобилось продержат его почти всю жизнь в одиночестве, а потом убить — осталось неизвестным. Но своей короткой жизнью Каспар успел оказать науке великую услугу. Впервые ученым стало ясно, что человеческие формы поведения не врожденные: всему, что ребенок умеет — даже ходить, даже хмуриться и смеяться, — он может научиться, только общаясь с другими людьми. Теперь вы понимаете, почему метод изолированного воспитания был назван именем Каспара Гаузера.

КАШАЛОТ. Какая ужасная история!

ГЕПАРД. Совершенно с вами согласен, уважаемый председатель, но нам нужно продолжить экзамен: посмотрите, сколько зверят ждут своей очереди.

КАШАЛОТ. Да, да, дорогой Гепард, вы правы. (Звонит в колокольчик). Продолжаем экзамен! Кто хочет отвечать? (После паузы). Нет желающих?

МАРТЫШКА. Подождите, Кашалот, куда-то исчезли билеты. Я отчетливо помню, что они лежали вот здесь.

ГЕПАРД. В самом деле — ни одного билета. Загадочная история.

СТРЕКОЗА. А на них обезьяна рисует — вот там, позади комиссии... я уже давно смотрю.

Все поворачиваются и видят Обезьяну, самозабвенно рисующую на билетах.

КАШАЛОТ. Что-о?! Обезьяна рисует на билетах, и вы равнодушно на это взираете, Стрекоза?!

СТРЕКОЗА. Почему равнодушно? Я с большим интересом взираю — у нее так красиво получается!

КАШАЛОТ. Послушайте, обезьяна...

ШИМПАНЗЕ. Уважаемый Кашалот, у меня есть имя — Роза. И потом я не какая-нибудь простая обезьяна, а шим-пан-зе. Вы знаете, что такое шимпанзе? Это без пяти минут человек! (Нанекает). Пять минут, пять минут, разобраться если строго, даже в эти пять минут можно сделать очень много...

ГЕПАРД. Милая Роза, разрешите взглянуть на ваше творчество... М-да, действительно, за пять минут можно сделать очень много, — например, безнадёжно испортить все билеты.

КАШАЛОТ. Послушайте, «без пяти минут человек», как это вам пришла в голову мысль — рисовать на экзаменационных билетах?

ШИМПАНЗЕ. Вы лучше спросите, Кашалот, как мне вообще пришла в голову мысль рисовать. Это была гениальная идея!

МАРТЫШКА (*тихо, как бы про себя*). Обезьяна-художница, да еще гениальная — да это же блестящая тема для очерка «Знай наших!» (*Гроико*). Скажите, милая Роза, а как у вас родилась эта идея?..

ШИМПАНЗЕ. Мне тогда было всего пять лет. Однажды в лаборатории, где я работаю, я обнаружила на столе лист бумаги и карандаш. Я их тогда увидела впервые. Подозреваю, что их подложили нарочно... А что делает шимпанзе, когда видит новые предметы?

МАРТЫШКА. Да, да, что она делает?

ШИМПАНЗЕ. Она их исследует, чтобы узнать их свойства. Поэтому бумагу я скомкала, намочила в поилке, а потом изжевала.

МАРТЫШКА. Одну минуточку, я запишу (*достает блокнот и авторучку*). Так: «Намочила в поилке, а потом изжевала».

ШИМПАНЗЕ. Запишите еще Мартышка, — и карандаш разжевала. Но на следующий день на столе опять были бумага и карандаш. Что я только с ними не делала! Заворачивала карандаш в бумагу, стучала им по столу, ногти им чистила, чесаться им тоже очень удобно...

МАРТЫШКА. Минуточку... (*Записывая*). «Чесаться им очень удобно».

ШИМПАНЗЕ. И вот как-то раз я случайно провела отточенным концом карандаша по бумаге, увидела линию — и с тех пор меня от рисования не оторвешь. Хотите я и вас научу? Карандаш надо держать вот так: между указательным и средним пальцами, а большим прижимать. Это я сама научилась. Двигать следует только кистью руки — так рисовать намного легче, поверьте моему опыту: когда двигаешь всей рукой, очень устаешь. Смотрите, какие сложные линии получаются, а вот это их копии. Видите? Чужие рисунки я не умею и не хочу повторять, зато свои собственные воспроизвожу совершенно точно. Люди говорят, что я талант.

МАРТЫШКА (*записывая*). «Люди говорят, что я талант...»

ШИМПАНЗЕ. Мою подругу Ладу пришлось специально учить рисовать — сама она так и не догадалась, для чего нужен карандаш — шестьдесят уроков с ней провели, пока поняла. А Красавицу так и не смогли научить: говорят, она пропустила наилучший возраст для обучения — ей тогда было уже восемнадцать лет. Какая жалость — кончились билеты! На чем бы вам дать урок рисунка? Мне нужна плоская поверхность... Ага, вот эта подойдет!

Роза усаживается на хвосте Кашалота и начинает водить по нему карандашом.

КАШАЛОТ. Рисовать на моем хвосте?! Да за это полагается...

ШИМПАНЗЕ (*продолжая невозмутимо рисовать на хвосте*). Нет, нет, Кашалот, за это ничего не возьму — я рисую только из любви к искусству!

МАРТЫШКА. Минутку, не так быстро... «Из любви к искусству».

ЧЕЛОВЕК (*смеется*). Могу это подтвердить: ученые, проводившие опыты с Розой, даже особо отметили, что она рисовала не ради вознаграждения, а для удовольствия — ведь за свое творчество она не получала ни бананов, ни других лакомств.

КАШАЛОТ (*в ярости*). Зато сейчас она получит сразу за все свои художества! И вы, Мартышка, еще записываете каждое ее слово... Итак, экзамен прерван. Чем прикажете заняться, пока Птица-Секретарь подготовит новые билеты? Отдыхать? Развлекаться?

ГЕПАРД. Можно, чтобы не терять времени, провести собеседование о выборе профессии.

КАШАЛОТ (*остывая*). Мм... пожалуй, Гепард, это выход. (*Обращается к зверьям на поляне*). Юные друзья мои! Сдав экзамены, многие из вас захотят продолжить образование. У нас, ваших старших товарищей, вы вправе спросить совета: куда пойти учиться? Выбор у вас самый широкий... (*тихо*). Ммм... какой же у них выбор? Мартышка, дайте мне справочник для поступающих в учебные заведения.

МАРТЫШКА. Справочник обещал составить Удильщик, но его сегодня нет.

СТРЕКОЗА. Наверное, он еще не успел посетить все эти учебные заведения.

КАШАЛОТ. Ах, не успел?! Только я должен все успевать, за всем следить, все предвидеть, все проверять... Совсем распустились! Довольно! Я не намерен больше терпеть бездельников! Разжалую, понижу в должности... (*Кашалота неожиданно накрывает опустившееся откуда-то сверху громадное полотно, но председатель продолжает глухо и неразборчиво бубнить под ним*).

ВСЕ (*в изумлении*). Что это? Что такое?!

СТРЕКОЗА (*радовано*). Какое красивое шелковое покрывало! И какое огромное! Нашего Кашалота целиком накрыло!

МАРТЫШКА (*передразнивая*). «Покрывало»... Вы что, не видите — это же парашют! Откуда он свалился?

ГЕПАРД. С неба, естественно...

МАРТЫШКА. Но ведь отдельно парашютов не бывает — на нем, наверное, что-нибудь опустилось... Сейчас я приподниму этот край...

Мартышка поднимает край парашюта, и все видят серебристое тело ракеты.

ВСЕ. Ракета!

СОВА. Гляньте-ка, дверца открывается!

Из открывшегося люка с победоносным видом вылезает Удильщик.

УДИЛЬЩИК. Привет и, так сказать, воздушный поцелуй!

ВСЕ. Удильщик!

УДИЛЬЩИК. Да, это я — собственный корреспондент КОАППа на море, а теперь, как видите, и в воздухе.

СТРЕКОЗА. Вы сами управляли этой космической ракетой, да?

УДИЛЬЩИК. Это не космическая ракета, Стрекоза, а почтовая — почту доставляет, понимаете?

МАРТЫШКА. Подумать только, какой прогресс — почту в КОАПП уже доставляют ракетами!

УДИЛЬЩИК. Увы, всего лишь почту — никакой романтики...

ГЕПАРД. Не скромничайте, мой друг, мы жаждем услышать о ваших подвигах...

УДИЛЬЩИК. Потом, потом, друзья, сначала скажите: где мой обожаемый председатель? Я его не вижу среди встречающих.

СОВА. Сейчас и увидишь, и услышишь... он тебя так встретит — век помнить будешь. Ну-ка, Мартышка, помоги с председателя парашют стянуть.

Коопповцы стаскивают с Кашалота парашют. Гневный голос председателя КОАППа снова загрел в полную силу.

КАШАЛОТ (продолжая разнос Удильщика)...
И уволью за нарушение трудовой дисциплины!!!

УДИЛЬЩИК. Правильно, наш мудрый руководитель! А кого вы собираетесь увольнять?

КАШАЛОТ. Вас! Извольте немедленно представить объяснение о причинах невыполнения задания по составлению...

УДИЛЬЩИК (перебивает). Вы имеете в виду справочник для поступающих? Вот он... Причем учтите — все перечисленные здесь учебные заведения я посетил лично!

СТРЕКОЗА. Да, да, он лично... и он так спешил, что даже прилетел в почтовой ракете!

КАШАЛОТ (остывая). В ракете? Хм... Ну, ладно, давайте ваш справочник. (Берет у Удильщика справочник, читает). «Школа служебного собаководства, курсы лабораторных животных... учащиеся обеспечиваются бесплатным питанием и общежитием», так... «академия цирковой дрессировки, студия животных-киноактеров»... А это еще что? «Учебный голубиный центр готовит контролеров...» Каких еще контролеров?

ЧЕЛОВЕК. Очевидно, голубей там обучают контролю качества изделий, например стеклянных: голубь сидит у конвейера, и, если он видит в стекле трещинку или пузырек, он замыкает клювом контакт, а специальный механизм сбрасывает изделие в ящик для брака.

ГЕПАРД. Как говорится, брак мой — враг мой.

УДИЛЬЩИК. Да, да, я это видел собственными глазами! Мне сказали, что такой контроль дешевле и, главное, надежнее обычного — голуби обнаруживают такие дефекты, заметить которые люди не в состоянии. Но вы читайте дальше, дальше — кого еще готовит голубиный учебный центр!

КАШАЛОТ (переворачивает страницу). Что-о?! Голуби — пилоты ракет?! Ну, знаете...

УДИЛЬЩИК. Не верите? (Поворачивается к ракете). Голубь, выходите, голубчик!

Из открытого люка ракеты выпархивает Голубь и садится перед коапповцами на пенёк.

УДИЛЬЩИК. Смотрите все: выпускник факультета ракетовождения. Прошу любить и жаловать!

МАРТЫШКА (хохочет). Собаки, обезьяны, мыши, даже черепахи, которых люди посылали в космос, тоже могут сказать: это мы, мол, управляли ракетой!

УДИЛЬЩИК. Ах, вы опять не верите? (Забегает в ракету и через несколько секунд возвращается с портативным магнитофоном, который ставит на пенёк рядом с Голубем). Вот вам доказательство: здесь подлинная магнитофонная запись! Включайте!

ГОЛОС УДИЛЬЩИКА (на фоне шумов). «Я захожусь в отсеке управления ракеты. До старта осталось пять минут. Рядом со мной молодой пилот — выпускник голубино-го учебного центра. Это вихрастый голубок со смысленным взглядом круглых пронзительных глаз. Сейчас ему предстоит совершить первый в его жизни самостоятельный полет, но он абсолютно спокоен, хотя и сильно волнуется. И это понятно: ему, простому голубю, доверили сложную технику, управлять которой его обучили в течение всего нескольких часов. Невольно возникает вопрос: неужели это возможно? Да! Я был в учебных классах, видел, как голуби часами пристально наблюдали за экранами обучающих машин... Как только на экране появлялось светящееся пятно, голубь клевал его, замыкая таким образом контакт, при этом открывалась кормушка с зерном — своего рода отличная оценка выполненного задания. Здесь, в кабине ракеты, точно такой же экран, но

кормушки тут нет, она нужна только для обучения...

Слышится голос из громкоговорителя: «Внимание, начинаю отсчет... Пять, четыре, три, два, один... Пуск!» Оглушительный рев ракетного двигателя.

ГОЛОС УДИЛЬЩИКА (старается перекричать рев двигателя). Вот сейчас мы начинаем подниматься... лети-им! (Шум уменьшается). В левой части экрана появилось светящееся пятно — это сигнал ошибки курса: ракета уклонилась влево. (Раздается громкий щелчок). Слышали щелчок? Это пилот клюнул пятно, замкнув при этом контакт системы поворота рулей. Курс выправлен!.. А сейчас пятно появилось справа (щелчок)... Клевоч — курс снова выправился... Голубь клюет экран то слева, то справа, безукоризненно выдерживая курс! Дорогой пилот, скажите что-нибудь нашим слушателям (громкий щелчок). Он клюнул микрофон. Что ж, этот жест красноречивей слов! Но что это? Движение прекратилось... Ага — над нами раскрылся парашют! Мы опускаемся... неужели прилетели? Наконец-то я увижу нашего любимого председателя, вдали от которого чувствуешь себя сиротой...

Запись кончилась, Удильщик выключает магнитофон.

КАШАЛОТ (растроганно). Да, да сиротой... Прекрасный репортаж, Удильщик... Ну, а если бы голубь вдруг забыл клюнуть экран? Или отвлекся бы и не заметил пятна? Ракета полетела бы не туда, и... страшно подумать: вы бы навсегда остались сиротой!

ЧЕЛОВЕК. Нет, дорогой Кашалот, эта печальная участь не грозила Удильщику. Во время одного из экспериментов по обучению голубей пятно на экране появлялось на протяжении пяти часов семьдесят три тысячи раз, и представьте — голубь не пропустил ни одного и ни разу не ошибся. Живые организмы несравненно надежнее технических устройств — именно надежность инженеры и хотя в первую очередь позаниматься у созданий природы.

КАШАЛОТ. Слышите, коапповцы? Вы, создания природы, должны быть надежными помощниками. Птица-Секретарь, экзаменационные билеты еще не готовы? И после этого говорят о надежности... Закрываю заседание КОАППа!

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ. Коапп, коапп, коапп!

ЛЕСНЫЕ ТРОФЕИ

Теперь на многих выставках можно видеть работы из лесных природных материалов. Среди них — фигурки из корней: сказочные звери, лесовики, русалки. Многие любители используют лесные дары для изготовления предметов домашнего быта.

Для работы в лесу необходимы небольшой топорик, ножовка и нож. Инструмент должен быть хорошо заточен и зачехлен.

Материал, из которого создаются дикийвинные фигурки, — это раскорчеванные пни и коряги. Их вы найдете на берегах рек и озер, в осыпях и оврагах или у болот после разработки торфа. Пригодятся и гнилые пни, напоминающие ажурные пещеры. Остановившись у пня, внимательно присмотритесь к каждому изгибу корней. Найдя что-нибудь интересное по форме, топориком осторожно отделите нужный кусок. Очистите его от земли и мусора.

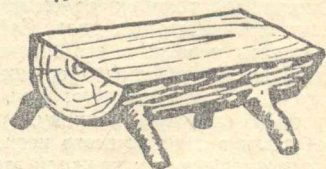
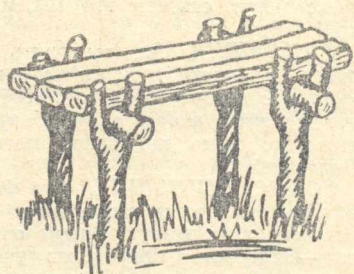
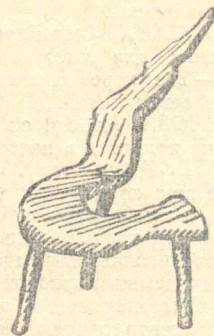
Дома еще раз осмотрите находку. Ножом обрежьте лишние части, снимите кору (если она не нужна) и приступите к отделке. Готовое изделие устанавливают на подставку — древесный гриб или подходящего цвета твердый кусок коры.

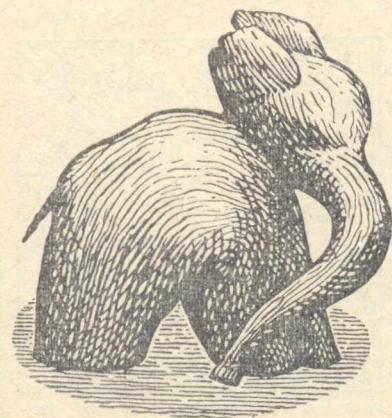
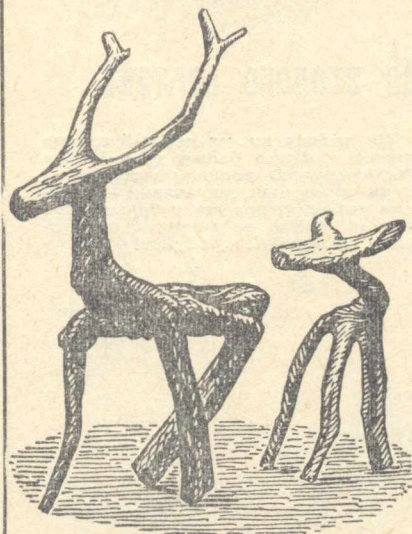
Иногда древесный обломок совершенно без изменений представляет законченную фигуру. Однако чаще приходится «доводить» находку — подрезать лишние или добавлять отдельные детали, заделывать трещины.

Из накопленного лесного материала вам придется не один раз перебрать и примерить отдельные корешки и ветки для нужной детали. Даже очень удачные из них могут оказаться малополезными. Одни из них не будут отвечать фактуре или строению основного корня, другие — мало удобны для соединения. Всегда стремитесь к соответствию всех частей, добиваясь цельности вещи.

Бывает так, что найденный корень своим строением мало напоминает реальный образ, но причудливость строения его рисует нам то замысловатое сказочное существо, то фантастические цветы. Под прозрачной отделкой эти находки особенно привлекательны — тогда цвет и текстура дерева приобретают насыщенность и красочную декоративность.

Иной раз древесный корень приходится обрабатывать резьбой. Разница фактуры необработанных частей дерева и резьбы усиливает впечатление, раскрывает новые возможности использования природных качеств дерева. Однако всегда надо учитывать форму корневища: можно дополнять,

ЛЕСНЫЕ ТРОФЕИ

углублять задуманный образ, но не пытаться создать объемную резную скульптуру, иначе ничего не останется от причудливой игры самой природы.

В зависимости от строения и толщины корня применяют различные способы соединения — просверливание буравчиком отверстия в одной части фигуры и изготовление шипа того же диаметра в другой и соединение их на клею, высверливание отверстия в двух частях и соединение их штырем (круглая палочка) из твердой породы дерева, на клею. Хорошо между частями проложить марлевую прокладку, обильно смоченную клеем. Соединенные части перевязывают шпагатом или зажимают струбцинкой. В таком виде их держат не менее суток. Для работы пригодны столярный клей, казеиновый, БФ-2.

Перед отделкой изделие тщательно очищают, чтобы в порах не осталось песка.

Если хотят получить более темный цвет, чем естественный, то изделие красят. Промышленные красители удобны тем, что всегда указан цвет, оттенок и группа.

Прежде чем приступить к окрашиванию, изделие протирают чистой тряпкой, смоченной теплой водой. Это значительно ускорит процесс морения и даст более ровную окраску на торцах и срезах корня. Красят щеткой или кистью. После крашения изделие протирают сухой тряпкой. Неровности в окраске, потёки осторожно, без большого нажима удаляют шкуркой.

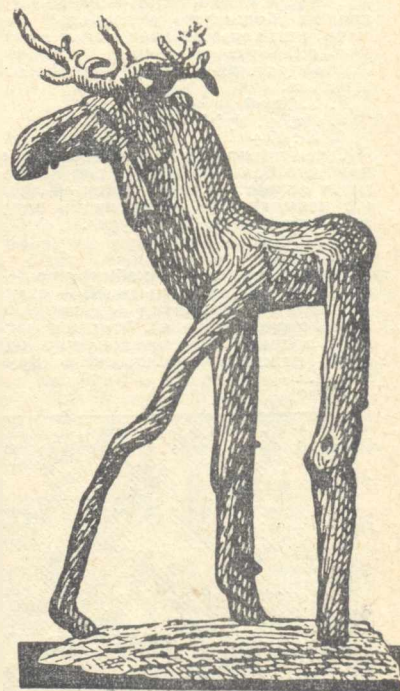
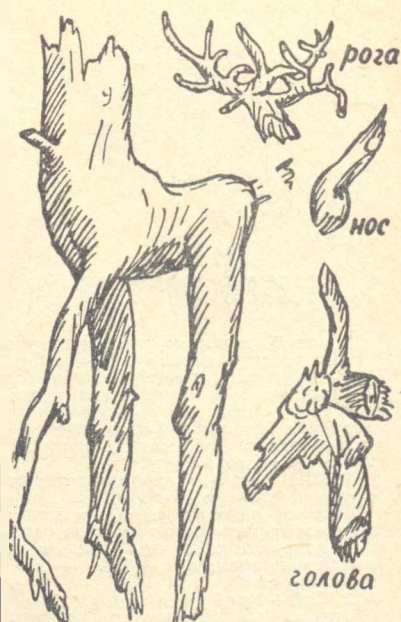
Лучше всего прозрачная отделка. Она хорошо выявляет цвет и текстуру дерева, предохраняет его от разрушения под действием света, воздуха и влаги. Поверхность покрывают лаком или воском, иногда пропитывают олифой.

Светлый масляный лак наносят щеткой и кистью. Если после просушки глянец на поверхности окажется слабым, то изделие покрывают лаком вторично. Густой лак разводят скипидаром и подогревают смесь в горячей ванне.

Восковая отделка в отличие от лакирования имеет более матовый оттенок. Для получения хорошего состава берут одну часть воска, нарезанного мелкими кусочками, и расплавляют его. Затем добавляют две части скипидара. Полученный состав наносят марлей. Через сутки, когда высохнет скипидар, изделие натирают щеткой, а потом тряпкой до появления восковой пленки.

И. ЛЯМИН

Художник А. Максимов

Отдел ведет заслуженный тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

В арсенал новичка

В этой позиции материальное преимущество на стороне черных. Но их король лишен пешечного прикрытия, а в таких случаях атака вражеских фигур становится особенно опасной. Вот и здесь — белые могут осуществить выигрышную комбинацию.

1. Лh8+! Белые жертвуют ладью с целью завлечь короля на поле h8, после чего их слон, не давая черным передышки от шахов (или, как говорят, с темпом), занимает важную диагональ a1—h8.

1. ... Кр: h8

2. Сb2 + Крg8

Теперь подilyчается вторая ладья:

3. Лq7+! Крh8

4. Л: d7 +

Вот для чего нужно было занять слонем большую диагональ! Теперь, как только белая ладья отходит, она открывает шах от слона. Поэтому такой шах называется открытым.

4. ... Крg8

5. Лq7+! Крh8

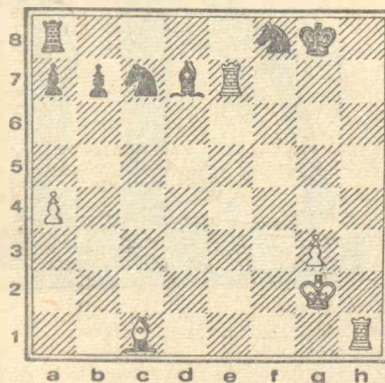
6. Л: c7 +

Суть проводимой комбинации в том, что белые многократно повторяют открытый шах, который дает им возможность уничтожить одну за другой черные фигуры.

6. ... Крg8

7. Лq7+

Закончите эту комбинацию — она называется мельницей — сами (у черных остаются «в живых» лишь король и конь). Ваш шахматный арсенал пополнился еще одним важным тактическим оружием.

если оглянуться назад

В IV—V веках чатуранга (так, если вы помните, у индусов назывались шахматы) из Индии попадает в Иран: вот как сообщает об этом один очень древний иранский документ: «Однажды великий индийский царь Девсарм решил испытать разум и мудрость иранцев, а заодно получить с них немалые дары.

Снарядил он тысячу двести верблюжьих вьюков золота и серебра, и самоцветов, и жемчуга, и одежды и все это отправил иранскому шахиншаху Хосрову (по-персидски шахиншах означает царь царей. Так именovali себя владыки Ирана). Кроме верблюдов он отправил ему и девяносто слонов. А еще послал со всем этим самого выдающегося среди индийцев — изобретателя чатуранги. И велел ему царь Девсарм взять с собой чатурангу, все 32 фигуры которой были из изумруда и красного яхонта. И поручил ему царь Девсарм отдать шахиншаху грамоту, в которой было написано:

«Так как являетесь Вы над всеми нами шахиншахом, подобает и ученым Вашим быть учение наших. Посылаю Вам в дар верблюдов, слонов и все остальное, а также и чатурангу, но если Вы сути этой чатуранги не раскроете, то верните все посланное и столько же еще пришлите».

А чтобы ничего не пропало и дары вернулись бы удвоенными, Девсарм приложил опись всем вещам.

Шахиншах Хосров три дня сроку потребовал и всех ученых своих собрал. День проходит — ученые молчат, второй прошел — все еще молчат. На третий день один из них — Вазургмихр — встал.

Он сказал:

— Бессмертным будь, о шах, с победным счастьем! Я суть этой чатуранги еще не раскрывал, чтобы все поняли: среди ученых мужей твоих ученийший — я. А теперь, когда убедился ты, что никто разгадать ее не может, берусь это сделать я. И пребывая в уверенности, о шах, что достоин ты шахиншества и что твои ученые ученые Девсарма учнее.

Шахиншах трижды сказал: «Слава Вазургмихру!» — и приказал выдать ему двенадцать тысяч дирамов.

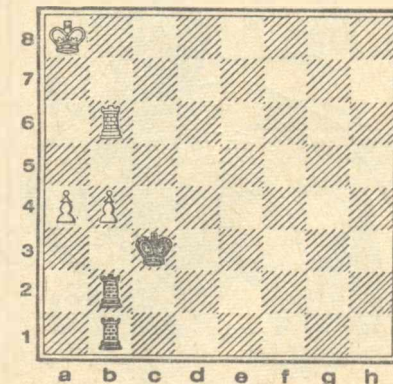
На другой день в присутствии шахиншаха и всех ученых мужей, в присутствии посла царя Девсарма взял Вазургмихр доску чатуранги, расставил на ней изумруд-

ные и яхонтовые фигуры и о каждой рассказал, какое ее значение и какой она делает ход. Когда он рассказал это, и о цели чатуранги тоже рассказал, все собрание застыло в удивлении.

После этого Вазургмихр двенадцать партий играл с изобретателем чатуранги — послом царя Девсарма и все двенадцать раз выиграл, и тогда всю страну посетила большая радость, а в сокровищнице шахиншаха Хосрова прибавилось много богатств».

со второго взгляда

Не правда ли, на первый взгляд кажется, будто белые здесь (эту Ф. Амелунга) должны проиграть? Ведь у черных две ладьи — грозная сила... И все же у белых есть ничья! Найти ее можно... со второго взгляда. Попробуйте!

БАДМИНТОН

Подача

Удар сверху

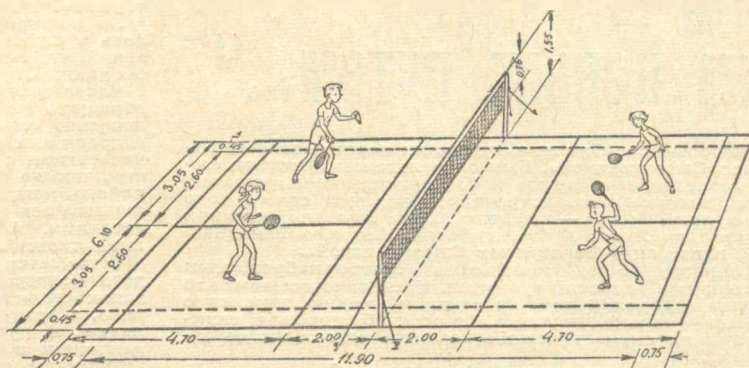
Удар справа

Удар слева

началось давно

...Эта игра, которую мы считаем совсем юной, потому что увлеклись ею недавно, на самом деле имеет уже почтенную историю. Во многих странах мира была известна она, правда, под разными именами. В Японии ее называли «айбен» («летающее перо»); мячом служила засушенная вишня и 5—6 гусиных перьев. Во Франции же ее именовали «волан». Еще в XVIII веке была она известна в России! В словаре Даля читаем: «ВОЛАН — закругленная с одного конца пробка с пернатым венцом в другом конце для игры в мячи; леток, летучка; ее бьют вскидывая ракеткой».

Площадка для игры в бадминтон. Момент парной игры. Жирным пунктиром отмечена площадка для одиночной игры.

Что касается современного названия игры — «бадминтон» — то возникло оно в конце прошлого века и обязано своим происхождением пасмурной английской погоде. Герцог Бофорт, не зная, чем занять в дождь гостей, которых он собрал в своем имении Бадминтон, вспомнил вдруг, что привез из Индии пернатые мячи и маленькие ракетки. Начали в зале перебрасывать пернатый мяч через веревку. Вот под этим именем игра и распространилась в Англии. Вновь стали открывать ее для себя многие страны мира. Была создана международная федерация любителей игры в бадминтон, куда ныне входят представители уже 50 стран, в том числе и нашей.

площадка, ракетка, волан

Играют в бадминтон на специально расчерченной площадке. Во дворах, на небольших дачных участках лучше всего делать комбинированную площадку, на которой можно проводить и одиночную и парную игру. Длина такой площадки 13,4, а ширина 6,1 метра. Лучше всего, если площадка будет защищена от ветра деревьями, домами.

Ракетки — деревянные, легкие, с удлиненой ручкой. Бывают они пластмассовыми и алюминиевыми.

Волан раньше делали из гусиных перьев. Но теперь, когда увлечение этой игрой стало массовым, пришлось перейти к пластмассовым воланам.

из правил

Играющие стремятся так ударить по волану, чтобы он погас на стороне противника, а если волан противником отбит, не дать ему упасть на своей стороне.

Счет в игре напоминает волейбольный. Во всех парных и смешанных играх, а также у мужчин в одиночных играх счет до 15 выигранных очков, а у женщин и детей в одиночных играх — до 11 очков. Но в любом случае нужно обогнать соперника по крайней мере на 2 очка.

Игрок, которому выпала очередь подавать, становится в любой точке правого поля подачи и, подбросив волан или уронив его с руки, отводит ракетку назад и бьет по волану. Принимающий должен следить за полетом волана и, когда он взвился над сеткой, отбить его в диагонально расположенное поле противника.

Ошибки, штрафные проигрыши, обычно такие: падение волана на своей стороне, вылет в аут или падение его в двухметровой зоне от сетки или в ненадлежащем поле. За игрой следит судья.

Очки начисляются подающему при ошибках принимающего, а если ошибся подающий, то он проигрывает подачу.

В бадминтоне есть особое требование при подаче в парных играх. подача в задний коридор считается ошибкой и штрафует потерей подачи. После того как мяч вошел в игру, можно отбивать и на заднюю линию, так как поле считается игровым (в том числе и коридор).

что прочитать

Издательство «Физкультура и спорт» выпустило в последние годы немало полезных и доступных книг. Вот некоторые:

Галицкий А. В., Марнов О. М. Албука бадминтона.

Глебович Б. В., Постников А. А. Бадминтон для детей.

Голубинский А. П. Площадка для бадминтона.

Давыдов Д. В. и др. Техника и тактика бадминтона.

Ксенин А. Д. Порхающий мяч.

С. ГЛАЗЕР,

мастер спорта СССР

Художник А. Орлов

„ИДУЧИ СИМ НОВЫМ ПУТЕМ...“

Некоторые свои письма художник подписывал: «Венецианов Сафонновской». Был он человеком простым, любил незатейливые шутки и балагурство. Но, кажется, в этой неоднократно встречаемой подписи своего рода усмешливый вызов — чем, мол, хуже звучит: Джованни Батиста ди Якопо Флорентийский, Антонио Венецианский, а вот он — Венецианов Сафонновской...

Сафонново было небольшим благоприобретенным имением в Тверской губернии. Несколько осевших изд да старый барский дом. Крестьян и имению приписано не было — только дворовые. По осени бездорожье, тяжелая зимняя снука и хозяйствование, отягощающее заботами...

Что заставило его стать «сафонновским»?

К тому времени (имение он приобрел в 1815 году) Венецианов уже получил звание академика, имел среди своих покровителей известных при дворе лиц, президент Академии художеств Оленин одобрително отзывался о его искусстве. Заказы на портреты были довольно частые. Дома жили у него ученики. По добросердечию бедным отказать он не мог, сам находил их. «Бывало, встретит ученика с портфелем или со свертком, остановит и спросит: «Что это у тебя, батюшка?» — «Рисунок». — «Покажи, голубчик. Хорошо, прекрасно! Ты давно ли учишься?» — «Давно». — «А чей ученик?» — «Ничей пока». — «И красками пишешь?» — «Пишу». — «Принеси-ко мне показать»... И ученик приходил... Если Алексей Гаврилович видел, что он беден... сунув руку в карман, тащил оттуда полтинник или целковый и дарил ученику на материалы; потом оглядывал его пристально, если замечал живописные развалины его сюжета, то говорил: «Эх, жаль, у тебя и сюжучок-то плох! Ну, да бог милостив, трудись, голубчик, приноси ко мне свои работы, а там и этому горю поможем».

Кажется, жизнь уже определилась, как по накатанной дорожке катилась. И вот надо все оставить и уехать в тверскую глушь. На обороте одного из портретов Венецианов написал, что «сим оставляет свою портретную живопись».

Алексей Гаврилович относился к тому редкому типу людей, которых по-хорошему называют «прекраснодушными». На почести и деньги не лезился, к искусству относился не как к ремеслу, а к глубоким душевным трепетом. Уже в старости, когда ему разрешили копировать в Эрмитаже одну из картин Рафаэля, работая, он не мог сдержать слез восторга. И вместе с тем он был то, что называется «натуральный человек». Жившая в нем твердая и убедительная в своей наивности любовь к земле, к природе, к простому человеку подсказала ему необходимость перемены, поиска. По интуиции, по внутреннему чутью он понял, что развитие искусства должно непременно связаться с живым чувством природы, с наблюдением, изучением обыденной жизни.

В «Автобиографической записке» он говорит: «Чтобы вполне посвятить себя живописи с оригиналов натурой... уехал в деревню свою, там занялся безусловным внима-

нием природы и идучи сим новым путем написал «Гумно...». Картина «Гумно» была написана Венециановым в 1821—1822 годах. На ней изображено в глубину пространство тона, хорошо крытого, с несколькими въездами; фигуры крестьян, уже отработавших, располагались у стен. Картина была куплена Александром I и повешена в Эрмитаже. Это казалось победой неслыханной: подумайте только, на стенах великолепного Эрмитажа — «Гумно».

Но по-видимому, еще раньше, чем «Гумно», создавалось в Сафоннове одно из самых поэтических произведений художника — полотно, которое называют: «Весна. На пашне».

Часто датируют его 30-ми годами. Но недавно было обращено внимание, что в списках фарфорового завода фигурки «типа Венецианова» существуют с 1817 года. А среди них есть женская фигурка — точное повторение крестьянки с картины «Весна». Тот же костюм, кокошник, так же подвернуты рукава. Известно, что в каждом районе, каждой области России были свои костюмы, отличающиеся и украшением, и отделкой, и различными деталями. А тут совершеннейшее повторение. И тип лица схожий.

Отличается «Весна» от картин 30-х годов силой молодого непосредственного восторга. Кажется, ощущаешь запах свежеевспаханной земли, будто плывет легкое море, а воздух напоен прозрачной синевой и дали неоглядны. И, кажется, что картина эта была написана художником в первую сафонновскую весну. Вышел он с этюдником на пашню, может быть, заранее договорился с крестьянками, которые будут ему позировать, все приготовил, кисти, палитру и вдруг забыл об искусстве. И вот эту-то минуту или несколько минут, когда он забл об искусстве, весь предавшись чувствам, он потом и пытался восстановить в картине. Некоторые посмотрят картину и скажут: есть тут некоторое неправдоподобие и идилличность — движения крестьянки исполнены грации, будто плывет она по земле, еле касаясь ее босыми ногами, да и ростом она выше лошадей. Это особенность Венецианова. Он никогда не стремился к абсолютному правдоподобию. Приподнятое состояние духа продиктовало ему такую форму, такой способ выражения. Образ простой мужички исполнился аллегорического смысла, стал своего рода символом Весны, России.

«Нет, мой дорогой, никогда не оставлю того, что питало и будет питать в уединении душу мою и гения», — так писал Венецианов. Когда наездами жил он в Петербурге, друзья уговаривали его бросить деревню. А Венецианов смеялся и уверял, что снука там случается только при казусных обстоятельствах, и то бывает она «не внутренняя, а внешняя и мимолетняя», и еще говорил: «Покой лучше веселья».

В Сафоннове созданы такие известные работы художника, как «Утро помещицы», «На жатве. Лето», «Захарна», «Девушка с бураком», «Спящий пастушок» и другие.

Сюда, в деревню, вспоминает дочь художника, «как бы по чутью добиралась до него из разных уездов» ученики. Среди них были и крепостные. Уверясь в их способности, Венецианов загорался мыслью освободить их, и уж трудно было остановить его на этом пути. Каких он только не придумывал дипломатически тонких ходов в разговоре с помещиком! А если не удавалось убедить, устраивал сбор, домашние лотереи. Для шестерых добился воли — среди них Тарас Шевченко. А для любимого ученика Сорони — прекрасного русского художника, не успел ничего сделать, погиб Сорона.

Добрая душа художника глядит на нас с его полотен. А живопись его кажется весенней улыбкой.

Л. ОСИПОВА

Главный редактор Л. М. ИВАНОВА. Редакционная коллегия: Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Б. В. ИГРИЦКИЙ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА, М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Оформление номера Юрия Колышева
Художественно-технический редактор А. К. Ершов

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. Литературные консультации редакция не дает.

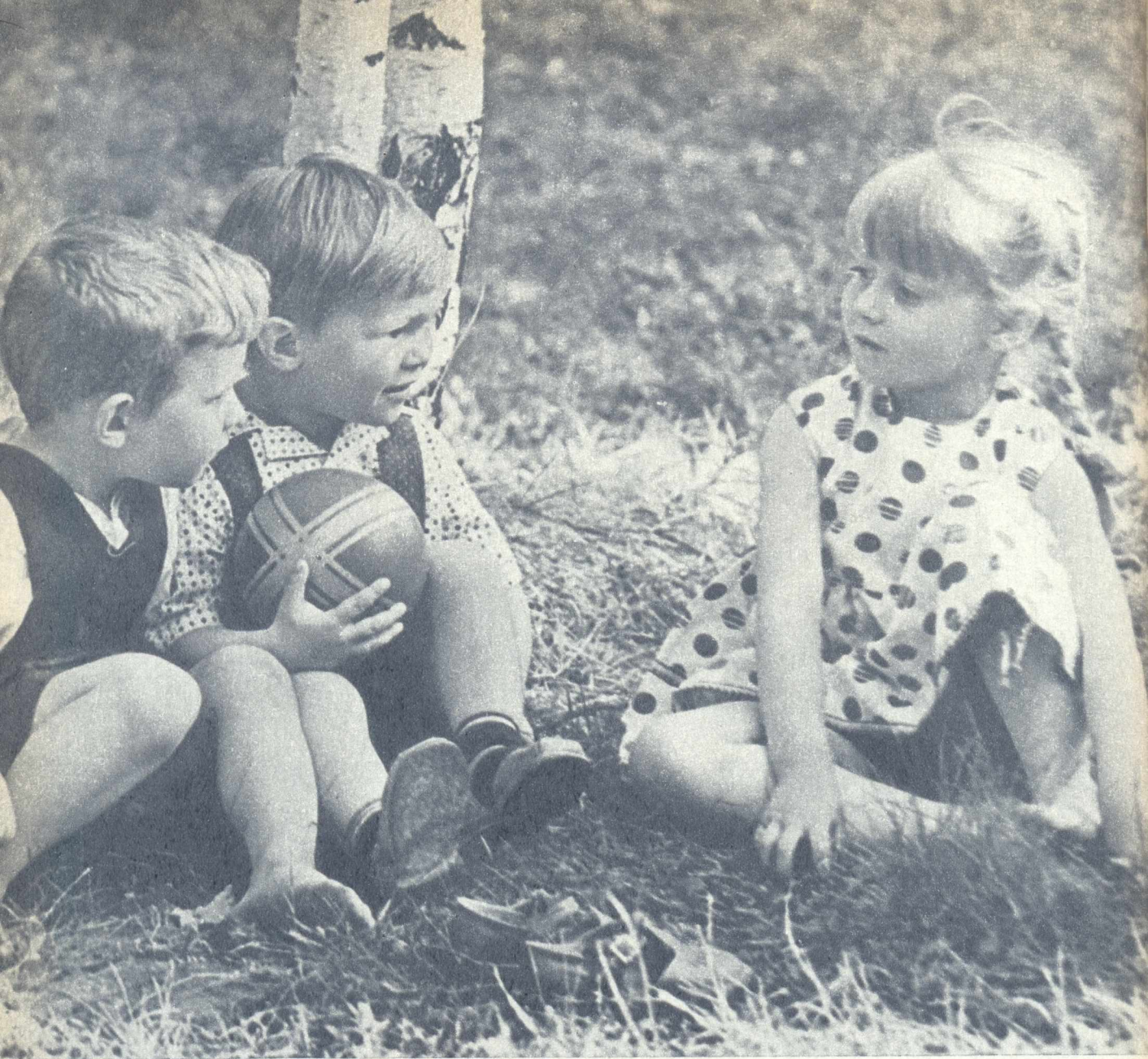
Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Комитета по печати при Совете Министров СССР
Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
Телефоны редакции: 245-03-73, 245-12-14, 245-23-69

Подписано к печати 7/IV 1970 г. А03723. Тираж 1647 460 (1—700 000) экз. Зак. № 1052. Бумага 84×108/16. Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42). Бум. л. 2,13. Уч.-изд. л. 10,79.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская ул., 11.

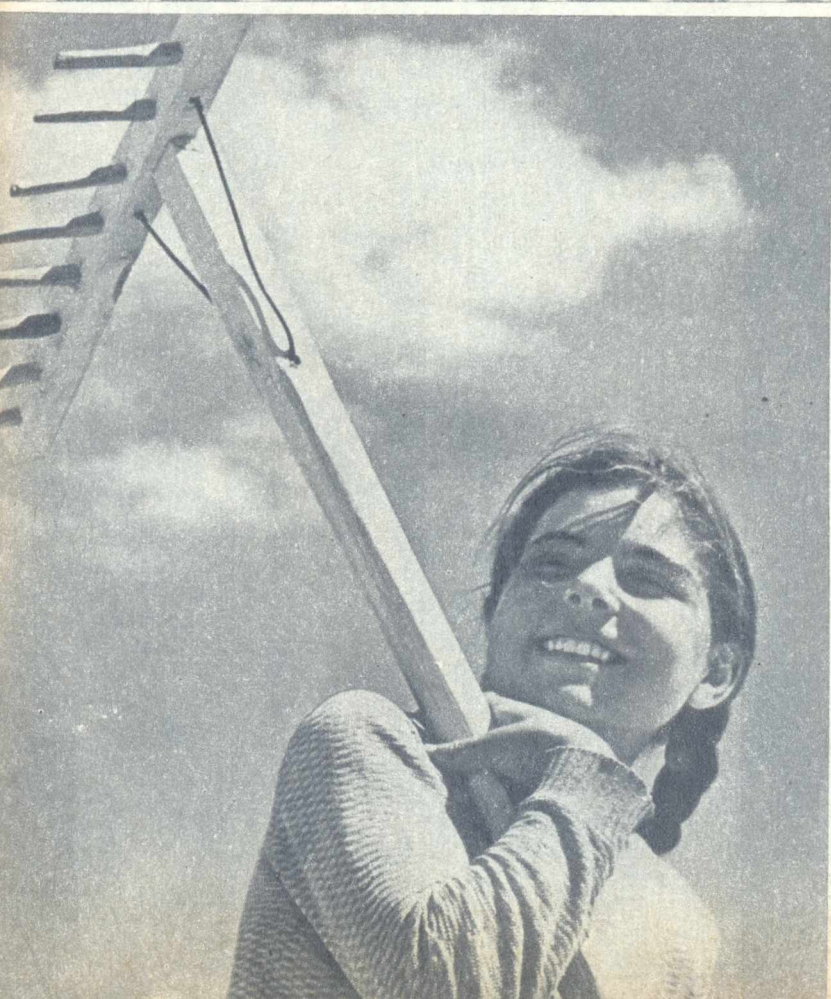

лето наших детей

Этим летом в распоряжении детворы — более 10 тысяч загородных и более 3 тысяч городских пионерских лагерей. Ребят ждут лагеря оборонно-спортивные и трудовые, лагеря любителей науки, техники, природы, искусства, краеведения. Всего за лето в лагерях отдохнут 18 миллионов детей.

Для тех, кому нужно поправить здоровье, — специальные санатории. Только за последние три года в стране выстроено 800 прекрасных детских здравниц. В лагеря санаторного типа поедут 160 тысяч ребят.

По местам боевой и трудовой славы пойдут десятки тысяч школьников. А многие отправятся и в зарубежные путешествия — к своим юным друзьям из социалистических стран.

Цена номера 25 копеек
70909